

Е.И. КРАСИЛЬНИКОВА

**«МЫ ПОМНИМ ДЕНЬ 7 НОЯБРЯ!»
ОКтябрьские торжества в Сибири:
Коммеморативный аспект
(1920–1945)**

Монография

В авторской редакции

Новосибирск 2018

УДК 940.5(571.1/5)

ББК 63.3(2)6,2P5

К 78

Рецензенты: *А. В. Апанасенок*, д-р истор. наук, доцент,
проректор по науке и международным связям
ЧОУ ВО «Региональный открытый социальный институт»
В. А. Эрлих, д-р. истор. наук, профессор НГАУ

Редактор: *А. С. Бочкова*

Красильникова Е. И. «Мы помним день 7 ноября». Октябрьские торжества в Сибири: коммеморативный аспект (1920–1945): монография / Е. И. Красильникова. – Новосибирск: Золотой колос, 2017. – 226 с.

ISBN 978-5-944-77-233-6

Годовщины Октябрьское революции вошли в историю как главный праздник советской страны. Начиная с 1920 г. массовые торжества, посвященные этой памятной дате, регулярно устраивались по всей Сибири. Автор предлагаемой монографии реконструирует смыслы и формы реализации динамично менявшейся государственной исторической политики, которая была нацелена на формирование в коллективной памяти населения определенных версий революционного прошлого. На примерах городов – административных центров Сибири демонстрируются изменения, происходившие в характере массовых торжеств. Одновременно выявляются реакции сибиряков на праздник в период с 1920 по 1945 гг. Книга адресована профессиональным историкам, этнологам, культурологам, политологам, аспирантам, студентам гуманитарных факультетов, учителям истории, а также широкому кругу читателей, интересующихся вопросами отечественной истории XX в.

ISBN 978-5-944-77-233-6

© Е. И. Красильникова? 2018

© Новосибирский государственный
аграрный университет, 2018

И вновь Октябрь ворвётся вихрем,
Сквозь суматоху вечных дел!
Мы помним всё – что с нами вышло,
Как мы прошли – через предел!

С. Мищик

ВВЕДЕНИЕ¹

Актуальность темы исследования. 2017 г. ознаменован столетием Октябрьской революции, во многом определившей историческое развитие России в Новейшее время и оказавшей воздействие на политические процессы за рубежом. Отдаленная от сегодняшнего дня на целый век революция до сих пор рассматривается как событие, влияющее на современную жизнь всего постсоветского пространства. Несомненно, на общественное сознание продолжают воздействовать пережитки политического культа Октябрьской революции, сложившегося еще на заре советской эпохи.

К концу 1930-х гг. официальная пропаганда уже преподносила Октябрьскую революцию как событие, открывшее новую эру всемирной истории. Восприятие революционных событий социумом всегда во многом зависело от государственной политики памяти, выражавшейся в открытой пропаганде и индоктринации – латентной манипуляции общественным сознанием. Одним из важнейших каналов трансляции государственной политики памяти являлись торжества коммеморативного типа, то есть направленные на увековечивание памяти. Среди массовых торжеств, имевших выраженную коммеморативную составляющую, важнейшее место занимали годовщины Октябрьской революции, находившиеся под строгим контролем государства,

¹ Монография подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 16–11–54002 «Октябрьские торжества в Сибири: коммеморативный аспект (1920–1945 гг.)».

которое стремилось максимально эффективно использовать коллективную память о революции в идеологических целях. Торжества воспитывали в гражданах особое ценностное восприятие прошлого, которое экстраполировалось властью и обществом на другие практики, как официальные, так и неформальные, повседневные.

Российская традиция политических праздников, имеющих коммеморативное значение, довольно устойчива. Заметно, что по формам торжеств советские праздники были похожи на дореволюционные, а от стандартов организации годовщин 7 ноября советского времени до сих пор зависимы не только коммунистические, но и «всенародные» праздники в Российской Федерации, прежде всего день Победы. На наш взгляд, обращение к истории празднований годовщин «Великого Октября» актуально в контексте критичного осмысления природы современных российских праздничных коммемораций: их риторики и идеологической направленности, а также их восприятия различными социально-политическими группами в регионах страны, где социально-политическая жизнь населения всегда имела свою специфику.

Актуальность изучения поставленной нами проблемы определяется также общими контекстами развития гуманитаристики. С начала XXI в. специалисты в области философии истории говорят о формировании новой парадигмы истории: предметом исследований все чаще становится «память». Одновременно активно развивается эортология (наука о праздниках). В последние годы проблемы праздничной культуры, привлекавшие ранее почти исключительно внимание этнографов, антропологов и культурологов, все чаще становятся объектом исследования политологов и историков, занимающихся социально-политической проблематикой. Государственные праздники, как имперского периода отечественной истории, так и советского, анализируются на

предмет их идеологического значения и роли в формировании политической культуры общества и тенденций развития коллективной памяти разных поколений россиян о национальном прошлом. Указанное направление научных исследований в настоящее время представлено рядом обобщающих научных трудов, подготовленных как отечественными, так и зарубежными авторами. Однако на региональных материалах разработка вопросов исторической эртологии советского периода лишь начинается.

Степень изученности темы. Тема праздничных коммемораций в западносибирских городах на этапе между Гражданской войной и окончанием Великой Отечественной войны специально не изучалась. Однако историография вопроса формирования праздничной советской культуры обширна и многоаспектна. Разговор о становлении советской традиции празднований годовщин Октябрьской революции возможен лишь с учетом общих контекстов социально-политической и культурной истории рассматриваемого периода. Поэтому, во-первых, целесообразно выделить основополагающие работы, посвященные специфике советской политической системы и политической культуры, углубляющие понимание политического значения праздничных коммемораций. Концептуальное осмысление исторических процессов в СССР, характерных для 1920–1930-х гг., до сих пор выстраивается преимущественно вокруг понятия «тоталитаризм», введенного в научный оборот в 1930-х гг. и активно разрабатывавшегося в 1950–1960-х гг. Долгое время в научной и публицистической литературе господствовало представление о всеобщем контроле вождя над жизнью общества и об атмосфере «невероятного страха, который окончательно выковал и воспитал советского человека»². «Культурный поворот» в англоязычной историографии спо-

² Синяевский А. Д. Основы советской цивилизации. М., 2002. С. 124.

способствовал деидеологизации и усложнению представлений западных историков о сталинизме. Современная наука постепенно отказывается видеть в нем лишь репрессивную сторону и насилие над массами. Так, Ш. Фицпатрик (Sh. Fitzpatrick) подчеркивает ориентир тоталитарного государства на массовое сознание и массовые запросы, популизм, способность улавливать и использовать общественные настроения³.

Однако в изучаемый нами период государство усердно работало над целенаправленным формированием определенной версии исторической памяти общества, в частности, об Октябрьской революции. Отмечается, что отношение к истории и памяти со стороны государства стало откровенно потребительским. Ценность оригинального взгляда на прошлое и стремление к поиску объективной исторической истины отвергались. Проблемы политики памяти и исторической политики 1920–1930-х гг. рассмотрены в работе петербургского историка Н. Е. Копосова, который показывает динамику официальных интерпретаций прошлого России⁴. В книге «Память строгого режима: история и политика в России» говорится о том, что в 1920-х гг. господствовало представление о революции как о проявлении универсальных законов истории, прописанных в марксистской теории. А уже в следующем десятилетии произошла «национализация истории», сопровождавшаяся «осторожной, выборочной и частичной реабилитацией царизма»⁵. Копосов указывает на различные методы сталинской исторической политики: репрессии против неугодных ученых, руководство историческим образованием, использование в целях

³ *Фицпатрик Ш.* Срывайте маски!: идентичность и самозванство в России XX в. М., 2011. С. 18.

⁴ *Копосов Е. Н.* Память строгого режима: история и политика в России. М., 2011.

⁵ Там же. С. 77–83.

пропаганды кино и художественной литературы и т.п. Также в книге описан сталинский героический пантеон – иерархическая структура официально признанных фигур памяти, отражающая особое ценностное отношение к прошлому.

Изменения в советской исторической политике в 1930-х гг. описаны и англоязычными авторами, такими как Д. Бранденбергер (D. Brandenberger)⁶ и Д. Хоффманн (D. Hoffmann), связавший резкий переход официальной советской культуры к консервативным ценностям и возрождение памяти о национальных героях царской России с целью укрепления социалистического строя⁷.

Проблемы государственной исторической политики, которая не была институализирована и реализовывалась главным образом посредством разных форм пропаганды, изучали и такие известные историки, как киновед и специалист по советской периодике П. Кенез (P. Kenéz)⁸ и исследователь советской массовой культуры Дж. Брукс (J. Brooks)⁹. Работы этих авторов раскрывают веру руководителей советского государства во всемогущество машины пропаганды, способной обеспечить консолидацию общества и мобилизовать его на решение глобальных политических задач. В англоязычной историографии показано поэтапное формирование «пропагандистского государства», неизменно прибегавшего к контролю над исторической памятью, и его кризис, вызванный Большим террором.

⁶ *Brandenberger D.* Propaganda state in crisis: Soviet ideology, indoctrination and terror under Stalin, 1927–1941. New Haven; London, 2011.

⁷ *Hoffmann D.* Stalinist values: the cultural norms of Soviet modernity, 1917–1941. Ithaca: Cornell University Press, 2003.

⁸ *Kenéz P.* The Birth of the Propaganda State: Soviet Methods of Mass Mobilization, 1917–1929. Cambridge; N. Y., 1985.

⁹ *Brooks J.* Thank You, Comrade Stalin!: Soviet Public Culture from Revolution to Cold War. Princeton, 2000.

Западная историография рассматривает вопросы истории советской пропаганды и исторической политики, как ее части, во взаимосвязи с ориентиром государства на цели социальной мобилизации (массовой мобилизации), которая раскрывается и в конкретно-исторических исследованиях Д. Пристланда (D. Priestland)¹⁰, М. Леное (M. E. Lenoë)¹¹ и др. Ведущие российские историки, занимающиеся советским периодом, – О. Н. Хлевнюк¹² и А. Н. Медушевский¹³ – также не обошли вниманием проблемы изучения социальной мобилизации сталинского периода, как важной составляющей тоталитарной системы. Для нашего исследования важно то, что эта проблематика специально разрабатывалась с точки зрения разных аспектов коллективом сибирских авторов под руководством С. А. Красильникова¹⁴. В частности, ими были рассмотрены социально-кадровые мобилизации, мобилизация в армии, агентурная работа ОГПУ-НКВД, идеолого-пропагандистские кампании. Однако политические праздники в рамках этого проекта специально не исследовались.

Праздники – это не только порождение идеологии и пропаганды, но и культурное явление, всегда отражающее ту или иную традицию, которая может быть как исконной, так и, говоря языком Э. Хобсбаума, «изобретенной». Именно поэтому необходимо рассматривать годовщины Октября в общем контексте русской и советской культуры. Прежде

¹⁰ *Pristland D. Stalinism and the Politics of Mobilization: Ideas, Power and Terror in Inter-War Russia.* Oxford; N. Y.: Oxford, 2007.

¹¹ *Lenoë M. E. Closer to the Masses: Stalinist Culture, Social Revolution, and Soviet Newspapers.* Cambridge, Mass, 2004.

¹² *Хлевнюк О. В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры.* М., 2010.

¹³ *Медушевский А. Н. Сталинизм как метод социального конструирования. К завершению научно-исследовательского проекта // Российская история.* 2010. № 6. С. 3–29.

¹⁴ *Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х – 1930-е гг.).* Новосибирск, 2013.

всего политический праздник вписан в контексты политической же культуры.

Осмысление формирования советской политической культуры происходило в российской историографии еще в 1990-х гг. Первые обобщающие работы на эту тему предложили, в частности, В. А. Щегорцов¹⁵ и А. В. Голубев¹⁶. Щегорцов определил тип советской политической культуры как «харизматический, индифферентный (патриархальный) в сочетании с верноподданническим»¹⁷. Голубев же подчеркнул инертность российской политической культуры в канун Октябрьской революции, неприятие обществом идей модернизации, высказывавшихся представителями либеральных политических сил, поиск альтернативы этому пути дальнейшего экономического и социально-политического развития. Голубев предположил, что в программах большевиков народ увидел такую альтернативу, однако на практике их модернизационные планы оказались куда более радикальными. Становление тоталитарного политического режима быстро меняло общество, массовое сознание, вело к утверждению новых ценностей и эсхатологических представлений. Соответственно, стало возможным говорить о формировании советской политической культуры, как системы исторически сложившихся, относительно устойчивых и воплощающих опыт предшествующих поколений людей установок, убеждений, представлений, моделей поведения, проявляющихся в деятельности субъектов политического процесса и обеспечивающих воспроизводство политической жизни на основе преемственности¹⁸.

¹⁵ *Щегорцов В. А.* Эволюция политической культуры советского общества: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 1991.

¹⁶ *Голубев А. В.* Тоталитаризм как феномен истории XX в. // *Власть и общество в СССР: политика репрессий (20–40-е гг.)*. М., 1997. С. 7–33.

¹⁷ Там же.

¹⁸ *Культура политическая // Политология: слов. – справ.* С. 189.

Характеристики сталинизма как культурного явления существуют и в англоязычной историографии. Такова обобщающая работа С. Коткина (S. Kotkin)¹⁹. Частные вопросы «эстетизации политики» исследовали российские ученые Б. И. Колоницкий²⁰ и В. В. Глебкин²¹. Проблемы советской политической символики и визуальные репрезентации политического активно изучались преимущественно зарубежными исследователями: В. Боннелл (V. E. Bonnell)²², К. Корни (F. C. Corney)²³, К. Петроне (K. Petrone)²⁴, С. Четтерджи (C. Chatterjee)²⁵, Я. Плампером (J. Plamper)²⁶ и др.

Во-вторых, нельзя обойти вниманием и общие работы, посвященные социально-политической обстановке, *политическим настроениям* и общественному мнению в СССР и в Сибири, в частности отношениям нашего региона и столицы. Прежде всего, стоит остановиться на литературе, посвященной ключевым событиям Октябрьской революции в городах Сибири, без обращения к которой невозможно понять акценты советской пропаганды, использовавшей историю. Советская историография, посвященная Октябрьской революции в Сибири, практически неохватна и сильно зависима от идеологических контекстов. Ее систематиче-

¹⁹ Kotkin S. *Magnetic Mountain: Stalinism as Civilization*. Berkeley, 1995.

²⁰ Колоницкий Б. И. *Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 г.* СПб., 2011.

²¹ Глебкин В. В. *Ритуал в советской культуре*. М., 1998.

²² Bonnell V. E. *Iconography of Power: Soviet Political Posters under Lenin and Stalin*. Berkeley; Los Angeles; L., 1997.

²³ Corney F. C. *Telling October: Memory and the Making of the Bolshevik Revolution*. Ithaca, N. Y., 2004.

²⁴ Petrone K. *Life Has Become More Joyous, Comrade: Celebrations in the Time of Stalin*. Bloomington, 2000.

²⁵ Chatterjee C. *Celebrating Women: Gender, Festival Culture, and Bolshevik Ideology, 1910–1939*. Pittsburgh, 2002.

²⁶ Плампер Я. *Алхимия власти: культ Сталина в изобразительном искусстве*. М., 2010. С. 9.

ское изучение является отдельной широкой темой²⁷. Потому остановимся лишь на наиболее значимых работах.

Примером ранних советских опытов описания и концептуализации хода революции в городах Сибири могут послужить труды В. В. Вегмана²⁸ и Е. М. Ярославского²⁹, отражающие собственный революционный опыт авторов. Подобные произведения, не являясь строго научными, отражают те особые смыслы празднований годовщин Октября в городах Сибири, которые формулировали революционеры, ставшие в 1920-х гг. партийными функционерами и общественными деятелями.

Важный итог обобщения знаний об Октябрьской революции в Сибири отражает фундаментальное коллективное издание 1960-х гг. «История Сибири»³⁰. Этому же десятилетию принадлежат две специальные работы по истории революции в Сибири: книга В. П. Сафронова «Октябрь в Сибири»³¹ и произведение М. М. Шорникова «Год 1917. Большевики Сибири в борьбе за победу Октябрьской социалистической революции»³². Разумеется, все эти труды были основаны на источниках исключительно большевистского происхождения. Изучение участия небольшевистских сил в революции осуществилось в 1960-х гг. лишь в Том-

²⁷ Подробнее см.: Курас Л. В. Октябрьская революция в Сибири в 1917 – середине 1918 г. в отечественной исторической литературе и источниках: автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. Иркутск, 1995.

²⁸ *Вегман В. Д.* От победы к победе: к пятилетию Великой Октябрьской революции // Известия омского губернского комитета РКП (б). Омск, 1922. № 4. С. 5–13; Он же. От февраля к Октябрю // Большевик. Новониколаевск. 1924. № 3. С. 13–23.

²⁹ *Ярославский Е. М.* Октябрьская революция в Сибири // Историк-марксист. 1932. № 6. С. 35–41.

³⁰ История Сибири с древнейших времен до наших дней. Л., 1968. Т. 4: Сибирь в период строительства социализма. С. 27–176.

³¹ *Сафронов В. П.* Октябрь в Сибири. Красноярск, 1962.

³² *Шорников М. М.* Год 1917. Большевики Сибири в борьбе за победу Октябрьской социалистической революции. Новосибирск, 1967.

ске историками, корпорацию которых в то время возглавлял И. М. Разгон³³. Результатом многолетней исследовательской деятельности томских ученых в этом направлении стала публикация очередного обобщающего издания, приуроченного к юбилейной дате – 70-летию Октября³⁴.

Освобождение исторической науки от идеологического диктата после 1991 г. привело к открытой переоценке существовавшей историографии Октябрьской революции в Сибири. В последние 25 лет было написано немало о самых разных аспектах революционных событий и процессов в городах Сибири. Останавливаясь лишь на трудах, претендующих на обобщение, отметим, в частности, монографию М. В. Шиловского «Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920 гг.»³⁵ и кандидатскую диссертацию А. П. Дементьева «Общественно-политическая жизнь в Енисейской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 гг.)»³⁶.

Ход революционных событий в сибирских городах описывается в научно-популярных историко-краеведческих изданиях по истории этих городов, которые выходили как в советские годы³⁷, так и после распада СССР, когда стало

³³ *Разгон И. М.* Расстановка классовых сил в Сибири накануне и в период Великой Октябрьской социалистической революции // Вопросы истории Сибири. Томск, 1964. Вып. 4. С. 3–28.

³⁴ Победа Великого Октября в Сибири. Ч.1. (Февральская революция и двоевластие). Томск, 1987; Победа Великого Октября в Сибири. Ч. 2. (Социалистическая революция и победа Советской власти). Томск, 1987.

³⁵ *Шиловский М. В.* Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920 гг. Новосибирск, 2003.

³⁶ *Дементьев А. П.* Общественно-политическая жизнь в Енисейской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2014.

³⁷ *Вендрих Г. А., Кудрявцев Ф. А.* Иркутск: Очерки по истории города. Иркутск, 1958; Новониколаевск, 1917. Хроника событий. Новосибирск, 1967; Юрасова М. К. Омск: очерки истории города. Новосибирск, 1965 и др.

возможным отойти от предвзятого, обусловленного идеологией взгляда на прошлое Сибири³⁸.

Изучение истории праздничных торжеств заставляет обратиться к исследованиям по истории тех властных структур, которые отвечали за их организацию. Общие принципы функционирования Сиббюро ЦК РКП (б) определены С. А. Папковым³⁹, функции и принципы работы Сибревкома были установлены еще в 1970-х гг. юристом Р. Ш. Штейнман⁴⁰. Более глубокое изучение этой проблемы нашло отражение в исследованиях историка В. И. Шишкина⁴¹, перу которого принадлежит и обобщающая работа о характере государственного управления Сибирью в первой трети XX в.⁴² Деятельность горсоветов в Сибири изучалась также С. А. Папковым⁴³.

Память сибиряков об Октябрьской революции и политика памяти, находившая отражение в праздничных меморациях, формировались при участии Истпартов – региональных комиссий по изучению истории Октябрьской

³⁸ *Дмитриенко Н. М.* История Томска. Томск, 2016; Кокоулин В. Г. Новониколаевск в годы революции, гражданской войны и «военного коммунизма» (февр. 1917 – март 1921 г.). Новосибирск, 2010; Очерки истории города Омска. Т. 2. Омск. XX в. Омск, 2005; Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 годы. Иркутск, 1994.

³⁹ *Папков С. А.* Сиббюро ЦК РКП (б) [Электронный ресурс] // Историческая энциклопедия Сибири. URL: <http://bsk.nios.ru/enciklodediya/sibbyuro-ck-rkpb> (дата обращения: 24.05.2017).

⁴⁰ *Штейнман Р. Ш.* Сибирский революционный комитет: автореф. дис. ... канд. юр. наук. Свердловск, 1975. С. 16.

⁴¹ *Шишкин В. И.* Революционные комитеты Сибири в годы Гражданской войны (август 1919 – март 1921 г.). Новосибирск, 1978.

⁴² *Шишкин В. И.* Государственное управление Сибирью в конце XIX – первой трети XX в. // Власть и общество в Сибири в XX веке. Новосибирск, 2010.

⁴³ *Папков С. А.* Городское самоуправление Новониколаевска (Новосибирска) в 1920-е годы // Власть и общество в Сибири в XX веке. Новосибирск, 2015. Вып. 6. С. 143.

революции и РКП (б). Их эволюции посвящено огромное количество работ⁴⁴. В контексте задач нашего исследования важно остановиться на основных, прежде всего современных, публикациях, дающих представление о составе этих комиссий, их целях, методах работы и результатах деятельности. Это – работы А. И. Шумилова⁴⁵, М. Ю. Дашинимаевой⁴⁶ и Л. А. Пасадскова⁴⁷. Отдельно стоит добавить, что К. Корни (F. C. Corney) исследовалась роль Истпарта в идеологизации памяти о революции, а также проблемы реализации на местах задач, ставившихся перед региональными комиссиями Истпарта центром⁴⁸.

Государственные праздники являли собою фасад политической жизни в СССР и его регионах. Реальная политическая обстановка со всеми ее противоречиями и конфликтами неизбежно влияла на характер празднований и расстановку акцентов праздничной пропаганды. Пышные торжества устраивались на фоне введения продразвёрстки, утверждения и свертывания нэпа, коллективизации, форсированной индустриализации, культурной революции. Повседневная жизнь сибиряков описана, в частности, В. И. Исаевым⁴⁹.

⁴⁴ Обзор историографии данного вопроса представлен в работе: Сливко С. В. Деятельность дальневосточного Истпарта по изучению истории революционного движения, гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке России (1922–1939 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2014. С. 4–24.

⁴⁵ Шумилов А. И. Организация и деятельность Истпартов Сибири (1920–1939): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1987.

⁴⁶ Дашинимаева М. Ю. История создания и деятельности Истпартов на территории Байкальского региона (1921–1939 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2009.

⁴⁷ Пасадсков А. Л. Истпарт [Электронный ресурс] // Историческая энциклопедия Сибири. URL: <http://sibhistory.edu54.ru/> (дата обращения 25.05.2015).

⁴⁸ Corney F. C. Telling October.

⁴⁹ Исаев В. И. Необычные судьбы обычных людей: советская повседневность в 1920–1930-е гг. Новосибирск, 2008.

Городская повседневность Новосибирска 1920–1930-х гг. изучалась также и автором данного исследования⁵⁰. Показателем неблагополучия социально-политической обстановки в стране и регионе выступали политические репрессии. Общие проблемы реализации политики репрессий в нашем регионе отражают работы С. А. Папкова⁵¹ и В. Н. Уйманова⁵². Неоднозначности восприятия обществом политики и пропаганды советского государства посвящены, например, работы А. Я. Лившица, характеризующего общественные настроения и политические эмоции населения СССР⁵³, а также С. Дэвис, строящей свои выводы преимущественно на основе сводок о политических настроениях⁵⁴.

В-третьих, *необходимо остановиться на исследованиях, посвященных теме государственного праздника в России и в СССР*. Еще в дореволюционный период праздники имперской России (церковные и протонародные) стали предметом изучения зачинателей отечественной эртологии: И. М. Снегирева⁵⁵, И. П. Сахарова⁵⁶ и др. Знакомство с этими

⁵⁰ Красильникова Е. И. Жизнь в городе-акселерате: обеспечение потребностей новосибирцев в межвоенное время (конец 1919 – первая половина 1941 г.). Новосибирск, 2008.

⁵¹ Папков С. А. Сталинский террор в Сибири 1928–1941. Новосибирск, 1997; Он же. Обыкновенный террор: политика сталинизма в Сибири. М., 2012.

⁵² Уйманов В. Н. Ликвидация и реабилитация: политические репрессии в Западной Сибири в системе большевистской власти (конец 1919–1941 г.). Томск, 2012.

⁵³ Лившиц А. Я. Настроения и политические эмоции в Советской России (1917–1932 гг.). М., 2010.

⁵⁴ Дэвис С. Мнение народа в сталинской России: террор, пропаганда и инакомыслие (1934–1941 гг.). М., 2011.

⁵⁵ Снегирёв И. М. Русские протонародные праздники и суеверные обряды [Электронный ресурс]. М., 1837–1839. Вып. 1–4. URL: <http://www.rodnovery.ru/knizhnaya-polka/200-russkie-prostonarodnye-prazdniki-i-suevernye-obryady> (дата обращения: 01.10.2017).

⁵⁶ Сахаров И. П. Сказания русского народа о семейной жизни своих предков. СПб., 1837.

работами дает возможность составить представление о характере изменений, происходивших в сфере государственных торжеств в советское время. Значительное развитие изучения темы светских праздников, политических торжеств и дворцовых церемониалов в дореволюционной России отражает современная историография (работы О. Г. Агеевой⁵⁷, С. А. Лимановой⁵⁸, А. Ф. Некрыловой⁵⁹). Все эти исследования позволяют судить о предыстории советских праздников и праздничных коммемораций, организаторы которых так или иначе использовали дореволюционный опыт.

Отдельный интерес представляют исследования Ю. М. Гончарова⁶⁰ и С. А. Шилина⁶¹, посвященные городским дореволюционным праздникам, подготовленные на материалах Сибири. Историками нашего региона описаны разнообразные примеры массовых празднований памятных дат политического и культурного значения в дореволюционной Сибири, а также предприняты попытки обобщения эмпирического материала, однако коммеморативной стороне торжеств особенного внимания до сих пор не было уделено.

Государственные праздники 1920–1930-х гг., устраивавшиеся в советской России, были описаны некоторыми исследователями уже в 1960–1980-х гг. Безусловно, все эти авторы не могли игнорировать узкие идеологические рамки,

⁵⁷ *Агеева О. Г.* Светские ежегодные праздники русского двора от Петра до Екатерины Великой // Отечественная история. 2006. № 2. С. 11–26.

⁵⁸ *Лиманова С. А.* Официальные церемонии в городском пространстве Петербурга и Москвы в царствование Николая II: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2013.

⁵⁹ *Некрылова А. Ф.* Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища конца XVIII – начала XX в. Л., 1984.

⁶⁰ *Гончаров Ю. М.* Городские праздники в Западной Сибири в середине XIX – начале XX в. // Вестн. Том. ГПУ. 2004. № 4. С. 9–15.

⁶¹ *Шилин С. А.* Общественные праздники в Барнауле (конец XIX – начало XX в.). Барнаул, 2008.

которые не оставляли возможности для критичного взгляда на праздничную культуру межвоенных десятилетий. Советский праздничный календарь, специфика массовых торжеств и их идеологическое значение в последние годы активно изучаются как российскими, так и зарубежными учеными. В России эта тематика исследуется преимущественно на региональных материалах (работы М. К. Декановой⁶², И. Н. Котылевой⁶³, С. Н. Шаповалова⁶⁴, С. В. Менькова⁶⁵ и др.). Отметим, что в области современной российской эртологии имеются существенные достижения, к числу которых, несомненно, стоит отнести работы С. Ю. Малышевой, выполненные на материалах Татарстана⁶⁶. Светлана Юрьевна не только детально описывает изменения в праздничном календаре и разъясняет принципы организации торжеств, но и выявляет рецепцию советской праздничности и интерпретирует символику и историческую мифологию революционных праздников 1920-х гг. Нельзя обойти вниманием и исследование В. В. Глебкина, в котором праздничные митинги и демонстрации характеризуются как семантическое ядро советских праздников. Этот автор обращает

⁶² Деканова М. К. Трансформация российской праздничной культуры в конце XIX – первой трети XX в.: центр и провинция: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2009.

⁶³ Котылева И. Н. Праздничная культура Европейского Северо-Востока России в 1918 г. – начале 1930-х гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 2005.

⁶⁴ Шаповалов С. Н. Историческая трансформация российских (советских) государственных праздников в 1917–1991 гг. (на материалах Краснодарского края и Ростовской области): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2011 и др.

⁶⁵ Меньков С. В. Формирование новой модели праздника на Алтае в 1920-е гг. // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2016. № 5. С. 121–126; Он же. Процесс организации советских государственных праздников на Алтае в 1930-е гг. // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2016. № 10. С. 84–87.

⁶⁶ Малышева С. Ю. Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, мифы (1917–1927). Казань, 2005.

внимание на происхождение советских ритуалов и их связь с дореволюционными традициями⁶⁷. Не менее интересны работы томского политолога А. И. Щербинина, рассматривающего государственные праздники советского периода как средство политической индоктринации⁶⁸.

Необходимо также остановиться на книге Г. А. Бордюгова «Октябрь. Сталин. Победа. Культ юбилеев в пространстве памяти»⁶⁹. В этом исследовании внимание автора сконцентрировано на советской политике памяти, отраженной в характере проведения торжеств. Большое внимание уделено Октябрьским торжествам, на примере которых демонстрируются попытки власти управлять коллективной памятью населения страны. Однако автором сделан акцент только на юбилейных датах.

В преддверии столетия Октябрьской революции были опубликованы две интересные статьи В. В. Тихонова, посвященные особенностям мемориализации Октябрьской революции в разные десятилетия советской истории⁷⁰. Тихонов приводит обзор коммеморативных инициатив большевиков начиная с 1917 г. (закладка революционного некрополя у Кремлевской стены, основание музеев истории революции, празднование годовщин революционных событий, формирование газетного нарратива, связанного с революцией,

⁶⁷ Глебкин В. В. Указ. соч.

⁶⁸ Щербинин А. И. «Красный день календаря»: формирование матрицы восприятия политического времени в России // Вестн. Томск. гос. ун-та: сер.: «Философия. Социология. Политология». 2008. № 2. С. 52–69; Он же. Тоталитарная индоктринация: у истоков системы: политические праздники и игры // Полис. 1998. № 5. С. 79–96.

⁶⁹ Бордюгов Г. А. Октябрь. Сталин. Победа: культ юбилеев в пространстве памяти. М., 2010.

⁷⁰ Тихонов В. В. Революция 1917 года в коммеморативных практиках и исторической политике советской эпохи // Российская история. 2017. № 2. С. 92–112; Он же. Революция повторяется (образ революции 1917 г. в эпоху перестройки) // Новое прошлое. 2016. № 2. С. 205–216.

установка памятников, начало работы Истпартов и др.). Отдельно характеризуются коммеморации, связанные с празднованием 10-летия Октября, и их идеологическое значение, а также альтернативные мероприятия троцкистов в Москве и Ленинграде. Тихонов последовательно описывает изменения, происходившие в понимании руководством советского государства идеологического смысла торжеств в 1937 г., во время Великой Отечественной войны, в годы оттепели, застоя и перестройки. Работы этого автора наиболее тесно пересекаются с предметом нашего исследования. Однако их автор не углубляется в рассмотрение самих торжеств, их организации, связи с уже существовавшими традициями праздничной культуры, их восприятия населением. Не идет речь и о торжествах в разных уголках СССР. Небесспорны и отдельные выводы. В частности, говорится, что к 20-летию Октября произошла «канонизация образа Ленина, который из живого человека превратился в высший моральный авторитет». Наши предыдущие исследования позволяют сказать наверняка, что это случилось уже в 1920-х гг., практически сразу после смерти вождя⁷¹. А вывод о скромности празднований годовщин революции в годы Великой Отечественной войны едва ли справедлив для Сибири – тылового региона, где праздник использовался для активной пропаганды помощи фронту.

Историки и публицисты неоднократно описывали Октябрьские торжества 1941 г., признавая их исключительное идеологическое значение. В частности, О.В. Хлевнюком раскрыта руководящая роль И.В. Сталина в организации праздника в осажденной Москве, описаны торжественные мероприятия и проанализированы речи вождя, положенные в основу обширной пропагандистской кампании, направ-

⁷¹ Красильникова Е.И. Помнить нельзя забыть? Памятные места и коммеморативные практики в городах Сибири (конец 1919 – середина 1941 г.). Новосибирск, 2015. С. 236–269.

ленной на подъем патриотических чувств⁷². Однако то, как праздновали день 7 ноября в Сибири военных лет до сих пор остается неизученным.

Немалый вклад в разработку тематики, связанной с массовыми праздниками, внесли зарубежные авторы. Предметом исследования немецкого историка М. Рольфа стало идеологическое и культурное значение советских праздников для общества⁷³. Он попытался показать контекстуальную и эстетическую взаимосвязь торжеств 1920–1930-х гг. (в том числе проходивших в Новосибирске) с российскими праздниками имперского периода, послевоенного времени, с торжествами тоталитарных Германии и Италии. К. Корни предпринята попытка концептуального осмысления сакрализации Октябрьской революции в официальном дискурсе, форм и способов формирования в коллективной памяти народа определенной версии военно-революционных событий. В числе каналов трансляции советской версии памяти о революции представлены, в частности, и государственные праздники. Эта работа⁷⁴ очень близко соприкасается с нашим собственным исследованием. Глубокий анализ идеологического значения 20-летнего юбилея Октябрьской революции предложен в книге американского историка К. Петроне (K. Petrone). На примере юбилея автор демонстрирует приемы «коррекции» исторической памяти о революции и ее подчинения общим идеологическим контекстам сталинской политики периода Большого террора⁷⁵.

Будучи в целом новаторскими, работы зарубежных исследователей обращены преимущественно к юбилейным датам и строятся на материалах Москвы и Ленинграда, слабо

⁷² Хлевнюк О. В. Сталин. Жизнь одного вождя: биография. М., 2016. С. 298–300.

⁷³ Рольф М. Советские массовые праздники. М., 2009.

⁷⁴ Corney F. C. Telling October.

⁷⁵ Petrone K. Life Has Become More Joyous, Comrade. P. 149–174.

отражая региональную специфику. До сих пор практически не исследовались Октябрьские торжества в годы Великой Отечественной войны (за исключением праздника, состоявшегося в 1941 г.), в том числе в сравнении с довоенным периодом.

Цель исследования – раскрыть динамику коммемораций, связанных с массовыми празднованиями годовщин Октябрьской революции в городах Сибири в условиях становления и развития советской политической системы и связанных с ней контекстов социально-экономической, культурной и повседневной жизни в СССР на этапе между концом 1919 и серединой 1945 г.

Для этого предстоит решить ряд взаимосвязанных задач:

- Во-первых, определить общие контуры предыстории праздничных коммеморативных практик, типичных для жителей городов Сибири до 1920 г., и установить политические, социально-экономические, а также культурные условия и факторы изменений в Октябрьских коммеморациях, устраивавшихся в сибирских городах в 1920–1945 гг.

- Во-вторых, определить содержание советской политики памяти, отраженной в Октябрьских коммеморациях, установить субъекты политики памяти и выяснить их роли в организации Октябрьских торжеств, проходивших в городах Сибири.

- В-третьих, раскрыть специфику сохранения тенденций традиционного развития сферы массовых празднований годовщин Октябрьской революции и охарактеризовать советские нововведения (новации) в праздничных коммеморациях.

- В-четвертых, выявить основные тенденции восприятия жителями сибирских городов Октябрьских коммемораций, устраивавшихся в Сибири с 1920 по 1945 г.

• В-пятых, показать особенности репрезентаций Октябрьских коммемораций в газетной печати Сибири в годы Великой Отечественной войны.

Объектом исследования являются Октябрьские торжества в городах Сибири, устраивавшиеся в период с 1920 по 1945 г.

Предмет исследования определяется нами как динамика коммеморативной составляющей Октябрьских торжеств, которые устраивались в городах Сибири в период с 1920 по 1945 г.

Территориальные рамки исследования ограничиваются шестью городами Сибири, имевшими статус административных центров, где преобладало русское население, – Барнаул, Иркутск, Красноярск, Новосибирск (Новониколаевск до 1926 г.), Омск и Томск. В первой половине 1920-х гг. эти города были губернскими центрами. С 1925 по 1930 г. существовал Сибирский край (Сибкрай) с административным центром в Новосибирске. В составе Сибкрая находились Алтайская, Енисейская (с центром в Красноярске), Иркутская (с 1926 г.), Омская, Томская губернии и Ойротская автономная область (Горный Алтай). Мы не включаем в территориальные рамки своего исследования Ойротию, как и другие национальные районы, поскольку в них существовала своя ярко выраженная социокультурная специфика, требующая отдельного изучения. В фокусе нашего внимания находятся большие города, где доминировало русское население. Свою специфику, достойную отдельного исследования, имели также советские праздники в сибирских деревнях, селах и малых городах, примеры которых в этой работе мы затрагиваем лишь эпизодически. В 1930 г. Сибкрай был разделен на Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский края. В состав Запсибкрая вошли интересующие нас Барнаул, Новосибирск, Омск и Томск. Статус краевого центра сохранил

Новосибирск. Иркутск и Красноярск присоединились к Востсибкраю. Его административным центром стал Иркутск. С 5 декабря 1936 г. Восточно-Сибирский край был разделен на Восточно-Сибирскую область с центром в Красноярске и Бурят-Монгольскую АССР с центром в Иркутске.

Хотя обозначенные территориальные рамки соответствуют формальным границам административно-территориальных единиц изучаемого периода, не только и не столько это обстоятельство является основанием для концентрации нашего внимания на шести названных сибирских городах. Мы считаем возможным говорить о Сибири как об особом пространстве памяти и месте памяти. В советское время память жителей сибирских городов концентрировалась вокруг сюжетов, составлявших части одной общей военно-революционной истории в пределах одного региона, как целостного геокультурного пространства с особыми историко-культурными реалиями. Отдельные знаковые для страны и особенно для нашего региона события и процессы происходили на территории Сибири. Это наиболее очевидно на следующем примере: 14 ноября 1919 г. Колчак покинул свою столицу Омск, следом им были оставлены Барнаул, Новониколаевск, Томск и Красноярск. В Иркутске отступление Колчака закончилось арестом, трибуналом и казнью. Таким образом, все эти города, как звенья одной цепи, оказались неразрывно связаны историей «освобождения от колчаковщины». Аналогично и революцию в Сибири возможно рассматривать как исторический процесс, имевший локальную региональную специфику. Сибирские города своеобразно переживали также и нэп, и индустриализацию, и Великую Отечественную войну – все события и процессы, являющиеся фоновыми с точки зрения предмета данного исследования.

Соответственно, вплоть до конца XX в. социальная память сибиряков – жителей сибирских городов хранила

сходные эпизоды и картины смены власти в 1917 г., мятежа Чехословацкого корпуса, «колчаковских зверств», эпидемии тифа... Под воздействием советской политики памяти и усилий местных отделений Истпарта здесь складывались общие мемориальные каркасы: единый ландшафт коллективной памяти о революции и Гражданской войне, однотипные устные, письменные, газетные нарративы, отмечались особые сибирские памятные даты (годовщины «освобождения от колчаковщины»).

Память об Октябре была особенной у жителей средних и больших городов Сибири. Городской образ жизни задавал специфику коллективной памяти горожан: именно они первыми узнавали о смене власти; именно жители городов активнее участвовали в политической борьбе на стороне различных партий; прежде всего, грамотное городское население составляло читательскую аудиторию газет, как советских, так и «контрреволюционных», а следовательно являлось открытой мишенью для пропаганды; экономические процессы, происходившие в городах, отличались от тех, которые были актуальны для сельской местности; наконец, только жители городов могли участвовать в по-настоящему массовых коммеморациях, в ряду которых первое место занимали Октябрьские торжества.

Хронологические рамки исследования ограничены периодом с 1920 по 1945 г. Мы имеем основания полагать, что с точки зрения истории коммемораций этот период можно рассматривать как цельный. В 1920 г. в городах Сибири была восстановлена советская власть, прекратились боевые действия, хотя фактически Гражданская война еще продолжалась. Именно с 1920 г. в Сибири началась активная деятельность коммемораторов – выразителей советской политики памяти, нацеленная на формирование и закрепление в общественном сознании пробольшевистской версии во-

енно-революционного прошлого. Вплоть до победы 1945 г. Октябрьская революция считалась важнейшим, «эпохальным» событием в истории страны и всеобщим для населения СССР местом памяти, служившим одним из столпов мемориального каркаса – фундамента для выстраивания советской идентичности.

В рамках периода с 1920 по 1945 г. целесообразно выделить этапы, отвечающие существующей историографической традиции. Этап с 1920 по 1929 г. характеризуется утверждением советской власти в Сибири, борьбой с «контрреволюцией», становлением системы социальной мобилизации и пропаганды как средства ее достижения, а также восстановлением экономики, разрушенной войной, введением и свёртыванием нэпа.

Второй этап – с 1929 до середины 1941 г. – стал временем укрепления личной власти И. В. Сталина, нарастания оборотов маховика политических репрессий, радикальных изменений в экономике, обусловленных задачами начавшейся эпической борьбы за индустриализацию. Именно на этом этапе утвердилась практически догматическая версия истории Октября, интенсивно внедрявшаяся в общественное сознание.

Третий этап – с середины 1941 до конца 1945 г. – это время участия сибиряков в Великой Отечественной войне, создания в Сибири мощной оборонной промышленности, победы и начала адаптации к мирной жизни после четырех лет перенапряжения трудовых сил для помощи фронту. Уже в годы войны культ Октября обрел новые характеристики. На фоне войны революция стала восприниматься как героическое позавчера.

Методология и методы исследования. Общей методологической опорой данного исследования являются контексты так называемого «культурного поворота», с 1970-х и по

сей день задающего один из векторов развития историографии политической истории. «Культурный поворот» отразил стремление гуманитариев к познанию «культурного измерения» исторических, социальных и политических реалий, открыл перспективу изучения культурных явлений, находящихся «около политики».

Базовой методологической опорой предлагаемого исследования послужили работы, подготовленные в рамках направления, известного в зарубежной литературе как «memory studies» («memory research»). Понятийный аппарат «memory studies» обширен и неоднозначен в определениях. Поэтому необходимо объяснить значение и контекст использования основных понятий, применяемых автором монографии: «коллективная память», «политика памяти», «коммеморация».

Прежде всего, обратимся к понятию «коллективная память». В современной гуманитаристике вопрос о действительном существовании коллективной памяти является одним из остродискуссионных. На наш взгляд, стоит согласиться с бессмысленностью определения коллективной памяти как простой суммы воспоминаний членов некоего общества (сообщества), поскольку это определение не отражает сущности коллективной памяти. Ряд авторов, как за рубежом (наиболее известна позиция Р. Козеллека)⁷⁶, так и в России, скептически воспринимают категорию «коллективной памяти», приводя вполне убедительные аргументы существования лишь индивидуальной памяти, которая умирает вместе с индивидом. Разумеется, иметь представление о чьих-то реальных воспоминаниях можно лишь по косвенным свидетельствам. Действительно, «подключиться» к чужому мозгу, иметь с кем-то другим общие или хотя бы идентичные воспоминания невозможно в силу непреодолимости

⁷⁶ См. подробнее: Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. М., 2016. С. 15–18.

человеческой субъективности. Процессы памяти имманентны психике человека. Однако субъект не может дистанцироваться от влияния других субъектов на его индивидуальные воспоминания. Сложно отрицать, что общество задает определенные рамки воспоминаниям индивида, неизбежно включенного в сеть разнообразных коммуникаций.

О коллективной памяти допустимо говорить лишь в социальном контексте, это не психологическое понятие. М. Хальбвакс, стоявший у истоков упомянутого направления научных исследований, четко не разделил такие категории, как «коллективные рамки памяти» и «коллективная память». Говоря как об одном, так и о другом, Хальбвакс имел в виду, что индивидуальные воспоминания личности, будучи, в первую очередь, ее частным делом, все-таки подвержены, иногда очень заметным, внешним воздействиям. Согласно выводам Хальбвакса, воспоминания индивида строятся по модели, заданной не прошлым, а нынешним обществом, которым заведомо сформирован некий социально-мемориальный каркас – опорные, базовые воспоминания, «рамки памяти»⁷⁷.

Человек почти неизбежно обсуждает прошлое с другими людьми, дополняет свои воспоминания воспоминаниями окружающих, вписывает изменчивые представления о своем индивидуальном прошлом в приходящие извне исторические реконструкции. Специалисты, занимающиеся «устной историей», хорошо знают из собственного исследовательского опыта о существовании устойчивых нарративов, однотипно организующих рассказы разных людей о прошлом, если эти люди принадлежат к одному сообществу. Изменчивая социальная среда непрерывно упорядочивает и ограничивает личные воспоминания, служит их контекстом, их источником. Масштабы сообществ могут

⁷⁷ Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007. С. 28.

быть разными, соответственно и нарративы могут быть более или менее универсальными. Как правило, наряду с уникальными сюжетами, собеседники, связанные неким общим прошлым, рассказывают однотипные истории, давая их содержанию такие же однотипные оценки, выражая сходные эмоции. Эти общие места и составляют коллективную рамку памяти, имеющую ценностно-ориентирующее значение для группы.

О коллективной памяти возможно говорить лишь как о сильно расширенном варианте индивидуальной (автобиографической) памяти человека, которая им самим же более или менее осознанно дополняется сюжетами, становящимися ему косвенно известными из воспоминаний других людей. Эта память обнаруживается в общезначимых символических реконструкциях прошлого. Коллективная память выступает важным фактором формирования и поддержания идентичности группы, которая постоянно переосмысляет и «реорганизует» прошлое в поисках ответов на вопросы о настоящем и будущем.

Коллективная память может быть достоянием социальных групп разного «калибра». Одна из ведущих современных исследовательниц коллективной памяти, А. Ассман, учитывая такие компоненты памяти, как ее носитель, среда бытования, опора и особенности изменений, выделяет социальную, политическую и культурную память. Социальная память бытует порядка 80–100 лет, сохраняясь и отражаясь преимущественно в устном нарративе, и имеет межпоколенческий характер коммуникации. На ее основе посредством направленных усилий политиков и иных акторов формируется четче определенная и более стабильная политическая (национальная) память, выражающаяся в устойчивых политических мифах. Наконец, *культурная* память, способная на гораздо более длительное существование, фиксируется

на материальных носителях и имеет транспоколенческий характер коммуникации. Она воплощается как на уровне функциональной памяти, обеспечивающей ее повторяемость (символические практики), так и на уровне накопительной памяти, обеспечивающей ее долговременность (материальные репрезентации)⁷⁸.

Сегодня часто используется и понятие «историческая память», которое является скорее метафоричным, чем строго научным. М. Хальбвакс пояснял: со временем и личная, и коллективная память обогащается историческими представлениями, почерпнутыми из исторической литературы, учебников, кино, СМИ. Именно так и формируется историческая память – гибрид прежде всего книжной, медийной истории и живой социальной памяти. В. А. Ачкасов подчеркивает, что на современном этапе массовые представления об истории не являются «естественной памятью», передаваемой от поколения к поколению, а формируются как результат деятельности профессиональных агентов исторической политики, или политики памяти⁷⁹. Однако, думается, к этому, по большому счету, справедливому утверждению все-таки следует добавить, что общество не перестаёт обсуждать сюжеты новейшей истории в рамках обыденной жизни, старшие по-прежнему рассказывают младшим об актуальном для них прошлом далеко не всегда в полном соответствии политике памяти, которая до конца не сливается с исторической памятью.

Попытки дать определение политике памяти (исторической политике) предпринимают многие исследователи. Ряд авторов разводит эти два понятия, преимущественно

⁷⁸ *Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика.* М., 2014. С. 29–62.

⁷⁹ *Ачкасов В. А. «Политика памяти» как инструмент строительства постсоциалистических наций // Журнал социологии и социальной антропологии.* 2013. № 4. С. 109.

следуя сложившимся историографическим традициям и национальным языкам описания сходных явлений. Не вдаваясь в нюансы этих дискуссий, поясним, что, на наш взгляд, в широком смысле содержание этих понятий близко к тождественному. В любом случае подразумевается совокупность политических мер, направленных на формирование и распространение в обществе определенных, необходимых тем или иным политическим силам образов прошлого. Приведем некоторые определения, раскрывающие понятие политики памяти (исторической политики) в разных аспектах.

В частности, политика памяти определяется, как «события и сами процессы идеологизации прошлого, создания с помощью памяти о нем необходимых власти социальных представлений и национальных символов»⁸⁰; как «деятельность государства и других акторов, направленная на утверждение тех или иных представлений о коллективном прошлом и формировании поддерживающей их инфраструктуры»⁸¹ (О. Ю. Малинова); «намеренные и формально легитимные действия политиков и чиновников, которые направлены на укрепление, удаление или переопределение отдельных фрагментов общественной памяти» (Л. Нияковский); как «непрерывное стимулирование обсуждения прошлого посредством различных форм его институционализации» (М. Чиховский)⁸²; как «всякую организацию культурной памяти для политических целей» (С. П. Поцелуев).

Политика памяти проявляется в отборе «великих» событий, которые следует помнить каждому гражданину, в надлении этих событий особым символическим смыслом, в вы-

⁸⁰ Савельева И. М., Полетаев А. В. Социальные представления о прошлом: типы и механизмы формирования. М., 2004. С. 41.

⁸¹ Малинова О. Ю. Официальный исторический нарратив как элемент политики идентичности в России: от 1990-х к 2010-м годам // Полис. Политические исследования. 2016. № 6. С. 140.

⁸² Ачкасов В. А. Указ. соч. С. 109.

работке специфичных нарративов и практик, необходимых для выражения и поддержания коллективной памяти об этих событиях. Политика памяти проявляется также и в предписаниях забывать те или иные сюжеты из прошлого, в игнорировании отдельных тем. Под воздействием государственной политики памяти происходят установка и разрушение памятников, создание и перестройка музеев, изменения в школьной программе исторического образования и многое другое. В контексте данного исследования важно подчеркнуть, что и праздники являются объектом активного воздействия политики памяти, а подчас и ее откровенным выражением.

В советское время политика памяти (историческая политика) не была институализирована, не существовало и соответствующего понятия. Поэтому сегодня мы можем говорить о советской политике памяти исключительно как о конструкте. Для его изучения мы использовали алгоритм, первым элементом которого является определение содержания политики памяти, вторым элементом – установление специфичных ролей ее субъектов, третьим элементом – выявление особенностей ее реализации в конкретное время и в конкретном месте.

Коллективная память выражается в коммеморациях, которые становятся мишенью политики памяти (случай исконных традиций) либо ее порождением (случай «изобретенных традиций») ⁸³. Понятие «коммеморация» было введено французским историком-новатором П. Нора для обозначения самых разнообразных способов «производства памяти», посредством которых производится, фиксируется, консервируется и транслируется коллективная память о прошлом ⁸⁴. Психологи обычно определяют память как способность человека сохранять, воспроизводить и забы-

⁸³ *Ассман А.* Длинная тень прошлого. С. 18.

⁸⁴ *Франция-память.* СПб., 1999. С. 96.

вать информацию. Рассматривая память не в психологическом, а в социальном контексте, мы все-таки должны учитывать, что в своей сущности память – это не только контент, но и процесс. Именно поэтому о системе коммемораций, одной из важнейших характеристик которых является динамичное состояние, на наш взгляд, можно говорить, как об особом языке мемориальной культуры, накапливающей множество различных воспоминаний о прошлом и его этических оценок.

Ряд авторов различает память и коммеморацию, подчеркивая намеренность и осознанность последней. По словам А. Мегилла, «если память – побочный продукт прошлого опыта, то коммеморация возникает в настоящем из желания сообщества, существующего в данный момент, подтвердить чувство своего единства и общности, упрочивая связи внутри сообщества через разделяемое его членами отношение к прошлым событиям, или, более точно, через разделяемое отношение к репрезентации прошлых событий»⁸⁵.

Коммеморация как более или менее сознательная деятельность, направленная на увековечивание памяти путем ее фиксации, сохранения, актуализации (реактивации) и трансляции, символически вводит прошлое в пласт современной культуры, работая над задачами самоопределения личности и общества, адаптации к миру, планирования будущего. Коммеморация может быть коллективной, отражая акт совместного воспоминания. Она может быть и индивидуальной, однако мы должны учитывать, что человек существует не в вакууме и, даже самостоятельно создавая мемуарный текст, остается, в той или иной степени, зависимым от социума, от существующих коллективных рамок памяти, от контекстов мемориальных каркасов, изменчивых и неявных, но все-таки реальных.

⁸⁵ Мегилл А. Историческая эпистемология. М., 2007. С. 116.

Мемориальная культура, функционирующая посредством систем коммемораций, представляет собой увековечивание культуры, современной мемориализатору, и одновременно реконструкцию культуры, прошлой (ушедшей) по отношению к современности⁸⁶. В рамках данного исследования наше внимание сконцентрировано на коммеморативных практиках, предполагающих целенаправленную, часто стереотипную и ритуализованную деятельность, необходимую для сохранения и трансляции коллективной памяти. Хотя коммеморативные практики сильно зависят от политики, эта зависимость далеко не всегда абсолютна. Коммеморация, как правило, в той или иной мере подчиняется культурной традиции, под влиянием которой неизбежно находятся коммемораторы. Субъектами коммеморативных практик являются не только их инициаторы и организаторы, но и те, кто выступает в роли с виду пассивной – зрители, слушатели, рядовые участники торжеств, читатели и иные лица, выдающие оценочную реакцию на коммеморации.

Из всего многообразия подходов «memory studies» мы избрали в качестве опоры своего исследования динамически-коммуникативный подход (М. Шадсон и др.). По словам А. Г. Васильева, «с точки зрения этого подхода, память конструируется не только «сверху», правящими элитами, но и «снизу», со стороны подчиненных групп»⁸⁷, имеющих собственные интересы, взгляды, социально-политические и культурные ориентации.

Также нами был учтен *процессо-реляционный подход*, разработанный американским социологом Дж. Оликом. Этот подход предполагает понимание коммеморации как

⁸⁶ *Святославский А. В.* История России в зеркале памяти: механизмы формирования исторических образов. М., 2013. С. 9.

⁸⁷ *Васильев А. Г.* Современные «memory studies» и трансформация классического наследия // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории. М., 2008. С. 32.

сложного процесса, зависящего от средств передачи памяти, нарративных и дискурсивных контекстов. Во-первых, мы учитываем тезис о том, что коллективную память нельзя расценивать как статичный объект. Память характеризуется Оликом прежде всего как процесс. В этой связи он предлагает учитывать четыре «процессо-реляционных концепта»: «поле, средства передачи, жанр и профиль»⁸⁸.

Концепт «*поле*» подразумевает отказ от восприятия коллективной памяти как единого, всеми разделяемого социального достояния. Иначе говоря, коллективная память априорно вариативна. Не существует единого типа памяти. Можно говорить об официальном и народном, семейном и национальном, а также о множестве других вариантов социальной памяти⁸⁹. Учитывая данный тезис, мы не останавливаемся на изучении государственной политики памяти и пытаемся реконструировать рецепцию официальных праздничных торжеств.

Концепт «*средства передачи*» акцентирует внимание на важности изучения не только содержания коллективной памяти (политики памяти, коммемораций), но и средств передачи информации сквозь время. Поскольку воспоминание (коммеморация) – это всегда процесс, исследование средств передачи памяти становится ключом к постижению характеристик изменчивости памяти. Дж. Олик подчеркивает, что воспоминание – это не есть воспроизведение единожды законсервированной информации о прошлом, а ее бесконечное интерпретирование в процессах передачи, которые отражаются в различных репрезентациях прошлого (праздник, речь, жест, музей и пр.)⁹⁰. Именно поэтому мы считаем

⁸⁸ Олик Дж. Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии // Социологическое обозрение. 2012. № 1. С. 40–73.

⁸⁹ Там же. С. 47–51.

⁹⁰ Там же. С. 51–58.

важным изучение коммемораций на отдельно взятых примерах и прослеживаем динамику форм и содержания коммемораций на протяжении непрерывного отрезка времени.

Концепт «жанр» предполагает учитывать дискурсивную историчность коллективной памяти. Это означает, что процессы воспоминания обычно подчиняются логике некоего уже сложившегося в культуре «жанра», который используется коммемораторами подчас неосознанно. Изучение законов этого «жанра» (дискурса) дает еще одну возможность интерпретации происхождения содержания и форм коммемораций⁹¹. Учитывая, что постижение смысла коммемораций недоступно без изучения его «жанровой» истории, мы прослеживаем дореволюционные культурные и политические истоки советских коммемораций и устанавливаем взаимосвязь их форм. Жанровым своеобразием отличаются также мемуары и газетные публикации о революции и праздничных торжествах. Эти особенности находятся в фокусе нашего внимания.

Концепт «профиль» вводится Дж. Оликом для объяснения невозможности редуцировать память, исследовать ее как побочный продукт социально-политических процессов. Коммеморация рассматривается Оликом как основная среда самоопределения и политического целеполагания общества. Взгляд в прошлое задает направление дальнейшего развития общества. Это дает исследователю право говорить о памяти не только как о сущности, испытывающей различные влияния, но и о ее способности влиять на общественное развитие⁹².

Неизбежным стало и использование междисциплинарного подхода в рамках данного исследования, поскольку многопланов сам объект исследования – политический

⁹¹ Там же. С. 58–61.

⁹² Там же. С. 61–68.

праздник, памятная дата, отражающая культурную традицию, государственную политику, коллективную память и разнообразные средства ее выражения. Поэтому, будучи историческим, наше исследование в то же время учитывает контексты культурологии и культурной антропологии.

Интерпретация дискурсов пропаганды требует обращения к культурологической теории мифа с целью установления культурных контекстов использования пропагандой традиционных образов и ритуальных действий. М. Элиаде определяет миф, как сакральную истину, которая не подвергается человеком сомнению. По мнению этого автора, основополагающим мифом для любой культуры является космогонический (миф о сотворении мира)⁹³, во многом определяющий мировоззрение и задающий особую логику всей глубинной, мифологической системе той или иной культуры, включая культуры современные.

Важно остановиться и на определении понятия «культ», поскольку мы рассматриваем Октябрьские торжества как проявление политического культа Октябрьской революции. Понятие «культ» (от лат. *cultus* – «почитание», «поклонение») традиционно используется этнографами и религиоведами в смысле почитания сакральных предметов и сверхъестественных сил, а также ритуалов, связанных с таким почитанием. Однако понятие культа широко применяется и в контексте изучения политической культуры. Отмечается, что еще в архаических социумах существовали культы вождей, опиравшиеся на культы предков и служившие механизмом социального управления через ритуал. Специфические политические культы, проявляющиеся в буквальном обожествлении политического лидера, героя или события, формировались практически во всех обществах. Десакрализация политики в XX в. привела к формированию квазире-

⁹³ Элиаде М. Аспекты мифа. М., 1995.

лигиозных культов «вождей» и событий. Немецкий историк Я. Плампер определяет политический культ как символическое выражение чрезвычайного возвышения какого-либо лица над всеми окружающими⁹⁴. Разработка теории советских политических культов осуществлялась, в частности, Э. Шлисом и К. Гиртцем, по выводам которых эти культы стоит признать порождением массовой политики, а их возникновение было возможно лишь в условиях закрытых обществ и борьбы с религией⁹⁵.

Для работы с визуальными источниками нами были мобилизованы методы семиотики культуры, нацеленные на интерпретацию знаков– материальных объектов, которым соответствует некий смысл при определенных обстоятельствах, и символов – знаков, несущих добавочные смыслы. В семиотическом контексте визуальное изображение расценивается как текст – определенным образом устроенная совокупность любых знаков, обладающая формальной связностью и содержательной цельностью⁹⁶. Визуальный текст, содержащий надписи, с которыми он составляет единое структурное, смысловое и функциональное целое, принято называть креолизованным текстом. Его интерпретация обычно включает описание структуры креолизованного текста, то есть выделение основных знаковых единиц, из которых он состоит, анализ их семантики (смысла) и особенностей их взаимодействия⁹⁷. Интерпретация изобразительной (невербальной) части креолизованного текста предполагает дешифровку сим-

⁹⁴ *Плампер Я.* Алхимия власти: культ Сталина в изобразительном искусстве. М., 2010. С. 9.

⁹⁵ Там же. С. 11–13.

⁹⁶ *Елина Е. А.* Семиотика рекламы [Электронный ресурс]. URL: http://www.libma.ru/delovaja_literatura/semiotika_reklamy/p12.php (дата обращения: 29.05.2017).

⁹⁷ *Ворошилова М. Б.* Креолизованный текст: аспекты изучения // Политическая лингвистика. 2007. № 21. С. 75–76.

волов через установление их денотативных (прямые смыслы) и коннотативных (переносные смыслы, отвлеченные идеи и категории) значений. Отдельно анализу подвергается взаимосвязь между элементами изображения: знаками и символами. Интерпретации подлежат предметные образы, цвета, композиционные решения. Для понимания глубокого смысла плаката, стоящего за очевидным смыслом, необходимо рассматривать изображение не только в общем контексте содержания пропаганды, но и в контексте изобразительных традиций русского и европейского искусства, поскольку художник, ищущий средства визуализировать мысль, всегда так или иначе находится в диалоге с традицией.

Изобразительная составляющая плаката не понятна без вербальной составляющей. Однако изображение на плакате не просто иллюстрирует подпись, но раскрывает ее смысл, как правило, даже шире, чем автор осознанно намеревался это сделать. Это объясняется тем, что практически за каждым образом можно рассмотреть веер коннотаций – дополнительных эмоциональных, оценочных, стилистических значений предмета или явления, тянущихся из разных пластов культуры.

Обращение к газетным репрезентациям Октябрьских торжеств вызвало необходимость использовать концепт нарратива, разработанный лингвистами. Под нарративом подразумевается любой повествовательный текст, функция которого – информировать адресата о событиях. Главными признаками нарратива являются сюжет, как особый способ отражения авторского видения взаимосвязи событий, а также динамика состояний и персонажей. Нарратив отражает особую, устойчивую схему рассказа. Согласно модели У. Лабова, структура нарратива включает следующие элементы, несущие определенную функциональную нагрузку: 1) краткое изложение для слушателя существа происшедших собы-

тий, о которых пойдет речь; 2) ориентация слушателя относительно времени, места, ситуации, участников событий; 3) передача последовательности событий; 4) оценка значимости и смысла действий, выражение отношения рассказчика к событиям и действиям; 5) разрешение ситуации (что случилось в конце концов); 6) возврат к настоящему времени⁹⁸.

В числе мобилизованных нами общенаучных и конкретно-исторических методов исследования – анализ и синтез, сравнительно-исторический и историко-генетический методы.

Логика данного исследования выстроена нами с опорой на специальный алгоритм изучения истории коммемораций. Его первый элемент – это краткое описание исходного состояния коммеморации в досоветский период. Второй элемент – характеристика условий и факторов динамики коммемораций в межвоенный период. Третий элемент предполагает определение содержания государственной политики памяти, влиявшей на динамику коммемораций, а также способов и особенностей реализации на практике этой политики. Четвертый элемент – выявление черт преемственности в развитии коммемораций с традицией, сложившейся в культуре дореволюционной России. Пятый элемент – характеристика черт новационного, нетрадиционного для культуры дореволюционной России, развития коммемораций. Изменения в коммеморативной сфере порождали в обществе разные оценки, поэтому шестой элемент алгоритма предполагает определение особенностей рецепции коммемораций социальной средой.

Основными *источниками исследования* послужили неопубликованные документы, хранящиеся в архивах Москвы и Сибири (Российский государственный архив социально-по-

⁹⁸ *Ярская-Смирнова Е. С.* Нарративный анализ в социологии // Социологический журнал. 1997. № 3. С. 55.

литической истории, Государственный архив Алтайского края, Государственный архив новейшей истории Иркутской области, Государственный архив Красноярского края, Государственный архив Новосибирской области, Государственный архив Томской области, Исторический архив Омской области, Центр документации новейшей истории Томской области). Среди всего многообразия архивных источников, необходимых для изучения Октябрьских коммемораций, особенно интересны директивные документы фонда Центрального комитета КПСС (отдел агитации и пропаганды ЦК ВКП (б) РГАСПИ (фонд № 17, опись № 60), где отложились планы проведения праздничных политических торжеств в СССР. Эти материалы позволяют судить о направленности государственной политики памяти и ее конкретном содержании в разные годы. Важными источниками исследования стали также нормативные документы местных органов власти регионального и городского значения: документы Сибревкома, президиума Западно-Сибирского крайисполкома, постановления горсоветов и горисполкомов и т.п., хранящиеся в архивах Сибири. Эти документы отражают решения местных органов власти, связанные с региональной спецификой проведения политических торжеств. За организацию и проведение государственных праздников и траурных мероприятий на местах также отвечали Сибирское бюро ЦК РКП (б), губернские, окружные, уездные и городские комитеты партии, деятельность которых нашла отражение в соответствующей документации, представленной планами мероприятий, различными постановлениями и циркулярами. Информативны и разнообразные делопроизводственные документы местных партийных и советских органов, касающиеся проведения праздничных и траурных кампаний, отчетов о торжествах, расшифровок стенограмм торжественных заседаний, критики имеющегося опыта. Среди подобных материалов отложи-

лись и источники, позволяющие судить о рецепции массовых коммемораций местным населением. Восприятие годовщин «Великого Октября» отражают и мемуарные источники, в частности записанные новосибирским отделением правозащитного общества «Мемориал». Отдельного внимания заслуживают прежде засекреченные документы фондов головных партийных организаций, содержащие сводки и докладные записки о политических настроениях жителей Западной Сибири, в том числе в дни политических торжеств.

Важным источником изучения праздничных коммемораций являются также и региональные газетные публикации, посвященные подготовке к Октябрьским торжествам и их проведению. Газеты фиксируют меняющуюся с годами лозунговую базу основного политического праздника страны, наиболее значительные тезисы пропаганды, отражают динамику форм торжеств. Эти источники не дают возможности реконструировать реальную картину политического праздника, но репрезентируют образ желаемого, призванного стать основой мифологических представлений советского человека об Октябре.

Наряду с письменными источниками нами использовались и источники визуального типа. Прежде всего, они представлены советскими плакатами, издававшимися к годовщинам Октябрьской революции, уточняющими и расширяющими наше представление о советской политике памяти. Их выборка, подчиненная целям данного исследования, осуществлялась в опоре на ряд изданий, вышедших в советское время⁹⁹, а также представленных на разнообраз-

⁹⁹ Советский политический плакат 1917–1967: комплект плакатов. Л., 1967; Советские плакаты Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: эксклюзивные почтовые карточки с изображениями плакатов Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: из коллекции Государственного центрального музея современной истории России: [Комплект открыток]. М., 2016.

ных ресурсах в сети Интернет. Наибольший интерес среди них представляет книга В. П. Полонского «Русский революционный плакат» (1925 г.). Во время Гражданской войны ее автор руководил редакционно-издательской работой, обслуживавшей нужды Красной Армии, в частности, занимаясь созданием и публикацией агитационных плакатов, в дальнейшем опубликованных под обложкой названной книги¹⁰⁰. На страницах своей книги Полонский также представил собственное видение различий между советским и дореволюционным плакатом, а также прокомментировал основные плакатные сюжеты.

Подводя итог этому обзору, отметим репрезентативность и разнообразие источников базы нашего исследования. Многие, прежде всего, документальные источники вводятся нами в научный оборот впервые, что дает возможность по-новому посмотреть на историю октябрьских торжеств в Сибири.

¹⁰⁰ Полонский В. П. Русский революционный плакат. М., 1925.

Глава 1. ОКТЯБРЬСКИЕ ТОРЖЕСТВА В 1920–1945 гг.: ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ СМЫСЛЫ И ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПРАЗДНИКА В СИБИРСКИХ ГОРОДАХ

1.1. «Октябрьская революция – мост к светлому будущему!»: советская политика памяти об Октябре, содержание дискурсов пропаганды

Между политикой и историей существует фундаментальная взаимосвязь. Философ и политолог О. Ю. Малинова называет историю «принципом воображения социального порядка в эпоху Модерна»¹⁰¹. Поскольку на коллективной памяти основываются разнообразные социальные идентичности, включая национальные, прошлое выступает очень значимым и практически неисчерпаемым символическим ресурсом для политиков.

Советское государство официально отвергало имперское прошлое, за исключением небольшого набора сюжетов, связанных с развитием революционного движения. Между тем для выстраивания новой советской идентичности требовался фундамент коллективной памяти о неких общезначимых событиях, обладавших достаточным потенциалом для того, чтобы занять место старых имперских мифов в сознании масс. Память населения об Октябрьской революции к концу Гражданской войны была вариативной и неоднородной, но именно революция, как общезначимое событие, фактически обрела смысл важнейшего советского мифа – космогонического. От 7 ноября велось летоисчисление новой эпохи, значение и устремленность которой и должен был объяснять

¹⁰¹ Малинова О. Ю. Политика социальных проекций прошлого [Электронный ресурс] // ПостНаука. URL: <https://postnauka.ru/video/34948> (дата обращения: 30.05.2017).

обществу формировавшийся миф о революции, как о «создании нового мира», о «начале света».

Советская политическая мифология транслировалась, в частности, посредством коммеморативных форм. Постепенно складывавшийся политический культ Октябрьской революции отражался в массовых торжествах, приходивших на смену старым государственным праздникам. Рассмотрим основные тенденции трансформации праздничного календаря, происходившей с начала военно-революционного периода.

Еще в марте 1917 г. Временным правительством были отменены «царские дни». В 1918 г. большевики провели первые после Октябрьской революции советские торжества: День Великой русской революции (12 марта) и День рабочих (1 мая)¹⁰². Так же и в период Гражданской войны большевики уделяли пристальное внимание политическим торжествам, которые рассматривались как важное средство пропаганды. Свои политические праздники были и белых, но это – тема отдельного исследования.

В Сибири новый большевистский праздничный календарь начал утверждаться после «освобождения от колчаковщины», в частности, уже в 1920 г. массово отмечали третью годовщину Октябрьской революции. Этот праздник сразу стал главным в числе других советских торжеств. Вообще же круг политических праздников, общих для страны, был определен еще в 1919 г. К общим праздникам добавлялись региональные торжества, связанные с победами большевиков на фронтах Гражданской войны. К 1928 г. официально в календаре как праздники и дни отдыха были отмечены: 22 января – день памяти В. И. Ленина и Кровавого воскресенья; 12 марта – день низвержения самодержавия; 18 марта – день Парижской коммуны, 1 мая – день Интернационала; 1 июля – день Союза ССР; 7 ноября – день *Пролетарской революции*.

¹⁰² Шаповалов С. Н. Указ. соч. С. 15–16.

Смыслы празднований динамично менялись. Каждый год политические торжества выражали новое актуальное идеологическое содержание, особенно резко изменившееся в 1929 г. Именно на этапе «великого перелома» появилось новое концептуальное представление о политическом празднике, поскольку «революционно-романтический проект уравнительного коммунизма сменился традиционно-национальным, имперско-милитаристским, полицейским, иерархическим»¹⁰³. Эти тенденции нарастали, особенно с началом Второй Мировой войны.

Важно учитывать, что формирование советской политики памяти, отражавшейся, в частности, в Октябрьских торжествах, было зависимо и от контекстов религиозной политики. В стране официально утверждался атеизм, что сопровождалось активной антирелигиозной пропагандой. В начале 1920-х гг. в официальном календаре традиционные религиозные праздники (Рождество, Пасха, Духов день, Благовещение, Преображение, Вознесение, Успение, Крещение) еще уживались с новыми политическими торжествами. В современной историографии это «сосуществование» интерпретируется по-разному. С одной позиции, оно расценивается как проявление «осторожности» советской власти, опасавшейся вызвать волну народного возмущения резкой отменой религиозных праздников на государственном уровне. С другой позиции, это объясняется намеренным сохранением религиозных праздников наравне с политическими для закрепления новых, еще непривычных народу праздников в рамках старого календаря, построенного на основе церковного понимания времени.

С 1929 г. усилились гонения на церковь, с этого момента религиозные праздники больше не являлись выходными днями. Большевики старались искоренить их и из приватной

¹⁰³ *Добренко Е. М.* Политэкономия соцреализма. М., 2007. С. 335.

жизни населения страны. Церковь стала восприниматься как конкурент на консервативном идеологическом поле, что и привело к окончательному запрету на массовые религиозные торжества. Между тем опыт организации религиозных и «царских» торжеств оказался востребованным в 1920-х, 1930-х и 1940-х гг., что также проявилось в подходах к репрезентации исторического прошлого в ходе массовых официальных торжеств.

Утверждение атеистического мировоззрения повлияло на характер содержания самих коммемораций. Бог более не мог рассматриваться как субъект истории, смерть понималась материалистически, ни царь, ни вождь мирового пролетариата не могли расцениваться как божи помазанники на троне. Однако советская власть не спешила резко повернуться спиной к религиозной традиции в сфере коммемораций, поскольку эта традиция еще длительное время владела сознанием россиян. В итоге новые коммеморации могли лишь внешне отличаться от старых религиозных. В другом варианте согласования традиционных и инновационных составляющих коммемораций возникали квазирелигиозные коммеморации – похожие на религиозные внешне, но в сущности атеистические.

Разумеется, советская политика памяти определяла и развитие историографии, как научной, так и адаптированной для широкого круга читателей. Историю праздничных коммемораций этого периода следует рассматривать во взаимосвязи с формированием концепций революции в научной и научно-популярной литературе, сильно зависимой от идеологического диктата. В первой половине 1920-х гг. значительную роль в процессе концептуализации памяти об Октябре сыграл академик М. Н. Покровский – организатор и лидер советской исторической науки, заместитель наркома просвещения РСФСР, идеи которого долгое время вос-

принимались как эталон, но были осуждены после смерти историка в 1932 г. С годами все большую роль в разработке концепции революции и, соответственно, концепции празднования ее годовщин играл И. В. Сталин. Особенно это касалось периода Великой Отечественной войны.

Новый исторический нарратив, складывавшийся в советской гуманитаристике с начала 1920-х гг., основывался на марксистском понимании истории, для которого были характерны вера в социально-экономический прогресс, признание народных масс в качестве субъекта истории, а революции – в качестве ее движущей силы. Интеллектуальный фактор сыграл серьезную роль в формировании специфики культа Октябрьской революции. Она воспринималась как пролетарская (социалистическая), то есть революция «высшего типа», в ходе которой осуществляется переход от капитализма к социализму и коммунизму¹⁰⁴. Иного представления о роли пролетариата в осуществлении захвата власти в октябре 1917 г. не могло возникнуть по идеологическим причинам, хотя современная наука предлагает альтернативную версию, оценивая не пролетарские, а солдатские массы в качестве решающей революционной силы¹⁰⁵.

В первой половине 1920-х гг. М. Н. Покровский говорил, что в Октябрьской революции выразилась, прежде всего, классовая борьба за саму власть, а не за ее демократические изменения. Остановимся подробнее на характеристиках, которые давал революционному движению в России этот ученый-революционер, руководивший в разные годы Коммунистической академией, Институтом истории АН СССР,

¹⁰⁴ Революция социалистическая (пролетарская) // Политология: словарь-справочник. С. 358.

¹⁰⁵ *Фельдман М. А.* Была ли Октябрьская революция 1917 года пролетарской? (Проблемы истории и историографии). [Электронный ресурс]. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/2014/12/15/1251141669/8_Feldman.pdf (дата обращения: 30.05.2017).

Институтом красной профессуры, автор многотиражного марксистского учебного пособия «Русская история в самом сжатом очерке».

Специфику Октябрьской революции Покровский характеризовал следующим образом: «Колоссальный размах борьбы определился прежде всего тем, что нигде ранее противоположности старого и нового не были так резки, расстояние между старым и новым не было так громадно, как это было у нас... У нас пришлось бить по самому древнему рыцарскому замку, какой только остался в Европе, из современных осадных орудий, в несколько часов способных вдребезги разнести каменную стену» (1925 г.)¹⁰⁶. Об Октябрьской революции Покровский рассуждал в категориях сотворения, революция в его представлении не являлась стихийной, она была предварительно «написана» В.И. Лениным¹⁰⁷, которого Михаил Николаевич назвал «завершителем русской революции вообще». Революция, по оценке Покровского, была удачной, поскольку опиралась на «правильную» марксистскую теорию. Он писал: «Марксистская схема Октябрьской революции только одна – по этой схеме она осуществилась, по этой схеме будет написана ее история»¹⁰⁸.

Наличие схемы предполагает также и знание будущего, которое можно уверенно прогнозировать. Однако Покровский был далек от мистицизма предопределенности. В его понимании светлое будущее достигается лишь при условии приложения правильных, теоретически обоснованных усилий народных масс. Именно это актуальное для 1920-х гг. представление задавало отношение к годовщинам Октября

¹⁰⁶ Покровский М.Н. Два октября // Октябрьская революция. М., 1929. С. 93.

¹⁰⁷ Покровский М.Н. Октябрьская революция в изображениях современников // Октябрьская революция. С. 169.

¹⁰⁸ Там же. С. 161.

как к контрольной дате проверки соответствия народных усилий марксистской схеме исторического развития общества. Сам Покровский называл революцию «меркой человеческих ожиданий» и давал пример оценки достижений классовой борьбы пролетариата от Первой русской революции до Октябрьской революции¹⁰⁹.

К концу 1930-х гг. складывается представление об Октябрьской революции, отраженное в «Кратком курсе истории ВКП (б)», названном Е.М. Добренко «догматичным текстом». Этот учебник излагал единственную «правильную» версию истории страны. Он выступал сильнейшим средством идеологического воспитания молодого поколения строителей социализма. Революция в «Кратком курсе» характеризуется как «социалистическая» и «пролетарская». Главным результатом революции провозглашается установление нового типа государства: социалистического и советского. Утверждается, что революция имела более чем эпохальное значение, она «открыла *новую эру* в истории человечества – эру пролетарских революций»¹¹⁰. Так была усилена мысль, базировавшаяся, несомненно, на христианском понимании времени, об Октябре как о начале нового мира, отрицающего старый мир с присущими ему ценностями господствовавших классов. Выходит, что Октябрь занял место традиционного Рождества Христова в праздничном календаре и восприятии времени вообще.

Наконец, рассмотрим, собственно, важнейшие смыслы государственной политики памяти, выражавшейся в торжественных мероприятиях. Учтем, что, говоря о социальном и политическом значении праздника, известный французский историк М. Озуф поясняет: «Праздники организуют время и образуют костяк повседневной жизни... Они мощ-

¹⁰⁹ Покровский М. Н. Два октября. С. 93.

¹¹⁰ Краткий курс истории ВКП (б).

ным усилием скрепляют людское сообщество... Сотворение праздника – точки, где сливаются желание и знание, где воспитание масс подчиняется радости – соединяет политику с психологией, эстетику с моралью, пропаганду с религией»¹¹¹. По словам А. И. Щербинина, «календарь находится на границе истории и памяти, превращая первую во вторую, задавая траекторию восприятия истории (и политики, как истории творимой). Праздник буквально «впечатывает» событие в память». Поэтому так велика его роль в плане формирования и поддержания коллективной памяти о важных с точки зрения власти политических событиях.

Ежегодно к каждой памятной дате Октябрьская комиссия при президиуме ЦИК СССР формулировала новые «ударные точки пропаганды», становившиеся 7 ноября основой лозунговой базы. По всей стране Октябрьские торжества проходили однотипно. Их динамика была обусловлена изменениями в идеологии и государственной политике памяти, которая зависела от внешних и внутренних политических обстоятельств, а также от проблем социально-экономического развития страны. К тому же и на местах существовали особые условия, задававшие специфику как самим празднованиям, так и их рецепции.

В 1920 г. в качестве «ударной точки пропаганды» были заявлены тезисы о помощи фронту и о подъеме производительности труда¹¹². Это нашло отражение и в яркой визуальной пропаганде, нацеленной на массовое восприятие, в том числе и неграмотными, но все еще верующими людьми. Художники – авторы пропагандистских плакатов использовали символику, традиционную для христианской культуры: противопоставление демонического черного и божественного белого цветов, образы благородных красных воинов – святых

¹¹¹ Озуф М. Революционный праздник (1789–1799 гг.). М., 2003. С. 12.

¹¹² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 5. Л. 1.

героев, разящих нечисть, и т.п. Одновременно пропагандистский плакат актуализировал и глубинную логику первобытного мышления, основанную на бинарных оппозициях.

Один из показательных примеров – большевистский плакат, созданный к 7 ноября 1920 г., который содержит красноречивую подпись: «Третья годовщина Октябрьской революции в России – крах мирового империализма» (см. прилож., рис. 1). На плакате изображен смеющийся герой-красноармеец (красный на фоне белого облака и желтого восходящего солнца), готовый поразить штыком тучную фигуру Империализма, застывшую в панике. Империализм представлен в демоническом образе буржуа со всеми сопутствующими атрибутами: белый костюм, цилиндр, пенсне, когтистые лапы, мешок, из которого рассыпаются золотые монеты, окровавленный кинжал, выпадающий из дрожащей руки. Рядом с Империализмом трепещут жалкие тощие фигурки Польши, Деникина и Колчака. Деникин изображен в образе скелета, а от Колчака остался лишь головной убор и оборванный китель. На дальнем плане видны следы победы Февральской революции, которую большевистский плакат очевидно присваивает – поврежденная императорская корона, рядом с которой воронье кружит над гробом. Все вражеские фигуры оттеняет черный фон. Пространство организовано в логике противопоставления двух миров: черного – вражеского, левого, обреченного на гибель и красно-белого – жизнеспособного, победоносного, правого, героического. Плакат утверждает победу революции. Фактическая незавершенность войны репрезентируется как ее последний этап, очевидно победный.

Одновременно этот плакат утверждает новую государственную символику – красный цвет флага и звезды, заимствованные деятелями русской революции из политической культуры революционной Франции и в конечном итоге при-

своённые большевиками. Показательно, что на фоне солнца выступают силуэты красных орудий III Интернационала и завода с дымящимися трубами. Это стоит читать как символы Красной армии и её обороноспособности, а также пролетариата и экономического развития республики. Именно так художник визуализировал лозунг о подъёме производительности труда, выдвигавшийся на общем фоне хозяйственной разрухи и пессимистических настроений в обществе.

Другие праздничные плакаты уже в 1920 г. были нацелены на формирование в общественном сознании противопоставленных образов «мрачного прошлого» и «светлого будущего», первый шаг к которому сделан 25 октября (7 ноября) 1917 г. Таков плакат художника С. Мухарского, адресованный крестьянину, которому предлагается выбирать: жить по-старому в мире политического насилия, бедности и социальных неурядиц или участвовать в строительстве нового мира, где не будет голодных, обездоленных и неграмотных (см. прилож., рис. 2).

В 1920 г., когда в городах Сибири прекратились боевые действия, но Гражданская война в стране ещё полыхала, большевики использовали праздник для того, чтобы убедить население в целесообразности продразвёрстки, других экономических мероприятий и политических решений. Торжества были нацелены на повышение градуса доверия большевикам со стороны общества, на дискредитацию врагов, в Сибири – прежде всего «колчаковцев», которым неизменно предъявлялись страшные счета – многочисленные человеческие жертвы из числа «замученных» и расстрелянных революционеров, красноармейцев и подпольщиков, террор в отношении гражданского населения, а также хозяйственная разруха, ответственность за которую большевики всецело возлагали на противников, проигравших в войне. В начале 1920-х гг. Октябрьская революция, «колчаковщина»

и «семеновщина», как наиболее актуальные сюжеты памяти жителей Сибири о Гражданской войне, рассматривались в неразрывной взаимосвязи. Так, в 1920–1922 гг. годовщина Октябрьской революции и «освобождение от колчаковщины» праздновались в один день. Лишь позднее эти памятные даты были разделены.

В 1921 г. акцент всероссийской пропаганды делался на необходимости перехода от задач обороны к задачам хозяйственного строительства¹¹³. Пропаганда насаждала веру в прогресс и успехи восстановления экономики. Интересно обратиться к плакату 1921 г. «Октябрьская революция – мост к светлому будущему» (см. прилож., рис. 3). На плакате изображен товарный поезд, несущийся под красным знаменем по каменному мосту. Каждый пролет моста обозначен датой: 1917, 1918, 1919, 1920 и 1921 гг. С одной стороны, в культуре изучаемого периода товарный поезд однозначно ассоциировался с техническим и экономическим прогрессом. Достаточно вспомнить есенинский образ жеребенка, пытающегося обогнать паровоз. С другой стороны, образ паровоза использовался в контексте прославления военной мощи рабочей Красной армии. Показателен пример текста марша «Наш паровоз», авторство которого приписывается комсомольцам киевских железнодорожных мастерских (1922 г.), при том, что его варианты существа ли и ранее. Приведем отрывок этого текста.

*Мы дети тех, кто наступал
На белые отряды,
Кто паровозы оставлял
И шел на баррикады.
Наш паровоз вперед лети!
В коммуне остановка.
Иного нет у нас пути.
В руках у нас винтовка.*

¹¹³ Там же. Д. 36. Л. 13.

Значимым является направление движения поезда по диагонали справа налево и вверх. Поезд несется прямо на смотрящего, что усиливает эмоциональное впечатление от изображения. Линейное движение вверх утверждает неоспоримый прогресс. При этом направление поезда нетрадиционно. По канонам европейской культуры движение к будущему символически выражается в изображении движущихся объектов слева направо, в логике письменного текста. Советский поезд мчится в обратном направлении, что можно истолковать как радикальный, революционный разрыв с прошлым и со старыми традициями. К тому же, движение налево означает и движение на Запад, а это, в свою очередь, ассоциируется с идеями перманентной революции: Россия как локомотив истории «везет» революцию в станы капитализма.

На другом плакате Д. С. Моора «Рождество», разделенном на две части, вполне традиционно символически противопоставлено «ложное» и «истинное» движение. Волхвы, идущие справа налево за Вифлеемской звездой, движутся в никуда. За волхвами следуют попы, рыцари, короли, буржуи, кулаки и прочие классовые враги всех времен и народов. Так выражается идея тупикового пути развития всех, кто идет не вместе с большевиками. Нижняя часть плаката демонстрирует другую сцену – движение в «верном направлении», слева направо. По этому пути идут рабочие, крестьяне, солдаты и матросы к лучистой красной звезде, на которую указывает красноармеец (см. прилож., рис. 4).

Традиционное направление поездов, готовящихся к отбытию, мы видим и на плакате 1921 г. из серии «Азбука революции», выполненной А. Страховым (см. прилож., рис. 5). Слева направо движутся и главные фигуры рабочих, окрашенные красным, которые несут тяжелую шпалу. Эта картина, несомненно, означает труд на субботнике. На пла-

кате изображены и мелкие фигурки рабочих, совместными усилиями восстанавливающих дорожное полотно. Традиционное направление движения фигур можно истолковать как утверждение правильных действий, которые стоят конечного результата: страна будет восстановлена после всех потрясений. Фоном служат очертания дымящихся заводов. Плакат дополнен поэтическими строками, утверждающими уверенность в быстром и успешном экономическом восстановлении страны:

*Покой настал земле Советской.
Сибирь, Архангельск и Кавказ
Навек забыли плен кадетский,
Советы выбрав в тот же час.
Пошла тут новая работа –
Исправить мост, наладить путь.
У всех была одна забота –
Хозяйство к жизни повернуть.
Бодрее стал смотреть народ.
Сулил нам отдых третий год.*

В 1923 г. «ударной точкой пропаганды» стали темы «Роль РКП в Октябре», «Октябрь как предпосылка к созданию СССР» и т.д.¹¹⁴ Изначально торжества нацеливались и на пропаганду ключевых мобилизационных задач, значение которых объяснялось необходимостью преодоления последствий «мрачного прошлого», живописно изображавшихся с помощью разнообразных коммемораций. Еще в 1921 г. организаторы торжеств на местах должны были учитывать, что 7 ноября – это не только день торжества победы революции и воспоминаний о героях, павших в борьбе, но еще и «день, когда мы подводим учет сделанного»¹¹⁵. Для пропаганды в эти дни обязательно использовались исторические рассказы и визуальные материалы, позволяв-

¹¹⁴ Там же. Д. 153. Л. 25.

¹¹⁵ ГАНИИО. Ф.1. Оп 1. Д. 860. Л. 17.

шие продемонстрировать прогресс, показать движение от старого к новому и лучшему.

В Сибири до 1922 г. Октябрьские торжества совмещали с празднованием победы над «колчаковщиной». Поэтому 7 ноября обычно проклинали поверженных врагов. А в 1924 г. в ходе «октторжеств» поминали недавно усопшего В.И. Ленина, акцентируя его роль в революции¹¹⁶. Как и в случае с героями Гражданской войны, это поминовение имело мобилизационное значение: 7 ноября стало поводом не столько для того, чтобы еще раз выразить скорбь по поводу утраты вождя, сколько во всеуслышание повторить, что дело его живо и никогда не умрет.

В дальнейшем, после прихода к власти И.В. Сталина, утрачивали актуальность идеи героической жертвенности революционного поколения. С середины 1920-х гг. поминовение жертв революции 7 ноября фактически прекратилось. Акцент пропаганды делался на формировании у населения убеждения в прогрессивном развитии страны после революции. Отныне сравнение жизни общества «при царе», в «стране помещиков» и «на современном этапе» становится доминантной темой торжеств. Важно подчеркнуть, что во второй половине 1920-х гг. Октябрьская революция именовалась обычно Октябрьским переворотом, ей не приписывалось эпохальное значение. Торжества были ориентированы лишь на популяризацию идеи «Октябрьского переворота как первого этапа диктатуры пролетариата в борьбе пролетариата всех стран»¹¹⁷.

Постановление Октябрьской комиссии при президиуме ЦИК СССР содержало главную цель торжеств: «Юбилей должен подвести итоги достижениям, чтобы с еще большей уверенностью продолжить дело, начатое в Октябре

¹¹⁶ ГАНО. Ф. П-13. Оп. 1. Д. 962. Л. 56.

¹¹⁷ Там же. Л. 70.

1917 г.»¹¹⁸. Типичен плакатный образ рабочего, кующего 10-летие победы (см. прилож., рис. 6). По наблюдению В. Бонелл, появление образа кузнеца на советском плакате не случайно¹¹⁹. Это – многослойный символ, восходящий в конечном итоге к мифологическому сюжету сотворения мира. Выходит, рабочий кует новый мир, счастье и свободу – прекрасный и справедливый, существующий в отрыве от того, что было в прошлом до сотворения (до революции).

К 1927 г. можно говорить о сложившемся политическом культе Ленина, символическое изображение которого присутствовало повсюду в праздничные дни. Энергичный Ленин-оратор, Ленин-вдохновитель, Ленин-вождь был на первых полосах всех региональных газет, на плакатах и транспарантах (см. прилож., рис. 7).

Содержание политики памяти выражало и художественное кино, показы которого проходили в праздник повсеместно. Событием второй половины 1920-х гг. стал выход на экраны новаторских фильмов С. М. Эйзенштейна «Стачка» (1925 г.), «Броненосец Потемкин» (1925 г.) и «Октябрь» (1927 г.), ставших общепризнанными образцами высокого кинематографического искусства. Их посмотрели миллионы советских граждан. Эти картины претендовали на документальность подачи исторического материала, однако масштабы событий были явно преувеличены режиссером. Трилогия эффективно справлялась со своими пропагандистскими задачами легитимации революции и ее детища – большевистского политического режима. При этом, по мнению киноведа П. Кенеза, фильмы Эйзенштейна были глубокомысленны, они изображали революцию концептуально, приподнимая ее над миром обыденного как нечто

¹¹⁸ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Д. 60. Л. 16.

¹¹⁹ *Бонелл В.* Репрезентация женщины в ранних советских плакатах // *Визуальная антропология. Режимы видимости при социализме.* М., 2008. С. 261.

заранее предопределенное движущими силами мировой истории¹²⁰. Игровое художественное кино середины 1920-х гг., адресованное массовому зрителю, превозносило и прославляло революцию.

Масштабные кинокоммеморации дополнялись и поддерживались афишами (рекламными плакатами), упрощенно, но ярко и даже экспрессивно сообщавшими о новых картинах. Афиша В. и Г. Стенбергов, выполненная в соавторстве с Я. Руклевским, репрезентирует тему «Октябрь» в полном соответствии со сложившимся каноном жанра. Композиция разделена по диагонали на «два мира». Двуглавый золотой орел на черном фоне, хотя еще не повержен, но уже явно потерял устойчивость, крейсер «Аврора» готовится к залпу, прямо на зрителя несутся красные фигуры вооруженных революционеров, а из центра композиции в зрителей же целится из пистолета матрос. Интересно, что его фигура окрашена синим. В этом случае вероятно символическая связь с культурными традициями Великой французской революции, в ходе которой синий цвет, наравне с триколором, стал эмблемой всех, кто выступал за революционные идеалы¹²¹ (см. прилож., рис. 8).

К началу 1930-х гг. пропаганда ставила перед населением новую боевую задачу борьбы за советскую индустрию. Коммеморативная составляющая Октябрьских торжеств несколько ослабла по сравнению с предыдущим десятилетием. Теперь праздник был четко ориентирован на современность и на будущие успехи. Уже в 1930 г. главное содержание Октябрьских торжеств определялось как пропаганда пятилетки, культурной революции, решений XVI партсъезда¹²². Газетные лозунги призывали прежде всего к досрочно-

¹²⁰ *Kenez P.* Cinema and the soviet society from the Revolution to the death of Stalin. P. 57.

¹²¹ *Пастуро М.* Синий: история цвета. М., 2015. С. 91.

¹²² Там же. Ф. П-3. Оп. 3. Д. 326. Л. 60.

му выполнению планов пятилетки. Более очевидной стала и тенденция подавления сибирского нарратива революции и Гражданской войны общесоветским нарративом.

Плакаты, готовившиеся к 15-летию революции, акцентировали внимание лишь на недавнем прошлом – на времени «борьбы за социализм», на успехах индустриализации. С плакатов преимущественно исчезли солдаты и матросы, остались лишь стройные ряды рабочих, шагающих бодрыми колоннами под красными знаменами. Промышленные объекты, с начала 1920-х гг. служившие фоном для изображения революционных человеческих фигур, обрели громкие имена – Кузнецкстрой, Магнитострой, Днепрострой (см. прилож., рис. 9).

При некотором общем снижении интереса к истории в 1934 г. на экраны страны вышла культовая картина «Чапаев» Г.Н. и С.Н. Васильевых, сыгравшая немаловажную роль в формировании однотипных массовых представлений о героях военно-революционных лет. Фильм был снят в соответствии с уже утвердившимся соцреалистическим каноном. Согласно выводам Дж.Г. Хартзока, эта картина несла идею руководящей роли партии в годы Гражданской войны. В образе Чапаева американский историк видит сходство с образами богатырей из русских былин, привлекательные черты романтики и монументальной героики. Однако, по замыслу сценаристов, Чапаев не мог победить без помощи партии, поэтому фильм внушал непоколебимую верность делу большевиков. Образ Чапаева стимулировал желание зрителей подражать герою, готовому жить ради борьбы за социализм и погибнуть в этой борьбе. Фильм служил средством объединения разрозненной аудитории, ее мобилизации на свершения невиданных до сих пор масштабов¹²³.

Двадцатилетний юбилей Октябрьской революции (1937 г.) детально исследован американским историком

¹²³ *Hartzok J. G. Children of Chapaev. P. 98.*

К. Петроне. По ее выводам, праздничная риторика базировалась на идее разрыва с дореволюционным прошлым, которое изображалось, в отличие от «радостного» настоящего, в самых мрачных красках. Наше исследование показывает, что это противопоставление прошлого и настоящего стабильно использовалось и десятью годами ранее. Однако справедлив вывод К. Петроне о несоответствии радости по поводу социальных достижений в СССР и нерешенности материальных проблем населения. Вследствие этого американский историк подчеркивает неудовлетворенность значительной части населения лживой риторикой и опасения организаторов торжеств по поводу возможных саботажей в праздничные дни, вызванных недовольством пропагандой. Поиск средств убеждения населения в благополучии современности предполагал создание новых способов «проработки прошлого». В этой связи К. Петроне упоминает о произошедшем именно к двадцатилетию Октября возрождении позитивной исторической памяти о некоторых героях дореволюционной истории.

Историком замечено, что в 1937 г. власть использовала фигуры памяти А. С. Пушкина и императора Петра Великого для пропаганды патриотизма. «Продление» русской истории служило фактором легитимации власти большевиков, которым было якобы «чуждо варварское уничтожение истинно ценного культурно-исторического наследия». Положительный образ Петра I был нужен также для оправдания сильной, бескомпромиссной власти, трудностей, которые переживает общество, усиленно занятое борьбой за поднятие боеспособности армии и индустриализацию. Юбилейные торжества также ярко отразили новое видение роли И. В. Сталина в Октябрьской революции. После осуждения в 1936–1937 гг. Л. Б. Каменева, Г. Е. Зиновьева, Л. Д. Троцкого, А. И. Рыкова и Г. Л. Пятакова пропагандисты повсеместно

заявляли, что эти люди «срывали революцию», а единственным честным соратником Ленина был только И. В. Сталин. Преувеличивался также его вклад в победу в Гражданской войне¹²⁴. Почитание Ленина в середине 1930-х гг. происходило уже в контексте почитания Сталина. Гиперболизация роли Сталина в военно-революционных событиях наиболее ярко отразилась в художественном фильме А. Я. Каплера «Ленин в Октябре» (1937 г.). Периодическая печать Сибири также отражает идею равновесия культов Ленина и Сталина, что выражается и в текстах публикаций, и в иллюстрациях (см. прилож., рис. 10).

А разнообразные праздничные атрибуты и сувениры, нацеленные на визуальную пропаганду (плакаты, открытки, шейные платки и др.), и вовсе делали акцент на изображении Сталина. Я. Плампер подчеркивает, что культ Сталина – это преимущественно визуальный феномен¹²⁵. Визуальная пропаганда внушала идею равного величия Ленина и Сталина в прошлом. Картины настоящего целиком концентрировали внимание на Сталине, окруженном символами изобилия (фрукты, колосья, дети), процветания (цветы, молодые девушки), прогресса и военной мощи (заводы, автомобили, поезда, метро, самолеты, дирижабли, танки) (см. прилож., рис. 11 и 12). В центре композиции мог располагаться укрупненный портрет вождя. Я. Плампер подчеркивает традиционную связь между центральностью и сакральностью, присущую русскому визуальному тексту¹²⁶. Небольшие портреты Ленина и Маркса художник мог разместить по бокам. Эта композиция ассоциируется с православной иконографией троицы. При этом портреты Ленина и Маркса все-таки становятся второстепенными, фоновыми элементами композиции.

¹²⁴ *Petrone K.* Life Has Become More Joyous, Comrades. P. 154–162.

¹²⁵ *Плампер Я.* Алхимия власти. С. 8.

¹²⁶ Там же. С. 139.

Художественные фильмы предвоенных лет – «Ленин в Октябре» (1937 г.), «Ленин в 1918 г.» (1939 г.) М. И. Ромма, «Человек с ружьем» (1938 г.) С. И. Юткевича и «Великое зарево» (1938 г.) М. Р. Чиаурели – строго соответствовали содержанию «Краткого курса истории ВКП (б)», визуализируя и «оживляя» текст. Сталин в этих картинах был представлен как главный соратник Ленина, Зиновьев и Каменев выставлялись врагами, которым не удалось сорвать ленинские революционные планы.

С 1937 г. лейтмотивом праздничной пропаганды стала тема патриотизма. Пропаганда активно формировала в коллективной памяти советского общества однотипные, позитивно окрашенные образы возрожденных героев отечественной истории. Политика памяти этого времени была очевидно направлена на формирование беззаветной любви к Родине и ненависти к врагу посредством использования исторических рассказов и однотипных образов героев. Тем более что внешнеполитическая обстановка накалялась. С 1938 г. ощущение угрозы большой войны стало реальным и для вождя, и для советского народа. Пропаганда начала усиленно эксплуатировать образы прошлого для культивации патриотического настроения в массах.

7 ноября 1938 г. в «Советской Сибири» было опубликовано стихотворение А. Стакатова «Кого мы били и бить будем», полностью отвечавшее политике памяти текущего момента. Приведем его полностью:

*Итак, друзья, мы обратимся к были.
Нам в памяти полезно освежить,
Всех тех, кого народы наши били,
И если нужно – снова будут бить.
Зимой памятного всей России года
На Чудском озере был враг разбит дотла.
Во славу русского великого народа
Псам рыцарям собачья смерть пришла.*

*Гремела слава громкая о Карле,
О шведских воинах, о силе их меча.
Но под Полтавой весь в бинтах и марле
Хваленый Карла задал стрелача.
Огромной армией пошла орда французов.
Их вел известный всем Наполеон.
Но русские войска повел на бой Кутузов
И выгнали французов вон.
Ни раз поляки в бой на нас ходили,
Желая показать воинственную прыть.
Встречались с ними мы и каждый раз их били.
А если сунутся – так снова будем бить.
Гражданская война – блокада и десанты...
Красноармейский героический поход.
Вооруженные и сытые войска Антанты
Разбил и выгнал наш народ.
И вот совсем недавно вражья стая
Границу перешла и встал народ-титан.
Сверкали пятки жалких самураев
В районе озера Хасан.*

Это стихотворение было проиллюстрировано карикатурой на врагов, изображения которых отвечали иконографии, сложившейся в рамках дискурса визуальной пропаганды еще в период Гражданской войны (см. прилож., рис. 13 и 14).

Политика памяти военных лет, находившая отражение в Октябрьских торжествах периода Великой Отечественной войны, отвечала тенденциям предвоенных лет. Незадолго до начала Октябрьских торжеств в газетах публиковались статьи, прославлявшие героев из числа полководцев: Дмитрия Донского, Кузьму Минина и Дмитрия Пожарского¹²⁷. Примечательно, что авторами соответствующих газетных публикаций являлись доктор наук и академики (М. Н. Тихомиров, С. В. Бахрушин), имевшие высокий авторитет. Ста-

¹²⁷ Бахрушин С. Минин и Пожарский // Восточно-Сибирская правда. 1943. 3 окт.; Тихомиров М. Дмитрий Донской // Там же. 4 окт.

тьи о героях, как и прочие материалы, служили социальной мобилизации. Герои культурной памяти были представлены как защитники Отечества. Последовательно описывались их подвиги, как примеры героизма, необходимые в условиях войны. Для стимуляции патриотического подъема периодическая печать по-прежнему использовала образы героев Гражданской войны. Однако в Сибири доминантами дискурса советской пропаганды периода военных лет были темы усиления помощи фронту и перевыполнения хозяйственных планов.

Интересно рассмотреть военные плакаты, печатавшиеся к Октябрьским торжествам. Художники продолжали пользоваться старыми приемами символического противопоставления сил добра и зла. Тема войны полностью подчинила себе памятную дату. О том, что плакат вышел к 7 ноября, становилось понятно лишь из его лозунговой составляющей: «Завоеваний Октября не отдадим!» (см. прилож., рис. 15), «Защитим город Ленина!» (см. прилож., рис. 16). С плакатов исчезли образы врагов прошлых лет. Теперь черные, трепещущие, поверженные, монстрообразные фигуры означали фашистов. Однако карикатурность и условность изображения часто уступала место фотографичности.

За спинами бойцов – красноармейцев или партизан – и над их головами нередко изображались фигуры героев прошлых эпох. Визуализация героев полководцев и защитников создавала иллюзию их оживления и участия в борьбе с врагом. Изваяние Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского возвышается на плакате, пропагандирующем партизанское движение «Наши силы неисчислимы!» (см. прилож., рис. 17). Герои прошлого объединяют огромную толпу людей, добровольно взявших за оружие, дают пример героизма и вселяют в бойцов веру в победу. Силу эмоционального воздействия этому плакату задает особая композиция.

Скульптура героев размещена в правом верхнем углу. По изобразительному канону классицизма это место на картине отводилось символистской статуе бога-покровителя. А на православной иконе, изображающей молящихся святых, в правом верхнем углу нередко находились фигуры Христа, Богородицы с младенцем или благословляющая рука Господа. Жест благословляющей руки отчасти воспроизводит фигура Кузьмы Минина на плакате.

Подтекст сакрализации героических фигур национальной памяти, еще недавно подвергнутых остракизму и забытых, очевиден и при взгляде на другой известный плакат «Бьёмся мы здорово...» (см. прилож., рис. 18). Над фигурами красноармейцев-пулеметчиков парят красные тени Александра Невского, Александра Суворова и Василия Чапаева, зовущие в бой, направляющие оружие влево, на запад. Вероятный прототип этого изображения – икона «Благословенно воинство небесного царя» («Церковь воинствующая») 1550-х гг. из Успенского собора Московского кремля. В центре композиции этой иконы и подобных ей – фигура Архангела Михаила на красном крылатом коне, ведущая за собой войско, состоящее из святых, к Небесному Иерусалиму.

1.2. «Поменьше трескотни – побольше дела!» Организация Октябрьских торжеств в Сибири: роль партийных и советских органов

Субъектами политики памяти в изучаемый период являлись прежде всего партия и правительство, для которых памятные торжества выступали средством формирования и поддержания «правильной» версии коллективной памяти о революционных событиях и событиях Гражданской войны. Однообразие в проведении Октябрьских торжеств обеспечивалось деятельностью комиссий при президиуме ЦИК СССР, специально создававшихся с начала 1920-х гг. Эти

комиссии, возглавлявшиеся, как правило, М. И. Калиным, разрабатывали типовые планы организации праздника по всей стране и формулировали уже упомянутые нами «ударные точки пропаганды». Работа комиссий дополнялась деятельностью разных подкомиссии. Важную роль в подготовке праздника играла Литературная подкомиссия, отвечавшая за праздничные агитационные издания, работавшая с журналами и газетами, готовившимися к выпуску праздничных номеров¹²⁸.

В 1920 г. подготовка праздника началась лишь в конце сентября. Комиссия выработала ряд рекомендаций, касавшихся проведения военного парада, тематики митингов, репертуара театральных постановок и музыкальных концертов, музейных выставок, использования кинематографа в ходе торжеств. Третья годовщина Октябрьской революции еще не замышлялась Центральной комиссией как всеобщий пышный праздник. Рекомендации, отразившиеся в документах комиссии, не имели строго директивного характера. В 1920 г. предполагалась вариативность сценариев торжеств и репертуаров зрелищных учреждений. К примеру, говорилось, что «пехота, конница, артиллерия и др. – все эти части могут выступить на торжествах как олицетворение силы и мощи республики»¹²⁹. С учетом того, что комиссия заседала до конца октября, работая над планами торжеств, подготовить праздник на местах у сибирских организаторов времени практически не осталось. Именно поэтому многое делалось спонтанно и некачественно.

Предписания Центральной комиссии 1921 г., созданной постановлением Оргбюро от 23 сентября, были более четкими и развернутыми. Сформулированные ею планы публиковались в газете «Правда». Комиссия однозначно постановила начать торжества по всей стране 6 ноября, от-

¹²⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 284. Л. 37.

¹²⁹ Там же. Д. 5. Л. 13.

казаться от проведения военных парадов, сэкономить средства на праздничном декоре, все зрелищные мероприятия устраивать бесплатно. Предлагалась широкая лозунговая база и подробные тезисы для выступлений агитаторов на митингах. Комиссия представила технологию организации вечеров воспоминаний, сформулировала требования к художественной части, которая отныне должна была иметь строго идеологическое содержание, в отличие от прошлого года, когда рекомендовалось к исполнению и постановкам много классических произведений. Однако место вариативности оставалось. К примеру, комиссия допускала, что на местах организаторы сами решат, когда именно и где устраивать митинги. Лишь рекомендовалось использовать для этих целей время перед спектаклем¹³⁰.

В 1923 г. комиссия сделала акцент на организации торжеств в Москве. Подробно было спланировано торжественное заседание в Колонном зале вечером 7 ноября. Характер рекомендаций для разных регионов страны остался прежним¹³¹. Говоря о работе комиссий последующих лет, можно отметить ее стандартизацию и практицизм, проявлявшийся в отношении к празднику как к хорошему поводу для политической пропаганды смычки города и деревни, идей коллективизации индустриализации, стахановского движения, культурной революции и т.п. Центральные комиссии регулярно затягивали выработку директив о проведении торжеств на местах, затрудняя работу организаторов праздника в Сибири.

Обширные организационные задачи ставила Октябрьская комиссия перед регионами страны в юбилейном 1927 г. Комиссия постановила задействовать в подготовке советские органы, хозяйственные учреждения, профсоюзы, кооперацию, комсомол, пионеров, отделы работниц,

¹³⁰ Там же. Д. 38. Л. 2а–17.

¹³¹ Там же. Д. 153. Л. 24–34.

крестьянок, Красную армию. Торжества предписывалось запланировать на два дня, обязательно устроить повсеместные демонстрации, открытия памятников, социальных учреждений и отчетно-показательных выставок. При этом отмечалось, что «всюду подготовка развернута в недостаточной мере»¹³².

Говоря об организации праздников в 1930-х гг., К. Петроне подчеркивает существенное влияние «чисток партии» на деятельность Октябрьских комиссий. Партийные функционеры, оставаясь главными участниками торжеств, в первую очередь рисковали быть репрессированными¹³³. Это касалось также деятелей культуры, агитаторов и пропагандистов на местах. В период Великой Отечественной войны организация праздников стала еще жестче централизованной. Все решения, связанные с характером торжеств, принимались исключительно в Москве. Предписания центральных комиссий военных лет были строго обязательными для исполнения в регионах.

В военные годы главную роль в принятии решений, касавшихся проведения Октябрьских торжеств, играл сам И. В. Сталин. По его настоянию в 1941 г., когда враг находился на подступах к столице, праздник устраивался по довоенному стандарту, с парадами в Москве и Куйбышеве, а также с демонстрациями. Торжество стало мощнейшей идеологической кампанией, направленной на мобилизацию военных, трудовых сил и подъем патриотизма. Впервые с начала войны Сталин выступил с публичной праздничной речью, поздравив соотечественников и напомнив им о боевых победах великих русских полководцев и красных командиров времен Гражданской войны. Кампания имела успех. По мнению историка О. Н. Хлевнюка, не в послед-

¹³² РГАСПИ. Ф.70. Оп. 1. Д. 60. Л. 18–18 об.

¹³³ *Petrone K.* Op. cit. P. 168–174.

ную очередь благодаря пропаганде советские войска перешли в наступление¹³⁴.

По наблюдению С. Н. Шаповалова, праздничные кампании 1943–1945 гг. были заметно интенсивнее, чем в два предыдущих года, что было связано с благоприятными изменениями на советско-германском фронте. Шаповалов обратил внимание и на то, что в 1943 г. Октябрьские торжества проводились в течение целых трех дней, с 6 по 8 ноября, что было вполне сопоставимо с характером торжеств в довоенный период. А в некоторых регионах годовщина Октябрьской революции праздновалась практически как в мирное время¹³⁵.

На местах за организацию торжеств отвечали прежде всего партийные органы, создававшие свои праздничные комиссии и их подкомиссии (театрально-зрелищные, издательские, экскурсионные и др.), которые разрабатывали планы проведения мероприятий в конкретных условиях сибирских городов. Состав комиссий постоянно менялся, установить биографические сведения о людях, входивших в эти комиссии, часто затруднительно.

В 1920–1924 гг. организацией торжеств в Сибири занималось Сиббюро ЦК РКП (б), представлявшее собой руководящий политический центр большевистской партии, действовавший на территории Алтайской, Енисейской, Иркутской, Новониколаевской, Омской, Томской губерний, Бурят-Монгольской, Ойротской и Якутской автономных областей. В целом работа Сиббюро была направлена на установление в восточных регионах страны единых принципов коммунистической политики и советского строительства после завершения Гражданской войны. Сиббюро

¹³⁴ Хлевнюк О. Н. Указ. соч. С. 298–300.

¹³⁵ Шаповалов С. Н. Праздник и война – опыт проведения праздников в 1943–1945 гг. (по материалам Краснодарского края и Ростовской области) // Общество: философия, история, культура. 2014. № 1. С. 36.

контролировало деятельность областных учреждений общегосударственного и ведомственного характера – *Сибревкома*, Сибпромбюро Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ), губкомов партии и других организаций. Аппарат Сиббюро включал в себя агитационно-пропагандистский отдел¹³⁶. Именно в рамках этого отдела создавалась Сибкомиссия по проведению Октябрьских торжеств, вступавшая в прямое взаимодействие с Центральной Октябрьской комиссией и разрабатывавшая стандарт устройства праздника по всей Сибири.

В начале 1920-х гг. комиссия Сиббюро проявляла значительную самостоятельность в проведении праздника, составляя собственные концептуальные акценты и принимая организационные решения, иногда противоречившие постановлениям, приходившим из Москвы. К примеру, в 1920 г. сибиряки добились разрешения ЦК РКП (б) отпраздновать годовщину революции в Сибири пышно и особенно торжественно, несмотря на то, что Гражданская война еще продолжалась и требовалось экономить финансовые средства. Сибиряки изыскали деньги на покупку красной материи для знамен, соответствующую смету им удалось утвердить в Москве¹³⁷. Однако вышел курьез: эта материя была похищена¹³⁸.

Смысловой акцент, выработанный Сибкомиссией, имел региональную специфику: планировалось уделить первостепенное внимание поминовению павших борцов. Имелись в виду не только революционеры, но и борцы с «колчаковщиной» – деятели большевистского подполья в Сибири. Также позаботились об украшении братских могил «жертв колчаковщины». Помимо этого, предполагалась реализация и общих для всей страны целей пропаганды: разъяснения

¹³⁶ *Патков С. А.* Сиббюро ЦК РКП (б).

¹³⁷ ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1156. Л. 12–14.

¹³⁸ Там же. Л. 9а.

задач и итогов Октябрьской революции, ее классового и мирового значения¹³⁹.

В 1921 г. Сиббюро ЦК РКП (б) разработало руководство по проведению вечеров воспоминаний во всех губернских и уездных городах. Поскольку опыта таких мероприятий на местах практически не было, комиссия четко определяла возможные темы выступлений, время, соотношение теоретических докладов и индивидуальных воспоминаний, а также другие организационные детали проведения вечеров. Сохранялась и изначальная установка на особую торжественность и массовость. Везде, где имелись военные гарнизоны, было решено устраивать военные парады, а митинги – во всех больших, теплых помещениях (театры, кинотеатры и др.). Выработывались указания и для журналистов, которых обязывали выпустить праздничные номера газет¹⁴⁰. Был также разработан репертуар для театров и клубов, отличавшийся от рекомендованного Центральной Октябрьской комиссией, выдвинут ряд требований к проведению детских утренников¹⁴¹.

Интересно наблюдать через документы за хлопотами Сиббюро над праздничным декором. В 1921 г. западносибирские города вовсе не получили средств на декорирование зданий и братских могил, организаторам праздника предложили воспользоваться прошлогодними украшениями. Зато уже в 1923 г. праздничное декорирование стало гораздо разнообразнее: появилась иллюминация, многочисленные лозунги, зелень и цветы. В 1924 г. Новониколаевск получил для декорирования 2000 м только красной материи¹⁴².

Сиббюро обязывало губкомы исполнять свои решения, а также разрабатывать конкретные планы и программы

¹³⁹ Там же. Л. 2.

¹⁴⁰ Там же. Д. 1359. Л. 4–13.

¹⁴¹ Там же. Д. 1581. Л. 91.

¹⁴² ГАНО. Ф. П-1. Оп.1. Д. 1156. Л. 2.

устройства праздника в разных городах Сибири. Эти планы, как и отчеты о проведении праздника на местах, утверждались Сибкомиссией Сиббюро. После этого отчеты отправлялись в Москву.

Вследствие ликвидации Сиббюро ЦК РКП (б), в мае 1924 г. в Новониколаевске был образован Сибкрайком ВКП (б) (Сибирский краевой комитет), который являлся высшей партийной инстанцией на территории Сибирского края. Он руководил работой комитетов РКП (б) Алтайской, Енисейской, Иркутской, Новониколаевской, Омской, Томской губерний, Ойротской АО и Бурятии. Эта структура взяла на себя прежние функции Сиббюро по организации политических праздников. В 1924–1925 гг. работу Сибкрайкома возглавил его первый секретарь С. В. Косиор, в 1926–1929 гг. – С. И. Сырцов, в 1929–1930 гг. – Р. И. Эйхе. В конце 1930-х гг. этих высокопоставленных партийцев, для которых работа в Сибири была лишь этапом пути в высшие эшелоны власти, подвергнут репрессиям и в итоге расстреляют. Пока же карьера каждого из них шла в гору. Все они казались простым сибирякам «небожителями», спустившимися в праздник на землю. Их активное участие в сибирских Октябрьских торжествах было неотъемлемой частью торжественной программы. Они обязательно публично выступали на главных мероприятиях с праздничными докладами, содержащими основные идеологические формулы, актуальные на текущий момент.

В 1930 г. произошел переход к новому административно-территориальному делению: вместо Сибирского края были образованы Западно-Сибирский край с центром в Новосибирске и Восточно-Сибирский край с центром в Иркутске. Соответственно, прежние обязанности Сибкрайкома по организации праздничных идеолого-пропагандистских кампаний были возложены на Запсибкрайком и Востсибкрай-

ком. Очевидно, что в вопросах организации политических праздников эти структуры были более зависимы от Москвы, нежели структуры 1920-х гг. Это объясняется общими тенденциями развития сталинской политической системы и усилением централизации власти. В 1930-х гг. краевые комиссии по проведению годовщин Октябрьской революции получали много директив Кремля, которые требовалось адекватно адаптировать к имевшимся на местах возможностям и условиям. Нарушений директив на местах стали бояться по понятным политическим причинам. На заседаниях комиссий подробно излагалось и разъяснялось содержание документов, приходивших из Москвы, разрабатывались конкретные поручения для горкомов и райкомов партии, а также для местных печатных изданий (составлялись даже списки тем статей, необходимых для публикации в газетах), музеев, кинотеатров и театров. Поскольку торжества становились все более массовыми и дорогостоящими, расширялся и круг обсуждавшихся местных задач: организация радиотрансляций мероприятий и циклов праздничных радиопередач, издание разнообразных печатных материалов, украшение улиц и площадей.

Обкомы и крайкомы партии решали более конкретные организационные задачи на местах, не имея возможностей касаться содержательной стороны торжеств. В их состав включались собственно представители губкома, райкомов, женотделов, а также комсомола, структур, управлявших военной и промышленной сферами на местах¹⁴³. Само создание и утверждение комиссии президиумом губкома отнимало время от подготовки к празднику. В итоге план торжеств на практике утверждался только во второй половине октября¹⁴⁴.

¹⁴³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 651. Л. 12.

¹⁴⁴ Там же. Л. 6.

Начав работу, комиссии губкомов прописывали общие праздничные сценарии и планировали основные статьи расходов на торжества. Протоколы комиссий, создававшихся в 1920-х гг., содержат решения, касавшиеся времени проведения демонстраций и митингов, открытия памятников, организации бесед о революции, форм работы с молодежью, экскурсий и т. п. В середине 1920-х гг. губернские комиссии могли начинать работу еще до того, как приходили московские директивы и распоряжения краевых партийных структур, принимая предварительные самостоятельные решения, которые подчас приходилось корректировать в канун торжеств. Однако с утверждением сценарного стандарта праздника больших изменений в требованиях к организации годовщин 7 ноября не происходило вплоть до Великой Отечественной войны. Это позволяло работать «по-накатанному». С середины 1920-х гг. протокольная документация выглядит однообразной. Ежегодная идеологическая кампания коммеморативного характера означала для организаторов праздника рутинную, уже хорошо известную работу. В военный период обкомы партии акцентировали внимание на «проработке» праздничной речи Сталина и на ее детальном изучении трудящимися, а также на проблеме обеспечения подъема социалистического соревнования.

Свои комиссии по проведению празднований годовщин Октябрьской революции создавали также горкомы и райкомы. Именно от их активности и ответственности зависело качество реализации на местах государственной политики памяти. Эти структуры воплощали в жизнь принятые выше постановления. Уже в 1920 г. губкомы требовали безоговорочного выполнения своих решений от подчиненных им партийных органов¹⁴⁵. Именно городские комиссии расписывали по часам планы конкретных мероприятий на за-

¹⁴⁵ ЦДНИТО. Ф.1. Оп. 1. Д. 1250. Л. 141.

водах, фабриках, в учреждениях и районах, назначали ответственных за каждый участок работы. Именно эти люди отвечали за явку на торжества рабочих, за порядок и угощение, за покупку подарков для премирования ударников, за то, чтобы пионеры подготовили праздничную постановку, а стахановцы взяли на себя новые обязательства по выполнению производственных планов. Именно они читали лекции, иногда в спешке разрабатывая новый материал, проводили беседы, составляли планы докладов, поминутно расписывали порядок торжественных заседаний, проводили предварительную цензурную обработку готовившихся текстов выступлений и т. д.

Исполнение решений центральных и местных комиссий часто оказывалось непростой задачей для лиц, ответственных за практическую сторону дела. Квалификация и качество подготовки агитаторов нередко вызывали нарекания местного партийного руководства. Безграмотность агитаторов начала 1920-х гг. отражают составленные ими отчеты, отправлявшиеся в обкомы. Здесь и многочисленные орфографические ошибки, и откровенное неумение формулировать мысли, и содержательная бедность, и формализм заполнения отчетной документации. Сквозь эти записи очень трудно рассмотреть реальную картину проходивших торжеств.

К середине 1920-х гг. отчеты о проведении торжеств обрели гораздо более приличный и вместе с тем шаблонный вид. Агитаторы явно пытались выдавать желаемое за действительное. Вероятно, на фоне общего обострения социально-политической обстановки в стране в 1929–1930 гг., на расхождении между благополучной картиной, изображавшейся в отчетах, и действительностью стало обращать внимание вышестоявшее начальство, опасавшееся репрессивных последствий. В 1931 г. на уровне Томского горко-

ма КПСС произошло крупное разбирательство по итогам организации четырнадцатой годовщины Октября. Организаторам праздника на заводах, в университете и медицинском институте вменили в вину множество явных промахов: пьянство участников мероприятий, вялость демонстрации, пассивность партийцев и т.п.¹⁴⁶ Очевидно, все это было и раньше, однако не афишировалось.

В декабре 1937 г. секретарь Иркутского обкома ВКП (б) А. С. Щербаков выступил с критичным докладом на областной партийной конференции. В период Большого террора поиск виноватых в «срывах» партийной работы стал повсеместной практикой, вызванной паническим страхом перед репрессиями, поиском «козлов отпущения», на которых можно было переложить ответственность за плохую организацию мероприятий, а также стремлением выслужиться перед Москвой, демонстрируя безжалостную борьбу на местах с «врагами». Однако приведенные Щербаковым примеры безграмотности агитаторов и руководителей кружков по изучению истории партии действительно показательны. Если все-таки верить Щербакову, то многие из них кое-как читали, не могли осилить даже учебник по истории ВКП (б), говорили слушателям, что Сталин, к примеру, родился «в городе Грузии», не знали ответов на вопросы о том, кто такие П. А. Столыпин, Ю. О. Мартов или В. М. Пуришкевич. Соответственно, далеко не все агитаторы могли объяснить, почему Троцкий, Каменев и Зиновьев стали считаться врагами народа и какова их «реальная» роль в революции¹⁴⁷.

Свою лепту в организацию Октябрьских торжеств вносили и советские органы власти. Хотя партийные органы явно доминировали в деле подготовки к праздни-

¹⁴⁶ Там же. Ф.80. Оп. 1. Д. 121. Л. 35–45.

¹⁴⁷ ИАОО. Ф. 392. Оп. 2. Д. 11. Л. 66.

кам, Октябрьские торжества все-таки расценивались как всенародные и не должны были ограничиваться участием лишь членов партии большевиков. В начале 1920-х гг. на проведение Октябрьских торжеств в Сибири оказывал влияние Сибревком – временный, чрезвычайный орган власти. Его сохранение после 1920 г. во многом было обусловлено актуальностью борьбы с контрреволюцией на востоке страны. Сибирь еще лихорадило от крестьянских восстаний, положение советской власти оставалось шатким. По словам юриста Р. Ш. Штейман, с одной стороны, Сибревком выступал как представитель центра в Сибири, а с другой стороны, он являлся высшей властью для всех местных сибирских органов¹⁴⁸. Одновременно, по мнению историка В. И. Шишкина, длительное существование Сибревкома объяснялось его активной ролью в обеспечении Москвы сибирским хлебом, маслом, золотом и пушниной. Сибревком скорее не отстаивал интересы Сибири перед Москвой, а обеспечивал подчинение богатыми ресурсами, но не развитого в инфраструктурном отношении региона центру¹⁴⁹.

В 1920 г. Сиббюро Сибревкома постановило объединить празднование годовщины Октября с освобождением Сибири от Колчака¹⁵⁰. Это местное решение все-таки свидетельствует о некоторой автономии Сибревкома от Центральной Октябрьской комиссии, по крайней мере в вопросах политики памяти в регионе. Политическая ситуация в Сибири была специфичной. Торжества в честь разгрома «колчаковщины» рассматривались как важная идеологическая мера, направленная на окончательное подавление контрреволюции. В силу решения Сибревкома праздник

¹⁴⁸ Штейман Р. Ш. Указ. соч. С.16.

¹⁴⁹ Шишкин В. И. Государственное управление Сибирью в конце XIX – первой трети XX в. С. 153.

¹⁵⁰ ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1252. Л. 23.

в Сибири обретал в начале 1920-х гг. региональную специфику. Впрочем, это не противоречило тактике партийных органов. В этом же году Сибревком инициировал создание юбилейного сборника «Октябрьская революция и год Советской власти в Сибири», куда планировалось включить разнообразные материалы, от публицистических статей до некрологов. Организацией практических мероприятий, направленных на подготовку этого сборника, занялся Новониколаевский губком. Других значимых источников, которые могли бы отражать инициативы Сибревкома в вопросах организации Октябрьских торжеств, нами не установлено. Властные структуры, пришедшие на смену Сибревкому, – Сибкрайисполком (с 1925 г.), а также Западно-Сибирский крайисполком и Восточно-Сибирский крайисполком (с 1930 г.) – становились все более зависимыми от партийных организаций, не имея возможности принимать самостоятельные решения.

Участие в организации Октябрьские торжеств принимали и горсоветы – советские органы городского самоуправления. Историк С. А. Папков считает, что «они имели очень ограниченные права и обладали преимущественно декоративно-имитационными функциями власти. Процедуры их формирования, порядок проведения заседаний, принятия решений, кадровых перемещений были обставлены всевозможными ограничениями, фактически лишавшими их самостоятельности и инициативы»¹⁵¹. Горсоветы подчинялись губисполкомам. В 1920–1930-х гг. сфера деятельности горсоветов сосредоточилась преимущественно на организации и проведении разнообразных политических торжеств. Праздничные заседания, устраивавшиеся горсоветом каждый год вечером 7 ноября, являлись важ-

¹⁵¹ Папков С. А. Городское самоуправление Новониколаевска (Новосибирска) в 1920-е годы. С. 143.

нейшими торжественными мероприятиями для круга избранных. Само приглашение на такое заседание означало оказание высокой чести. На заседаниях должны были присутствовать лучшие люди, достойные признания и наград. Горсовет мог инициировать премирования рабочих на торжественном заседании и иные формы поощрений. Однако сохранившиеся документы горсоветов, посвященные подготовке к Октябрьским торжествам, практически полностью повторяют постановления и решения партийных инстанций. Разрабатывавшийся горсоветом порядок торжественного заседания обычно не отличается от порядка, описанного в аналогичных документах, осевших в партийных фондах.

Учитывая, что депутатами горсовета часто становились малообразованные люди (чернорабочие, домашние хозяйки, мелкие служащие), фактически не способные рационально решать управленческие задачи, именно эта «элита» и являлась главной мишенью праздничной пропаганды, выражавшей государственную политику памяти. Привилегия присутствовать на закрытом вечернем заседании в Доме Ленина среди городской элиты, увидеть «живого» Эйхе, голосовать за избрание в почетный президиум самого Сталина, возможно впервые посмотреть и послушать концертную программу в исполнении лучших артистов Сибири – все это, несомненно, должно было оказывать на самих депутатов сильное воздействие, повышать их внутреннюю самооценку и градус доверия к «благодетельной» власти. К. Петроне считает, что, с одной стороны, пышные советские торжества 1930-х гг. поднимали статус новой советской элиты в глазах общества, с другой стороны, они создавали и множественные поводы для тревог, связанных с «чистками» и иными репрессивными кампаниями¹⁵².

¹⁵² *Petrone K.* Op. cit. P. 171–173.

1.3. «Уловить, зафиксировать, разобраться беспристрастно в фактах»: работа Истпарта над «организацией» памяти о «Великом Октябре» в Сибири

Свою лепту в подготовку Октябрьских торжеств неизменно вносили организации, профессионально занимавшиеся сохранением памяти о революции – Истпарты. Члены Истпартов участвовали в формировании официальной концепции Октябрьской революции, готовили к празднику мероприятия, выставки и публикации, основанные на предварительном сборе и обработке источников по истории революционного движения на территории страны.

Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП (б) была создана указом Совнаркома 25 сентября 1920 г. как Комиссия при Госиздате, а позднее – при Наркомпросе РСФСР. С 1 декабря 1921 г. Истпарт перешёл на правах отдела в ЦК РКП (б). Президиум Истпарта изначально возглавил М. С. Ольминский, его заместителем стал М. Н. Покровский. В состав комиссии также вошли представители когорты «старых большевиков». Всего – 9 членов, назначенных Советом народных депутатов (СНК). Историк С. Ф. Корни подчеркивает, что эти люди, подолгу прожившие в эмиграции, привыкли выработать политические идеи в кабинетных условиях, а это не могло не сказаться на их дальнейшей работе, нацеленной на увековечивание памяти о русской революции. Истпарт фактически стал «официально назначенным арбитром памяти об Октябре»¹⁵³.

Совет народных депутатов постановил организовать местные комиссии и бюро Истпарта, а также посылать своих уполномоченных во все губернии и области РСФСР¹⁵⁴. Осенью 1921 г. началось создание местных бюро Истпарта

¹⁵³ Corney F. C. Op. cit. P. 101–104.

¹⁵⁴ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Д. 17. Л. 1.

при областных и губернских партийных комитетах, получавших и выполнявших задания из Москвы по формированию коллекций документов, их изучению, публикации, по организации праздничных выставок, экскурсий и лекций, а также по интеграции революционеров и ветеранов рабочего движения.

Сибирский историко-партийный отдел (Сибистпарт) был организован при Сиббюро ЦК РКП (б) 29 декабря 1921 г. В его состав вошли В. Д. Вегман, ставший заведовать Сибистпартом с 1923 г., Н. Ф. Преображенский и В. М. Косарев. Деятельность отдела началась в январе 1922 г. с обращения к губкомам, укомам и членам партии о сборе и передаче ему исторических документов о революции и Гражданской войне. В 1922–1923 гг. Сибистпартом была создана сеть местных отделов при региональных парткомах. В 1920-х гг. Сибистпарт вовлек в свою деятельность беспартийных ученых и краеведов из числа профессоров, преподавателей вузов, музейщиков, писателей и журналистов¹⁵⁵. Как подчеркивает А. Л. Посадсков, в 1927 г. предпринималась попытка централизации Истпарта в Сибири с целью концентрации архивных фондов в Сибистпарте. Однако усилиями местных парткомов и самих Истпартов в 1931 г. в Восточно-Сибирском крае, а в 1935 г. в Красноярском крае и в Омской области были созданы самостоятельные Истпарты¹⁵⁶. Во второй половине 1930-х гг. местные Истпарты серьезно пострадали от политических репрессий. В частности, в 1936 г. по надуманному обвинению арестовали В. Д. Вегмана, через два месяца после этого он скончался. В 1940 г. Западно-Сибирское бюро Истпарта было объединено с областным партийным архивом.

Истпарты создавали коллекции документов, связанных с темами революционной и партийной истории. Реализация

¹⁵⁵ *Посадсков А. Л.* Указ. соч.; ГАНО. Ф. П-5. Оп. 7. Д. 33 и др.

¹⁵⁶ *Посадсков А. Л.* Указ. соч.

задач Истпартов предполагала также запись воспоминаний ветеранов на основе анкетирования и бесед. С. Ф. Корни считает, что активисты Истпарта всегда отдавали предпочтение мемуарным источникам. Эти люди высоко ценили собственный опыт участия в революции и свою личную память о военно-революционном прошлом, призывая единомышленников по всей стране инициировать процесс записи воспоминаний живых свидетелей недавних эпохальных событий¹⁵⁷. В задачи агитаторов губкомов входила рассылка писем участникам Гражданской войны с просьбой принять участие в этой программе и с примерным перечнем вопросов. Истпарты организовывали и вечера воспоминаний, которые стенографировались. Прежде всего авторами мемуаров, отложившихся позже в архивах, стали подпольщики, красноармейцы и партизаны. Так зазвучали «голоса из народа». Пафос подобных акций понятен: власть демонстрировала способность слушать и слышать «массы», за которыми признавалась решающая роль в истории.

Конспект-минимум для составления воспоминаний, опубликованный 11 ноября 1920 г. в «Петроградской правде» и рассылавшийся по отделениям Истпарта страны, включал следующий круг вопросов и указаний. Во-первых, предлагалось выяснить, в каких партийных организациях и когда состоял респондент, а с какими поддерживал тесную связь, сидя, к примеру, в тюрьме; в чем состояла его партийная работа, кто и как работал вместе с ним, из кого вообще состояла партийная организация, как ею велась пропаганда: легально или нет, создавались ли кружки, как велась агитация, какие мероприятия запомнились? Вопросы касались также финансов партии, печатной техники, наиболее злободневных проблем тактического, программного и фракционного планов, связи с центром, съездов. Отдельно предполагалось

¹⁵⁷ *Corney F. C. Op. cit. P. 105.*

спросить о легальной работе в партийных организациях до февраля, о подготовке Октябрьского переворота и об участии в нем¹⁵⁸. Показательно, что воспоминания обывателей, не имевших отношения к партийной работе, Истпарт не интересовали. Зато «неотложной задачей» стало привлечение всех членов партии к составлению воспоминаний¹⁵⁹.

Сибирские мемуары первой половины 1920-х гг., собранные местными истпартовцами, представлены рукописями («самозаписями»), а также печатными расшифровками исходных рукописных текстов. Работа с воспоминаниями давала обширные возможности структурировать и организовывать стихийную, естественно складывавшуюся у разных социальных групп память о революции. Ясно, что Истпарт практически не интересовали произвольные рассказы очевидцев событий. Мемуары фабриковались по опросникам и анкетам, в структуру которых, как мы уже показали, заранее была заложена схема, во многом определявшая ответы респондентов. Важно и то, что работа рассказчиков с анкетами не могла не влиять на их собственное восприятие прошлого. Память «прорабатывалась», живые воспоминания корректировались, обретали новый смысл. Такая манипуляция памятью никого не смущала.

В директивных документах Истпарта было четко сказано о годовщинах Октября буквально следующее: «Всякая новая годовщина будет расширять и углублять значение этого события в сознании трудящихся не только России, но и всего мира. Уже теперь она становится международным пролетарским праздником, но в то же время всякая годовщина будет отдалять нас во времени от великой пролетарской революции, все больше будет стирать воспоминания о ней живых участников...». Именно поэтому представля-

¹⁵⁸ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Д. 17. Л. 8.

¹⁵⁹ Там же. Л. 29.

лось важным зафиксировать «правильные» воспоминания во избежание «искажения» их смысла со временем¹⁶⁰.

Лишь на начальном этапе сбора воспоминаний Истпартом в Сибири в коллекцию попадали аутентичные рукописи, составленные так, как того хотел сам автор, имевший, однако, по всей видимости, опросник перед глазами. Но эти, наиболее ценные с точки зрения современной науки, источники считались истпартовцами неудачно записанными.

В плане критики деятельности Сибистпарта на самом раннем этапе сообщалось, что до 1923 г. сбором мемуаров в Новониколаевске занимался только Замковский – один из старейших членов партии в Сибири, передавший Истпарту свою коллекцию, в которую вошли воспоминания революционеров Амелина, Дронина, Пуляшкина и др. Между тем изначально признавалось, что «живые воспоминания участников событий, написанные ими самими или с их слов, являются, несомненно, самым ценным, хотя и субъективным источником ознакомления с интересующими Истпарт фактами и событиями местной жизни»¹⁶¹. Ценность мемуаров виделась в изложении рассказчиками фактов: «Задача Истпарта – уловить, зафиксировать, разбираться беспристрастно в фактах»¹⁶². Иными словами, истпартовцы пытались работать с воспоминаниями почти так, как следователь работает с показаниями допрошенных граждан. Именно поэтому лучшим способом установить «достоверные факты» считалась организация вечеров воспоминаний, которые имели вид очных ставок. Даже стенографирование рассказов, в сущности, было похоже на процедуру ведения протокола.

Однако имелась и важная отличительная черта. Истпартовцы пытались контролировать поток мысли каждого

¹⁶⁰ РГАСПИ. Ф.70. Оп. 1. Д. 17. Л. 29.

¹⁶¹ ГАНО. Ф. П-10. Оп. 1. Д. 766. Л. 22.

¹⁶² Там же.

из выступавших путем предварительного их консультирования. Образец организации вечеров воспоминаний предлагала Москва. В 1921 г. был проведен первый соответствующий вечер в столовой СНК, посвященный Октябрьским событиям в Петрограде. На него было приглашено 30 человек – лишь избранные из числа участников событий. Планировалось, что за четыре часа удастся «воскресить память участников и зафиксировать на бумаге главные моменты истории»¹⁶³. Такого эффекта можно было добиться лишь при условии тщательной предварительной подготовки.

По самим текстам воспоминаний, записанных в Сибири, заметно, что к середине 1920-х гг. их авторы уже руководствовались установкой излагать, прежде всего, запомнившиеся им факты, не отвлекаясь на эмоции и оценки, а также свидетельствовать о героизме павших борцов с «колчаковщиной». Многие из авторов воспоминаний 1920-х гг., в отличие от дореволюционных мемуаристов – представителей среды интеллигенции, были малограмотными людьми, не умевшими пространно излагать мысли в письменной форме. Это отразилось на качестве текстов, которые обычно отличают краткость и отсутствие фиксации рефлексии (мемуары омичей А. Ф. Ильина, Э. Шенберг и др.)¹⁶⁴. По рукописям видно, что их авторам было трудно и непривычно писать. Однако эти источники все-таки отражают авторскую позицию и индивидуальность.

В 1925 г. сотрудники томского Истпарта обратились к 13 революционерам с просьбой написать воспоминания об их «героической борьбе». Мемуаристам был предложен четкий план, который включал вопросы о месте событий, ключевых датах, роли автора воспоминаний в изложенных событиях. Потенциальным мемуаристам задавались во-

¹⁶³ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Д. 17. Л. 30.

¹⁶⁴ ИАОО. Ф. П-19. Оп. 1. Д. 335, 411 и др.

просы о событиях Февральской и Октябрьской революций, организации коллективов ячеек большевиков и их работе, о возникновении советов и их ликвидации в 1918 г., об антиправительственных стачках, восстаниях кулаков, о контрреволюции, подполье при Колчаке и подвигах товарищей. Оговаривалось, что уже собранный Истпартом материал недостаточен для официального освещения событий в печати. От мемуаристов требовалось «писать кратко, без лишних комментариев и правдиво»¹⁶⁵. В итоге такой жесткой диктовки правил записи воспоминаний появлялись тексты, однотипно освещавшие события. Ф.К. Корни считает, что усилиями Истпартов реальная память участников революционных событий была особым образом структурирована, в результате чего сложился своеобразный мемуарный нарратив, использовавшийся в дальнейшем в качестве основного языка репрезентаций Октябрьской революции¹⁶⁶.

С середины 1920-х гг. сибиряки – сотрудники Истпарта неоднократно устраивали встречи (вечера воспоминаний) «старых большевиков» и участников Гражданской войны с целью совместного обсуждения пережитого в «годы героической борьбы». Эти встречи были приурочены к юбилейным датам. Их необходимость обуславливалась требованием сбора материала о местных военно-революционных событиях, которые следовало освещать в печати, на митингах и в музейных репрезентациях. Собравшиеся спорили о фактах, вспоминали детали событий, предлагали различные оценки происходившего, что изначально фиксировалось в стенограммах. Однако со временем расшифровки стенограмм подобных встреч перестали отражать свободный диалог, наполнялись оценками и выводами, строго соответствовавшими государственной идеологии. Эти источники

¹⁶⁵ ЦДНИТО. Ф. П-4. Оп. 1. Д. 434. Л. 29–30.

¹⁶⁶ Corney F. C. Op. cit. P. 116, 201.

отражают особенности памяти лиц, участвовавших в борьбе за советскую власть, об их военно-революционном прошлом, а также государственную политику памяти. Показательно, что в архивах межвоенных лет отложились мемуары лишь тех людей, чьи заслуги были официально признаны властью, соответственно, солидарных большевикам. Поэтому данные тексты лишь фрагментарно отражают коллективную память сибиряков о недавнем для того времени кровавом прошлом.

От членов Истпарта на местах, как и в Москве, официально требовалось заранее выслушать участников событий, помочь им в разработке планов выступлений, установить очередность докладов, проконтролировать наличие «содержательности» и «новизны»¹⁶⁷.

По наблюдению А. Л. Посадкова, в 1930-е гг. сбор воспоминаний продолжался, но это направление уже не было приоритетным в деятельности Истпарта. Многие рукописи участников событий стали недоступны даже самим истпартовцам, поскольку в них упоминались фамилии репрессированных, а описание фактов и мнение авторов могли входить в противоречие с официальной историографией¹⁶⁸.

Участие региональных отделений Истпарта в подготовке к годовщинам Октября строго контролировалось центром. 4 января 1924 г. в Москве, в зале совещаний ВКП (б) состоялось совещание заведующих местными Истпартоделами по вопросам подготовки к празднику. На повестку выносились обсуждения сбора материалов, их научной обработки, создания единых партийных архивов на местах, музейно-выставочной работы и проведения экскурсий. Было обнародовано распоряжение Истпарта ЦИК ВКП (б) местным партийным организациям привлечь к подготовке

¹⁶⁷ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Д. 59. Л. 184м.

¹⁶⁸ *Посадков А. Л.* Указ. Соч.

все местные Истпарты, музеи революции, отделения Главархива, юбилейные комиссии к «собираанию» и хранению материалов, проведению вечеров воспоминаний, выставкам книг, диаграмм, агитационно-зрелищным мероприятиям¹⁶⁹.

Тщательную работу вел Истпарт по подготовке к 10-летию Октября. Его члены включались в местные Октябрьские комиссии по партийной и советской линиям. Они выступали с публичными лекциями, были обязаны организовывать вечера воспоминаний по районам и на предприятиях¹⁷⁰. Истпартами также готовились публикации очерков по истории революции¹⁷¹, велась переписка с газетными и журнальными изданиями насчет размещения юбилейных статей¹⁷². В частности, в августе 1927 г. поднимался вопрос о публикации в газете «Правда» мемуаров томича А. К. Сорокина под заголовком «Нельзя забыть» о «колчаковщине». Истпарт провел экспертизу этого текста, признав, что «заметка Сорокина носит несколько случайный характер, литературных и документальных подтверждений описанных событий нет». Однако был найден эксперт – бывший член иркутского большевистского подпольного комитета А. Беленц, подтвердивший достоверность описания Сорокиным побега¹⁷³.

В преддверии праздника было принято решение расширить штат сотрудников местных архивов и увеличить им финансирование к юбилею. Дополнительные средства на подготовительную работу Истпарта получили Барнаульский, Иркутский, Красноярский, Томский окружком и Сибкрайком¹⁷⁴.

¹⁶⁹ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Д. 172. Л. 398.

¹⁷⁰ Там же. Д. 70. Л. 184.

¹⁷¹ Там же. Д. 55.

¹⁷² Там же. Д. 17. Л. 94.

¹⁷³ Там же. Д. 172. Л. 380–383.

¹⁷⁴ Там же. Д. 129. Л. 31.

Информативным источником является стенограмма заседания Комиссии по вопросу литературной подготовки Истпарта к 10-летию Октябрьской революции, состоявшегося 10 января 1927 г. Собравшиеся обсуждали типовой план составления сборников юбилейных материалов, разработанный Литературной подкомиссией Октябрьской комиссии, который вышел чрезвычайно насыщенным. Организаторы призывали мыслить гибко и учитывать специфику региональной истории, выбирая сюжеты и темы. В частности, пояснялось: «В Сибири нельзя обойтись без истории партизанского крестьянского движения и борьбы с Колчаком». Участвовавший в заседании В. Д. Вегман парировал: «Все, что напланировали – это работа по крайней мере, на 5 лет». Также его беспокоил отход от главной темы: «Требуется основная мысль: как свершилась Октябрьская революция»¹⁷⁵. Заведующий Сибистпартом требовал «жесткого плана с точным указанием каждому Истпарту, какие темы являются первоочередными для разработки, к каким нужно приступать и что нужно издавать». Свою позицию он аргументировал тем, что «в Сибири возьмутся за партизанское движение и упустят революцию»¹⁷⁶, «на местах будут писать о Гражданской войне»¹⁷⁷. Эти реплики выдают привычку представителей региональных Истпартов к диктату центра, опасения действовать самостоятельно и подходить творчески к поставленным задачам. Вегман и его коллеги боялись «халтуры» и партийных санкций за недолжное выполнение заданий.

Кроме того, выходило, что у региональных отделений Истпарта оставалось мало времени на подготовку и издание материалов (допускались сборники, монографии, брошюры и хронологии), листаж был также ограничен. Но В. Д. Вег-

¹⁷⁵ Там же. Д. 59. Л. 9.

¹⁷⁶ Там же.

¹⁷⁷ Там же. Л. 20.

ману удалось добиться выделения Сибистпарту 15 печатных листов. Оставалось 11 месяцев на реализацию плана, который включал четыре основных раздела: о движущих силах революции (пролетариат, крестьянство и армия), об истории отдельных организаций, сыгравших решающую роль в победе революции, о борьбе с контрреволюцией, о национальном вопросе в революционный период¹⁷⁸.

Реплики В. Д. Вегмана, прозвучавшие на заседании, основывались на уже имевшемся опыте работы. Действительно, общей особенностью воспоминаний об Октябре была слабая фиксация внимания на самой революции. В большинстве городов, за исключением Иркутска, советская власть установилась бескровно. Эпизод прихода к власти большевиков сибиряки помнили не так хорошо, как кровопролитие времен Гражданской войны и ее катастрофические последствия. Поэтому обычно мемуаристы быстро переключались с темы революции на «колчаковщину». Даже В. Д. Вегман, оказавший колоссальное влияние на формирование официального революционного нарратива в Сибири, посвятил революции лишь короткий абзац в своей автобиографии: «Октябрьская революция застала меня в Томске, где я продолжал редактировать «Знамя революции», принимая в тоже время участие в работах по укреплению Соввласти в губернии. При моем, между прочим, участии была ликвидирована Сибоблдума»¹⁷⁹. Формулировка «революция застала меня» типична для мемуаров, собранных членами Сибистпарта, поскольку даже на фоне чехословацкого мятежа смена власти в октябре 1917 г. меркла.

Однако эту ситуацию приходилось преодолевать. Вегман самостоятельно ставил перед собой эту задачу. Поэто-

¹⁷⁸ Там же. Л. 166.

¹⁷⁹ *Вениамин Вегман*: государственная, научная и общественная деятельность: Сборник документов к 90-летию Сибархива. Новосибирск, 2010. С. 93.

му, используя уцелевшие документы и мемуары, истпартовцы все-таки регулярно готовили публицистические тексты об Октябрьской революции для массового тиражирования. К 10-летию Октября, в частности, была установлена хроника революционных событий в нашем регионе и опубликована в газете «Советская Сибирь»¹⁸⁰. Так обрабатывалась поставленная руководством задача провести литературную праздничную кампанию в печати, опубликовав статьи о революционных событиях в центре и на местах. Периодически отбирались и некоторые мемуарные тексты для праздничных и предпраздничных номеров газет. Видимо, дефицит подходящих к публикации источников подталкивал В. Д. Вегмана самостоятельно браться за перо.

К примеру, в преддверии 7 ноября он опубликовал в «Советской Сибири» свои краткие мемуары под заголовком «Октябрь в январе: воспоминания о деятельности Томского Совдепа». В этой работе объяснялись ощущения сибирских большевиков от произошедшей революции: с одной стороны, отмечалось, что о необходимости вооруженной борьбы за власть в нашем регионе большевики уже давно говорили, с другой же – «Сибирь, отдаленная от центра и плохо информированная, оказалась застигнутой врасплох и долго, томительно долго, пребывала в выжидательном состоянии». Далее Вегман рассказал о затянутости процесса установления советской власти в Сибири, о равнодушии населения большинства городов к революции, о легкомысленном ее восприятии, как «временной заминки». По словам Вегмана, сибиряки осознали серьезность революции лишь с началом воплощения в жизнь первых декретов советской власти. В Томске реальная борьба за власть между Совдепом и Областной думой завязалась, по оценке Вегмана, только в янва-

¹⁸⁰ Установление первой Советской власти в Сибири // Сов. Сибирь. 1927. 5 нояб.

ре, да и то рек крови не пролилось, «спокойствие, с которым совершался переход власти, возмущало даже большевиков, которым хотелось «настоящей революции» с баррикадами и вооруженным сопротивлением»¹⁸¹.

Вниманию читателей этого же номера «Советской Сибири» также предлагалась публицистическая статья Э. Митропольской «Красная гвардия Сибири», подготовленная по материалам Истпарта, о формировании рабочей гвардии в Омске, Анжеро-Судженске и других городах региона начиная с мая 1917 г. В этой статье предсказуемо не заострялось внимание на революции. Используя коллекцию Истпарта, В. Д. Вегман и сам подготовил несколько публицистических работ на военно-революционную тему. Однако специально Октябрьской революции он не посвятил больше ни одной статьи¹⁸².

Кровопролитным и затяжным было установление советской власти в Иркутске. Масштабы событий в этом городе сравнимы с московскими. Жертвами противостояния Красной гвардии и юнкеров, поддержанных прапорщиками и казаками, стали сотни человек. Именно поэтому газетная печать Иркутска не испытывала дефицита в материалах для публикаций в праздник 7 ноября. Иркутские истпартовцы регулярно размещали в газете «Власть труда» статьи и воспоминания о декабрьских боях в городе¹⁸³. Члены Истпарта также принимали активное участие в вечерах воспомина-

¹⁸¹ Вегман В. Октябрь в январе: воспоминания о деятельности томского совдепа // Сов. Сибирь. 1927. 5 нояб.

¹⁸² Вегман В. Д. От победы к победе: к пятилетию Великой Октябрьской революции // Известия омского губернского комитета РКП (б). Омск, 1922. № 4. С. 5–13; Он же. От февраля к Октябрю // Большевик. Новониколаевск. 1924. № 3. С. 13–23 и др.

¹⁸³ Огнетов. Начало Октября в Иркутске // Власть труда. 1922. 7 нояб.; Вий А. Декабрьские события 1917 г. в Иркутске // Власть труда. 1924. 7 нояб. и др.

ний, выступая с докладами об установлении советской власти в Иркутске и о последствиях этого события¹⁸⁴.

Деятельность Сибистпарта, связанная с «организацией» памяти об Октябре, соприкасалась с музейным делом. С середины 1920-х до середины 1930-х гг. В. Д. Вегман безуспешно добивался открытия в Новосибирске краевого музея революции. На шестом году борьбы за музей, в 1929 г., была опубликована статья Вениамина Давыдовича в «Советской Сибири» с требованием выделить помещение для этого музея. Он объяснял актуальность его открытия тем, что все школьники изучают историю ВКП (б) и революционного движения. Именно музей мог дать им возможность наглядно ознакомиться с историей революционного движения в Сибири. Кроме того, Вегман считал, что этот музей необходимо посещать делегатам съездов и участникам партийных конференций со всего Сибкрая. По его замыслу, музей должен был открыться в Доме Ленина, однако помещение коммунальные службы так и не выделили. При этом Сибкрайком неоднократно выносил постановления открыть этот музей, но безрезультатно. Последнее постановление сулило открытие музея к десятилетию освобождения Сибири от «колчаковщины», однако, зная реальную ситуацию с помещением, Вегман потерял надежду на воплощение своей мечты¹⁸⁵. Интерес властей к истории революции в Сибири снижался, чем дальше, тем резче. Поэтому энтузиазм главы Сибистпарта находил все меньше понимания у партийного начальства. Еще сложнее было о чем-то договариваться с коммунальщиками, которым зачастую совершенно не были понятны проблемы сохранения историко-культурного наследия.

¹⁸⁴ Вечер воспоминаний // Власть труда. 1922. 6 нояб.

¹⁸⁵ *Вегман В. Д.* Дайте помещение для краевого музея революции! // Сов. Сибирь. 1929. 25 окт.

Однако не во всей Сибири ситуация была одинаковой. Так, в Иркутске Музей революции создать удалось. Он был открыт в 1924 г. Отчитываясь перед центром за первый год работы, сотрудники этого музея указали, что они собирали анкеты и биографии погибших в военно-революционный период, изучали архивы различных учреждений, включая жандармерию и структуры, связанные с политическим сыском. Музей накопил 3800 экспонатов, провел выставку, посвященную «колчаковщине», но по истории революции подготовить выставку пока не удавалось. Материалы о революции вообще особо не разрабатывались. Поскольку в конце 1923 г. бюро Истпарта в Иркутске было ликвидировано, все его наработки передавались Музею революции, состоявшему на бюджете губкома¹⁸⁶.

Директор этого музея Ф. Маклашина стремилась установить контакт с В. Д. Вегманом. В июне 1926 г. она прислала ему письмо, в котором прямолинейно заявляла: «Полтора года, как я работаю в Музее Революции и за все это время я не получила от Вас, как от учреждения, руководящего и ведущего родственную работу, ни одной писульки... Неужели Вас нисколько не интересует иркутский Музей Революции? Поинтересоваться следовало бы, так как в Сибири такого музея нет»¹⁸⁷. Вегман не отказался от сотрудничества. Он начал живо интересоваться коллекциями иркутского музея, не в последнюю очередь потому, что сам работал над историей большевистского подполья в период «колчаковщины»¹⁸⁸.

Активное влияние Истпарта распространялось на краеведческие музеи. В преддверии юбилейных дат это влияние перерастало в настоящий диктат. Так, в 1922 г. в краеведческом музее Красноярска открылась выставка, посвященная

¹⁸⁶ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Д. 146. Л. 24.

¹⁸⁷ *Вениамин Вегман*. С. 183.

¹⁸⁸ Там же. С. 184.

пятилетию революции. Эта выставка была задумана Истпартом, сотрудники которого разработали концепцию, самостоятельно подобрали экспонаты и профинансировали работу экскурсоводов. Музей лишь предоставил зал. Известно, что красноярцы смогли увидеть на праздничной выставке листовки, плакаты, периодические издания революционного периода, деньги времен Гражданской войны, оружие партизан. Выставку посетило 713 человек¹⁸⁹.

В 1927 г. этот опыт был повторен. Согласно постановлению Комиссии при президиуме ЦИК СССР по организации и проведению празднования 10-летия Октябрьской революции, истпартовцы должны были обязать музейщиков устраивать выставки, проводить экскурсии, издавать документы, приводить в порядок памятники (здания, могилы героев, монументы) и собирать о них исторические сведения¹⁹⁰. Красноярский музей при участии Истпарта знакомил посетителей с «конспиративными техниками колчаковского подполья», демонстрировал фотоснимки конспиративных квартир и тюремных камер. Также на выставке можно было видеть художественные плакаты, схемы, диаграммы, карты, газеты, папки с воспоминаниями революционеров и подпольщиков, их рукописные тетради, уставы профсоюзов и вещественные источники. Всего удалось привлечь 2477 экскурсантов на эту выставку¹⁹¹.

Еще одним направлением деятельности Истпарта, ориентированным на «организацию» памяти сибиряков о революции, стало создание официальной системы памятных мест, связанных с революцией и Гражданской войной в городах Сибири. К этой работе Истпарты также активно привлекали музейщиков и журналистов.

¹⁸⁹ ГАКК. Ф.Р. 795. Оп. 1. Д. 18 а. Л. 8.

¹⁹⁰ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Д. 60. Л. 19–19 об.

¹⁹¹ Там же. Оп. 2. Д. 181. Л. 23.

20-е гг. XX в. стали временем активного заполнения обжитого городского пространства многочисленными символами памяти, связанными с советской трактовкой недавнего военно-революционного прошлого. В символическом пространстве современных городов Сибири многие из этих объектов до сих пор занимают заметное место. Однако это уже практически не касается объектов второстепенного значения, некогда составлявших в комплексе с военно-революционными мемориалами единую систему памятных мест. Политизированные символы памяти, включенные в городскую среду и ежедневно присутствовавшие в жизни горожанина, корректировали его память о недавнем прошлом, внушая конкретные оценки и вытесняя те образы, которые не актуализовались посредством воздействия на память извне. В силу специфики истории региона, на уровне памятных мест военно-революционные события репрезентировались в единстве.

Истпарты, как мы уже понимаем, вели учет и переписку с революционерами и деятелями подполья. К примеру, в 1925 г. сотрудники томского Истпарта обратились к тридцати революционерам, проживавшим в их городе, с просьбой ответить на вопросы анкеты, в частности о местах, где происходили революционные события. Информацию о значимых для революционеров местах Истпарты получали и на вечерах воспоминаний. Музейщики и журналисты преимущественно лично встречались с революционерами, подпольщиками и их родственниками, беседовали, записывали ответы этих людей. На основе бесед постепенно прорисовывалась та военно-революционная топография сибирских городов, которая существовала в памяти революционеров и подпольщиков. Мемуаристы называли важные для их памяти места, которые часто не совпадали с общеизвестными памятными местами, связанными с дореволюционной историей городов Сибири.

В начале XX в. памятные места в городах нашего региона были представлены преимущественно некрополем с многочисленными надгробиями и мемориальными часовнями, а также архитектурными сооружениями, историческое значение которых жители городов признавали с течением времени. К примеру, опираясь на историческую справку об Омске, предложенную в справочном издании 1911 г. «Весь Омск», можно сделать вывод о том, что в начале XX в. омичи считали памятниками местной истории «старую крепость» (крепость, основанная путешественником, генерал-майором И. Д. Бухгольцем) на берегу Иртыша, а также тюрьму, где отбывали наказание петрашевцы и Ф. М. Достоевский¹⁹². Собственно памятников, созданных специально для увековечивания памяти о событиях, важных с точки зрения сибиряков, было мало. Примером отражения мемориальной традиции светской культуры XIX в. может послужить Демидовский столп в Барнауле, закладка которого произошла в 1825 г. в честь 100-летия горного дела на Алтае. Традиция установления мемориальных досок в Западной Сибири дореволюционного периода еще вовсе не распространилась, при том что в столице их было немало и до 1917 г.

Примером сбора мемуаров о социалистической революции к десятилетию «Великого Октября» с дальнейшим использованием для реконструкции революционной топографии может послужить небольшая коллекция, созданная сотрудницей томского краеведческого музея К. Н. Юхневич, взаимодействовавшей с Истпартом. Помимо прочего, она задавала своим собеседникам вопросы о том, где именно происходили ключевые томские события. Ее респондент М. Г. Александров упоминал, к примеру, станцию Томск-II как центр активной деятельности местных революцио-

¹⁹² Весь Омск: справочник-указатель на 1911 год. Омск, 1911. С. 149.

неров¹⁹³. Из записей бесед видно и то, что память об Октябрьской революции в Томске ассоциировалась у живых ее свидетелей и с так называемым Домом свободы – бывшей резиденцией томских губернаторов. В 1918 г. в этом здании находился Томский губком РСДРП (б), штаб отрядов Красной гвардии и издательство газеты «Красное знамя». Это памятное место было отмечено и в воспоминаниях П. Чебланова¹⁹⁴.

Начиная говорить о революции, томичи, как и жители других городов, быстро переходили к разговору о Гражданской войне и рассказывали о, связанных с ней памятных местах. Так, томичка Л. Гокина упомянула конспиративную квартиру на Королевской улице, где до начала 1919 г. подпольщики хранили оружие. Эта же рассказчица выделила в качестве памятного места, связанного с «колчаковщиной», Татарское кладбище, где «допрашивали и пытали большевиков колчаковцы, а потом закапывали в землю еще живыми»¹⁹⁵. В 1929 г., к десятой годовщине неудачного томского восстания против режима Колчака (27 марта), газета «Красное знамя» опубликовала соответствующие материалы, основанные на воспоминаниях М. И. Чулкова. В этой статье также сообщалось о Татарском кладбище, где были брошены в яму тела убитых повстанцев, которых в декабре 1919 г. перезахоронили на Соборной площади¹⁹⁶.

Места, обретавшие значение памятных, фотографировали. К примеру, в середине 1920-х гг. томский фотограф Н. В. Татауров отснял конспиративные квартиры революционеров¹⁹⁷. Такие снимки использовались в выставочной, в экспозиционной деятельности музеев и для публикаций

¹⁹³ ЦДНИТО. Ф. 4204. Оп. 1. Д. 27. Л. 11–12.

¹⁹⁴ Там же. Ф. 1. Д. 46. Л. 10, 12.

¹⁹⁵ Там же. Л. 57.

¹⁹⁶ Там же. Д. 28. Л. 5.

¹⁹⁷ ГАТО. Ф. Р-1313. Оп. 2. Д. 525, 678.

в периодических изданиях. Собранные сведения о военно-революционных памятных местах использовали и для составления экскурсионных маршрутов.

В 1927 г. Комиссия при президиуме ЦИК СССР по организации и празднованию 10-летия Октябрьской революции постановила заранее собрать топографические материалы, осмотреть памятные места, связанные с революцией (места событий и памятники), наметить тему экскурсии и выбрать ее маршрут, дополнить рассказ экскурсовода наглядными материалами (фото, таблицы и карты)¹⁹⁸.

Примером того, что получилось в итоге, может послужить маршрут, созданный сотрудником новосибирского Истпарта Сафроновым к десятилетию «Великого Октября». По плану экскурсия предполагала посещение четырнадцати различных мест, разбросанных по городу. В их числе были здания, где провозглашалась и низвергалась советская власть, тюрьмы, где томились в заключении революционеры и подпольщики, братская могила узников новониколаевской тюрьмы, расстрелянных колчаковцами при отступлении, конспиративные квартиры подпольщицы Е. Б. Ковальчук и ее соратников из семьи Шамшиных, издательство большевистской газеты «Дело революции». Предполагалось даже посещение левого берега реки Каменки и осмотр кустов, где колчаковцы расстреляли членов президиума совдепа. Маршрут включал и Старое кладбище, уже разрушенное и частично преобразованное в городской сад. По словам очевидца событий Гражданской войны Перельмана, на этом кладбище колчаковцы расправились с политическими заключенными при отступлении¹⁹⁹.

Попытка пройти по данному маршруту сегодня отняла бы несколько часов. В его начале логика движения экскур-

¹⁹⁸ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Д. 60. Л. 18 об.

¹⁹⁹ ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 736. Л. 1–6.

сантов определялась хроникой событий. Однако уже на четвертом пункте эта логика сбивалась. Братская могила и могила знаменитого руководителя партизанского движения П. Е. Щетинкина, который умер в 1927 г., демонстрировались прежде объектов, имевших отношение к 1918–1919 гг. Едва ли у экскурсантов могла сложиться в голове ясная последовательность событий. Часть мемориальных объектов находилась на окраинах, в неприглядных местах. Однако их подбор для маршрута наглядно отражал взлеты и падения советской власти во время Гражданской войны, подчеркивал «зверства» колчаковцев и героическую стойкость большевиков. Контраст между зданием городского театра и кустами в овраге за Каменкой должен был оказывать сильное эмоциональное воздействие на экскурсантов. Мемориализация домишек Шамшиных и Е. Б. Ковальчук, останки которой были погребены в неустановленном месте, отражала лозунг «Кто был ничем, тот станет всем!».

При этом интерес к конспиративным квартирам, их возвеличивание и включение в экскурсионные маршруты, по нашему мнению, имели основание в дореволюционной культуре памяти. Посещение домов подпольщиков, чья политическая деятельность была признана большевиками героической, сильно напоминает, в частности, паломничество томичей к келье старца Федора Кузьмича в начале XX в. Отметим и то, что при всем своем несовершенстве экскурсионный маршрут Сафронова стал основой официальной военно-революционной топографии Новосибирска, имевшей актуальность вплоть до распада СССР.

Воспоминания революционеров и подпольщиков 1920-х гг. раскрывали тайные тропы, по которым старались незаметно ходить люди, находившиеся на нелегальном положении в военно-революционный период. Их маршруты нередко прокладывались по трущобам и окраинам, по

старым кладбищам и безлюдным рощам. В 1920-х гг. памятным местом, достойным включения в экскурсионный маршрут, упоминания в музейной репрезентации прошлого или в праздничной газетной публикации, наряду с масштабными военно-революционными мемориалами могли стать и такие объекты городской среды, как неприметный, старый домик или какой-нибудь овраг на окраине города. Фиксация внимания на конспиративных квартирах, местах тайных сходов и расстрелов возвеличивала героизм именно местных революционеров и подпольщиков из числа бедных и незначительных людей. Это дает основание полагать, что в 1920-х гг. обозначилась перспектива формирования особенной региональной версии военно-революционной истории, далекой от объективности и сильно идеологизированной, но основанной на реальной памяти еще живых людей из числа революционеров и подпольщиков и на их ценностном осмыслении прошлого. Данная тенденция укладывалась в общий контекст государственной политики памяти, транслировавшийся через Истпарт.

Однако развития эта тенденция не получила. В следующем десятилетии в системе памятных военно-революционных мест городов Сибири стали доминировать места, ассоциировавшиеся с С.М. Кировым, В.В. Куйбышевым, и памятники В.И. Ленину. Относительно свободно изложенных воспоминаний о революции и Гражданской войне, которые могли бы обогатить карту памятных мест в городах нашего региона, практически уже не записывали. Память революционеров и участников подполья широко не тиражировалась, хотя в 1920-х гг. именно на это была нацелена работа коммемораторов.

Глава 2. КОММЕМОРАЦИИ В ПРАЗДНИЧНЫХ РИТУАЛАХ

2.1. «Пять часов проходили колонны»: Октябрьские коммеморации 1920-х гг.

В память,
как в двор ломовик, тарахтя,
грузом навьючив
дни и недели,
вкатывается
Десятый Октябрь.
Тысячи строк,
совершая обряд,
будут его возносить,
славословя.

Н. Асеев

На протяжении всего интересующего нас периода праздник давал государству возможность использовать множество средств реализации политики памяти. Массовые торжества включали в себя различные сценарные элементы: от официальных торжественных заседаний правительства до неформальных народных гуляний. Нужные большевикам исторические рассказы звучали с трибун на митингах, излагались в камерной обстановке вечеров воспоминаний, публиковались в газетах и журналах, обретали формы художественных образов в театре и кино, зашифровывались в политическую символику, становившуюся с годами привычной и неотъемлемой от торжеств.

В середине 1920-х гг. партийное руководство признало «шаблонность» форм Октябрьских торжеств, повторявшихся из года в год. К десятилетнему юбилею революции было решено разнообразить содержание торжественных выступлений и других мероприятий сведениями о революцион-

ных событиях на местах, а также актуализировать во время праздника значение революционных памятников. Это решение обусловлено активным сбором в 1925–1926 гг. сведений о конспиративных квартирах революционеров, местах маевки и пр. Также с середины 1920-х гг. уже 6 ноября по клубам начинали зачитывать доклады об успехах экономического развития страны за последние 10 лет. Для лучшего восприятия этих идей населением на улицах развешивали изображения графиков и диаграмм, отражавших экономический рост. Новые идеологические доминанты также становились основой свежих лозунгов, тематики театрализованных представлений, карнавальных шествий и пр.

Напомним, что Октябрьские торжества 1920-х гг. базировались на сценарных шаблонах, утвердившихся еще до революции. В последующие десятилетия формы торжеств менялись постепенно и в основном несущественно. Стандартными и почти неизменными по форме оставались также праздничные коммеморации. Рассмотрим эту преемственность детально.

До революции в круг государственных праздников входили как религиозные, так и светские торжества, для которых были характерны богослужения в присутствии административных властей, представителей городских учреждений, почетных гостей, учащихся и прихожан. В имперское время политические торжества вписывались в календарь ежегодных христианских праздников, названный томским политологом А. И. Щербининым «сакральным регулятором, посредником между миром людей и божественным космосом»²⁰⁰.

В сценариях массовых дореволюционных политических торжеств обязательно присутствовали религиозные действия, отражавшие консервативные идеологические

²⁰⁰ Щербинин А. И. «Красный день календаря»: формирование матрицы восприятия политического времени в России. С. 53.

установки власти. Таким образом, политический праздник, по форме похожий на религиозный, должен был восприниматься подданными как священнодействие. Дореволюционным политическим праздникам была присуща и коммеморативная составляющая. Более того, большинство из них являлись датами памяти о неких важных для империи событиях (победа над Наполеоном, покорение Сибири и пр.).

Еще до Октябрьской революции в городах Российской империи сложился сценарный шаблон государственных праздников, который позже использовали и большевики. В качестве примера грандиозного монархического праздника начала XX в. приведем 300-летие дома Романовых (21 февраля 1913 г.). В сибирском городе Барнауле празднества начинались 20 февраля с панихиды по «в Бозе почившим императорам всероссийским» в Дмитриевском храме²⁰¹. В Томске праздничную программу юбилейного дня открыли аналогичная панихида в здании городской думы «по усопшим царствующего дома» и молебен о здравствующих²⁰². После молебна в Барнауле состоялся крестный ход и молебен на Полковой площади, далее был исполнен гимн. Торжественная часть завершилась церемониальным маршем воинских частей²⁰³. Вторая часть праздника, длившаяся до часа ночи на ярко иллюминированных площадях и центральных улицах города, была рассчитана на широкие слои населения, для которого устраивались гуляния, зрелища, показы кинолент на исторические темы и спектакли. Особое внимание уделялось работе с учащейся молодежью: в школах и гимназиях были организованы праздники с угощением и раздачей бесплатных брошюр по истории дома Романовых²⁰⁴.

²⁰¹ Шилин С. А. Указ. соч. С. 16.

²⁰² ГАТО. Ф. Д-233. Оп. 2. Д. 778. Л. 20.

²⁰³ Шилин С. А. Указ. соч. С. 16.

²⁰⁴ ГАТО. Ф. Д-233. Оп. 2. Д. 778. Л. 20.

В 1920-х гг. сценарии Октябрьских торжеств сохранили преемственность с имперским периодом. Они также предполагали военный парад, демонстрация заменила крестный ход, а митинг – молебен. Однако стоит подчеркнуть, что дореволюционные демонстрации имели, как правило, протестный характер, а после Гражданской войны демонстрация отражала иной смысл – торжество власти пролетариев. В соответствии с традицией проводились торжественные заседания администрации города и различных учреждений, устраивались бесплатные зрелища. Каждый структурный элемент праздника и до, и после революции актуализировал коллективную память, укреплял идентичность социально-политических групп, расширял их границы.

В 1920 г., когда города Сибири уже были «освобождены от колчаковщины», но фактически Гражданская война продолжалась, торжества, посвященные годовщине октябрьских событий 1917 г., не отличались пышностью, массовостью и хорошей организацией. К примеру, по сообщению газеты «Власть труда» от 9 ноября, в Иркутске по клубам прошли *концерты-митинги*, основной темой которых являлись «Великие революционные завоевания»²⁰⁵. Эти мероприятия были ориентированы прежде всего на разъяснение современной политической и экономической ситуации, на укрепление легитимации власти большевиков и лишь во вторую очередь на коммеморативные задачи. Митинги тянулись с 5 по 8 ноября.

В фонде Иркутского губкома РКП (б) сохранились отчеты агитаторов о проведении этих митингов. Из отчетов видно, что организаторы данных мероприятий постарались охватить все районы города. Митинги прошли в городском и военном театрах, в народном доме, в кинотеатрах и клу-

²⁰⁵ К празднованию трехлетней годовщины в Иркутске // Власть труда. 1920. 9 нояб.

бах. Торжественные мероприятия планировались на двадцати восьми площадках, однако на шести они не состоялись. На митинги собиралось до 1000 человек. Около получаса выступали докладчики с темами: «Влияние рабоче-крестьянской революции на развитие мировой революции», «О мире с Польшей», «Третий Коминтерн», «Международная обстановка», – далее следовала концертная часть²⁰⁶.

Первый опыт иркутян в организации массовых Октябрьских торжеств едва ли можно признать удачным. Действия агитаторов были плохо согласованы. Население еще не привыкло к советским политическим торжествам, вследствие чего трудно оказалось собрать людей, заставить их слушать докладчиков, заинтересовать. Однако митинги становились неотъемлемой частью праздничной программы. Они устраивались на торжественных собраниях в воинских частях и в профсоюзных организациях. 6 ноября 1922 г. уже в 14 часов прекращалась работа на предприятиях и в учреждениях. Торжества открывали именно митинги. Докладчики освещали темы как недавнего прошлого («Колчаковщина в Сибири и ее виновники»), так и затрагивавшие современную политическую ситуацию («Задачи четвертого конгресса Коминтерна»). Однако уже в эти годы главной темой праздника стало подведение политических и хозяйственных итогов за срок, истекший со времен революции. Митинг завершался художественной частью, состоявшей из «живых картин», пьес и миниатюр, в том числе и на революционные темы²⁰⁷. В 1924 г. новой темой для выступлений на митингах, предварявших основные торжества, стала «роль Ленина в революции».

В начале 1920-х гг. официальный нарратив Октябрьской революции и Гражданской войны только складывался, перед партийными отделами агитации и пропаганды, помимо

²⁰⁶ ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 415. Л. 158–196.

²⁰⁷ ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 382. Л. 101, 104.

прочего, стояла непростая задача формирования и трансляции в массы советской версии революционных событий в столице и на местах. Но эти события еще жили в социальной памяти различных групп городского населения, имевших на них собственный взгляд. Представители власти должны были обобщить, унифицировать и дополнить живую память горожан элементами, которых не хватало для построения логичной и относительно полной картины революции в данном регионе. Грубое навязывание обществу придуманной версии революции могло обернуться ее неприятием. Поэтому власть не только прямолинейно излагала в печати и на массовых собраниях собственное видение революции, но и стремилась активно использовать участие очевидцев событий 1917 г. в формировании официального «октябрьского» нарратива, который должен был стать основой коллективной памяти сибиряков.

Следуя дореволюционному опыту, предполагавшему сценарный элемент поминовения усопших героев и чествования живых, предварявший собственно праздник, 6 ноября в городских клубах, на предприятиях, при советских учреждениях и учреждениях культуры устраивались массовые *вечера воспоминаний*. Эта практика повсеместно вводилась с 1921 г.²⁰⁸ Подобные мероприятия обязательно проходили во всех губернских и уездных городах Сибири²⁰⁹. Их организация опиралась также на традиционную практику дореволюционных праздничных тематических народных чтений в гимназиях, библиотеках и клубах. Кроме того, до революции существовала традиция записи и широкого распространения с идеологическими целями воспоминаний участников и героев войн. Октябрьские вечера воспоминаний, на наш взгляд, являются также и отголоском дореволюционной практики поминовения усопших императоров

²⁰⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 36. Л. 2а.

²⁰⁹ ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1359. Л. 4.

в преддверии праздничных событий в жизни семьи Романовых. Например, следуя традиции, в канун празднования дня совершеннолетия цесаревича Николая Александровича томичи подготовили ему и его родителям подарки в виде икон в серебряных и вызолоченных ризах, а также венки на могилу его деда Александра II, «царя-мученика, даровавшего городам самоуправление»²¹⁰. Политическая роль подобных традиционных «поминальных» практик, приуроченных к торжествам, была усилена в 1920-х гг.

Официально цель вечеров воспоминаний состояла в изложении «правдивой» версии революционных событий их очевидцами для фиксации истории революции по горячим следам. Судя по отчетам, в начале 1920-х гг. организация вечеров воспоминаний могла быть довольно спонтанной: рассказчики еще имели возможность выступать относительно свободно, без особой подготовки. Их состав не всегда утверждался заранее. Людей, которым давали слово, подчас находили прямо перед началом мероприятия. Соответственно, и отношение докладчиков к их выступлениям было разным. Одни ощущали и позиционировали себя как свидетели и участники величайших событий мировой истории, другие рассказывали формально и скучно. Далеко не все выступления нравились слушателям. Но на этом этапе организаторы мероприятия еще признавали, что неудачное выступление «нельзя ставить кому-то в вину»²¹¹. Четких требований к содержанию рассказов в начале 1920-х гг. не существовало. Докладчик мог свободно говорить, к примеру, о том, что в 1917 г. он был эсером, но «перебросился к большевикам», услышав, что «рабочие должны быть подавлены эсерами и меньшевиками». Также спокойно подобные рассказы попадали в официальные отчеты агитаторов²¹². Однако подоб-

²¹⁰ ГАТО. Ф. Д-223. Оп. 2. Д. 479. Л. 3а.

²¹¹ ИАОО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 386. Л. 9 об.

²¹² ИАОО. Ф. П-1. Оп. 1. Л. 860. Л. 120.

ным вольностям уже скоро был положен конец. Доклады стали тщательно готовить и подгонять под идеологические шаблоны.

Сохранились документы, свидетельствующие об организации вечеров воспоминаний на предприятиях и в театрах Красноярска в 1921 г. Вечера, как и митинги, сопровождались инсценировками, концертами и театрализованными постановками. В военных частях рекомендовалось изображать «всевозможные суды», видимо, над лидерами Белого движения²¹³. В 1922 г., в год пятилетия революции, организаторы торжеств следовали установке вовлечь в празднование широкие массы пролетариев и крестьян, приглашая их, кроме прочего, на такие вечера. Однако восточносибирские источники не дают увидеть четкой разницы между митингами и вечерами воспоминаний, по крайней мере в первой половине 1920-х гг. К примеру, 3 ноября «Красноярский рабочий» приглашал горожан на вечера воспоминаний в клубы, заявляя темы праздничных докладов: «Пять лет советской власти», «Четвертый конгресс Коминтерна», «Колчаковщина и ее виновники»²¹⁴. Очевидно, что на этих вечерах звучали не только чьи-то воспоминания, но и выдавалась политинформация. В программу вечеров включались рассказы о «первой советской власти» в Сибири, о «колчаковщине» и ее свержении. Обсуждение этих тем на Октябрьских вечерах было необходимо для формирования массовых унифицированных представлений о результатах революции, ее значении и цене победы революционных идеалов. В 1922 г. иркутская газета «Власть труда» анонсировала в своей редакции вечер докладов на темы, которые выглядят исключительно коммеморативными: «О красном Октябре», «1918 год в Сибири», «Врангельская кампания»,

²¹³ ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 945. Л. 28, 30.

²¹⁴ К годовщине Октябрьской революции // Красноярский рабочий. 1922. 3 нояб.

«Колчаковское юнкерство»²¹⁵. Однако нельзя сказать точно, излагали ли докладчики свои собственные воспоминания или обобщенно освещали большевистскую версию истории революции.

9 ноября «Красноярский рабочий» предложил отчет о вечере воспоминаний во 2-м советском театре. Подобные публикации всегда подчеркивали многолюдность мероприятия, стандартно характеризовалась и общая атмосфера «единодушия». Теоретически вечер воспоминаний изначально был задуман как полностью коммеморативное мероприятие, камерное и «задушевное». В центре внимания собравшихся находилось недавнее военно-революционное прошлое. В начале 1920-х гг. для участников подобных вечеров важнее всего было помянуть павших в годы Гражданской войны товарищей. Однако эмоциональная спонтанность пресекалась. Организаторы мероприятий уже в ходе празднований пятилетия революции старались заранее согласовывать содержание речей с докладчиками. На вечере важно было показать связь между событиями 1905, 1917 гг. и «колчаковщиной».

В Красноярске и Иркутске находились докладчики, способные рассказать о революционных событиях в Петербурге. К примеру, рабочий Правдин на вечере в красноярском театре свидетельствовал о своем участии в заседании съезда советов, где принималось решение о вооруженном захвате власти большевиками²¹⁶. Однако сибиряки говорили на вечерах воспоминаний с наибольшим оживлением не о революции 1917 г., а о Гражданской войне, память о которой была более эмоциональной и свежей. Обычно выступавшие напоминали собравшимся о «жестоких расправах» с рабочими, недовольными режимом Колчака, и о «замученных»

²¹⁵ Вечер воспоминаний // Власть труда. 1922. 5 нояб.

²¹⁶ Вечер воспоминаний // Красноярский рабочий. 1922. 9 нояб.

героях подполья. На вечерах велась целенаправленная работа над формированием в коллективной памяти сибиряков строго определенной версии революционного прошлого. Личные воспоминания и впечатления от рассказов других людей должны были дополняться прежде неизвестными рабочим сведениями. Так, на вечере в красноярском театре собравшимся предлагали рассмотреть карточки с портретами «старых партийных борцов», которых газетчик назвал «теньями славного прошлого русской интеллигенции». Едва ли эти портреты были уже знакомы рабочим, но теперь они должны были запомниться²¹⁷.

На сегодняшний день почти не сохранились тексты речей, которые звучали на вечерах воспоминаний. Мы можем судить об их содержании и качестве лишь на основе немногочисленных примеров. Но эти примеры довольно показательны. Из протокола вечера воспоминаний в 441 стрелковом полку в Красноярске известно о выступлении трех докладчиков – Козлова, Журавлева и Ежикова. Никто из них не говорил о собственном участии в революции. Однако докладчики неоднократно начинали фразы формулировкой «и мы видели», что делало содержание их речей похожим на воспоминания. Козлов наивно и сбивчиво пересказывал по памяти официальную версию революционной истории, нарушая хроникку событий и акцентируя, вопреки официальной трактовке событий о ведущей роли пролетариата в революции, роль солдат: «Здесь главное участие принимали солдаты, главным руководителем был товарищ Ленин. Была организована пятерка. Были совещания этой пятерки. Товарищ Ленин, укрываясь от шпионов Керенского, приходил загримированный. Этот ревкомитет должен был сделать подготовку среди рабочих масс. 23–24 октября, видя возвращение с фронта солдат, Керенским были посланы юнкера

²¹⁷ Там же.

для подавления восстаний... Но, уже готовили 2-й съезд и уже готовились к более активной работе, но меньшевики и эсеры предложили свои услуги. Таким образом, мы видели, что Николай II отрекся от престола и власть была взята временным правительством, куда вошли буржуи во главе с Керенским. Они стремились передать корону Михаилу. Трудящаяся масса шла за мелкобуржуазным элементом, ибо этого не понимала... Буржуазия сделала заговор с Корниловым, но они сами себе вырыли могилу. Они хотели вывести войска из Петербурга дабы ослабить силы рабочих. И мы видели, что меньшевики и эсеры шли рука об руку с буржуазией. Они всегда пособляли Керенскому, хотели перевести Временное правительство в Москву, а красногвардейцев отправить на фронт. Но вождь Ленин и нашел нужным это все предотвратить. В эти дни был организован военно-революционный комитет, который распоряжался всеми гарнизонами Петербурга. Временное правительство готовило нам поход на Петроград во главе с донскими казаками и юнкерами. Но авантюра не удалась. Видя такое положение, Керенский бросил все и бежал. Здесь власть перешла к военно-революционному комитету. Все военные пункты были заняты революционными войсками. Казаки не выступили, боясь пехоты, и мы видели, что опоры у временного правительства уже нет. И члены правительства были заперты в крепость. Был организован совет народных комиссаров... И тут крестьяне шли с лозунгами «Долой войну!» и «Да здравствует мир!». И мы видели, что революционное движение разрастается... Мы уже пережили эту тяжелую эпоху. Вся контрреволюция погибла, и мы уже перешли к мирному строительству, и мы должны выйти победителями во всей борьбе»²¹⁸.

Речь Журавлева была еще более безграмотной, сбивчивой, но и эмоциональной. Он не говорил ни о чем конкрет-

²¹⁸ ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 945. Л. 38.

ном, призывая лишь «крепко помнить» злодеяния шпионов Временного правительства и колчаковцев, невинно погибших товарищей и свой долг пред их памятью («не складывать руки»). Реализуя задачу пропаганды идеи перманентной революции, Журавлев и Ежиков завершали речи призывом «добиться, чтобы наши товарищи за границей праздновали эти великие дни».

Вероятно, похожими на «воспоминания» Козлова и Журавлева были «воспоминания», звучавшие на митинге в 1-м красноярском городском театре 6 ноября 1923 г. По сообщению прессы, там «вспоминали корниловщину, Колчака, Юденича, борьбу за Украину, Донецкий бассейн, наступление панской Польши». Едва ли в выступлениях на этом вечере отражались чьи-то личные впечатления, однако митинг, несомненно, заставлял собравшихся вспоминать недавнее прошлое и общую атмосферу политической нестабильности. Кульминацией мероприятия стало поминовение «товарищей, погибших в этой величайшей исторической борьбе». Память героев почтили вставанием. Одновременно звучал похоронный марш²¹⁹.

Личные воспоминания и рассказы о событиях в городах Сибири, а также поминальные ритуальные действия могли быть содержанием не вечера воспоминаний, а мероприятия, заявленного как митинг. К примеру, 6 ноября 1923 г. был устроен подобный митинг на заводе «Памяти 13 борцов» в Красноярске. С митинга рабочие отправились к братской могиле тех самых борцов, в честь которых был назван завод. Там состоялось выступление очевидцев арестов этих жертв Гражданской войны. В частности, со слов свидетеля была рассказана история их гибели. Сам свидетель, переехавший в Томск, в прошлом являлся сокамерником этих жертв. Его также подвергли пыткам и намеревались убить. Однако он

²¹⁹ Митинг в Гортеатре // Красноярский рабочий. 1923. 9 нояб.

был лишь ранен, «ночью выбрался из могилы и спасся». После этого рассказа собравшиеся совершили гражданский ритуал поминовения: в память погибших было дано три залпа салюта из винтовок, прозвучал похоронный марш²²⁰.

С 1923 г. на вечера воспоминаний рабочие приглашались с семьями. Эти мероприятия становились все более массовыми. 6 ноября 1923 г. вечер в сборном цехе посетило более четырех тысяч железнодорожников и членов их семей²²¹. Именно массовые торжества, устраивавшиеся железнодорожниками, зачастую становились главным сюжетом праздничных репортажей в Красноярске. В 1927 г. сообщалось о вечере в клубе К. Либкнехта, где собралась «старая гвардия, которая на своих плечах вынесла пламя борьбы». Видимо, наиболее впечатляющим для собравшихся стал рассказ старого большевика Облаева о том, как колчаковцы расстреляли его сына²²². Практика вечеров воспоминаний стала особенно популярна к середине 1920-х гг. Иркутская печать сообщала, что вечера затягиваются до полуночи, а молодежь «ходит из клуба в клуб»²²³. В этих «хождениях», несомненно, чувствуется отголосок народных святочных традиций.

Фактически вечер воспоминаний мог называться не только «митингом», но и «торжественным заседанием». К примеру, подобное мероприятие было устроено в 1926 г. иркутским обществом политкаторжан. Собравшиеся начали с поминовения погибших, после чего перешли к воспоминаниям и докладом²²⁴.

²²⁰ ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 575. Л. 15.

²²¹ Там же. Л. 23.

²²² *Шахматов И.* Вспоминают минувшие дни // Красноярский рабочий. 1927. 10 нояб.

²²³ Седьмой Октябрь // Власть труда. 1924. 9 нояб.

²²⁴ Октябрь в Иркутске // Власть труда. 1926. 9 нояб.

К середине 1920-х гг. распространилась практика предварительной обработки организаторами торжеств индивидуальных воспоминаний очевидцев военно-революционных событий. Темы и программы докладов планировались заранее. Выступая, мемуаристы использовали выверенные пропагандистами доклады. Иногда доходило до того, что организаторы вечера заранее решали не допускать того, чтобы участники этих мероприятий начинали «делиться воспоминаниями» (предварительно не согласованными)²²⁵. Несомненно, «в кулуарах» революционеры и подпольщики свободнее говорили о пережитом. Но такие беседы не становились достоянием массового слушателя, который приобщался к революционному опыту героев через публично озвученные, но не совсем достоверные воспоминания. Обычно организаторы вечеров сами выступали с краткими обобщающими докладами о причинах революции, ее завоеваниях, всемирном значении и т. п. К примеру, в 1921 г. в задачи агитаторов по всей стране входило подведение итогов революции и пояснение значения нэпа²²⁶. Выводы и разъяснения организаторов должны были формировать у масс вполне определенные оценки и заполнять лакуны в коллективной памяти, которая без «проработки» неизбежно остается противоречивой, фрагментарной и нелогичной.

Видимо, докладчики не сомневались в правомерности таких методов «проработки памяти» в деталях, ведь в целом они доверяли представителям власти и опытным организаторам выступлений, «помогавшим» им построить речь. Случалось, что выступать хотели одновременно многие. В этом случае рекомендовалось организовать два вечера воспоминаний (4 и 6 ноября), чтобы не затягивать программу, не утомлять собравшихся, но и не подавлять энтузиазм

²²⁵ ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1329. Л. 99 об.

²²⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 36. Л. 57.

потенциальных докладчиков²²⁷. Транслируясь в массы, рассказы очевидцев событий расширяли коллективную память собравшихся сюжетами, полезными для легитимации власти большевиков, для укрепления революционной идентичности и привлечения в партию новых членов.

В начале 1920-х гг., когда «октторжества» еще не обрели застывший, официально-формализованный вид, вечера воспоминаний проходили в обстановке, накаленной эмоциями: здесь было место и восхищению, и гневу, и слезам²²⁸. Вечера обычно завершались концертами с исполнением революционных песен, декламацией революционной литературной прозы и стихов, демонстрацией живых картин («отдельные моменты жизни Красной армии, капитала и труда и т.п.»²²⁹). Изначально подчеркивалось, что художественная часть подобных мероприятий должна иметь строго идеологический характер²³⁰. В конце вечера эмоциональный накал достигал апогея, в восприятии участников вечера неизбежно происходило смешение личных воспоминаний с воспоминаниями товарищей и официальной трактовкой событий, художественного и документального, вымышленного и пережитого. Беспартийных участников вечеров изначально привлекал именно этот момент²³¹. По всей видимости, многими из собравшихся, включая самого рассказчика, воспоминания принимались на веру, а значит, без особых препятствий соединялись с бытовавшей живой коллективной памятью, в идеале вытесняя ее отдельные, идущие вразрез с официальным нарративом элементы.

Признавая большое значение вечеров воспоминаний с точки зрения агитации и пропаганды, партия требовала

²²⁷ Там же. Оп. 1. Д. 203. Л. 54.

²²⁸ ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1341. Л. 4.

²²⁹ Там же. Д. 1338. Л. 56.

²³⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 36. Л. 47.

²³¹ Там же.

максимального привлечения к этим мероприятиям «широких беспартийных масс»²³². Поэтому, например, рабочие приглашались на вечера с женами. Уже в начале 1920-х гг. на одном таком клубном мероприятии могло собраться до 1500 человек²³³. Позитивные эмоции вызывали и чествования героев труда, которым могли делать памятные подарки скорее идеологического, нежели прагматического значения (политическая литература)²³⁴. Со временем вечера воспоминаний становились все более массовыми. Они выполняли функцию формирования коммеморативного нарратива, а также способствовали созданию необходимой для следующего праздничного дня эмоциональной атмосферы.

Заметно, что в конце 1920-х гг. выступления очевидцев революционных событий обрели «репертуарную» предсказуемость, а общий тон всем рассказам задавал какой-нибудь официальный доклад на актуальную для того дня политическую тему. Слушатели начинали скучать. К примеру, уже в преддверии десятилетия Октября томские организаторы вечеров были вынуждены решать проблему преодоления шаблонности выступлений докладчиков. Выход тогда видели в усилении внимания к событиям местной революционной истории и к местным достижениям, то есть к материалу, более актуальному для томичей²³⁵.

В 1920-х гг. общие собрания на предприятиях могли устраиваться уже 4 или 5 ноября. Их цель состояла в подготовке рабочих к празднику, в разъяснении им значения Октябрьских торжеств²³⁶. Нами замечен также омский слу-

²³² Там же. Л. 2а.

²³³ ИАОО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 386. Л. 9.

²³⁴ Там же. Ф. П-7. Оп. 2. Д. 285. Л. 6.

²³⁵ ЦДНИТО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 307. Л. 25.

²³⁶ ИАОО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 362. Л. 4.

чай начала предварительных мероприятий уже 1 ноября 1925 г.²³⁷

Еще одной яркой приметой середины 1920-х – начала 1930-х гг. стали *молодежные факельные шествия*²³⁸, традиция которых коренится в античной культуре. В древности этот ритуал был нацелен на изгнание злых духов. Смысл факельных шествий в Иркутске и Красноярске довоенных лет источники не раскрывают. Однако можно предположить, что шествие выражало смыслы памяти о погибших и солидарности молодых со старшим поколением большевиков. За организацию и проведение шествий отвечал обком комсомола, участие в этих мероприятиях принимали и пионеры. Обычно шествие стартовало 6 ноября в 17 часов. Уже в 18:30 участники шествия достигали конечной цели – памятного места. К примеру, известно, что красноярская молодежь обычно двигалась с факелами к памятнику Ленина на площади Революции. Мероприятие оканчивалось кратким митингом²³⁹.

В 1925 г. омичи попробовали разнообразить и усилить в художественном отношении праздничную программу *массовой уличной инсценировкой*, предшествовавшей демонстрации. Сама по себе идея не была нова ни для России, ни для Сибири в частности. К примеру, еще в ходе массового празднования 300-летия Томска (1904 г.) сразу на нескольких площадках устраивались народные чтения и спектакли, цель которых определялась так: «Демонстрировать туманные картины из жизни Томска и Сибири

²³⁷ Там же. Ф. 7. Оп. 1. Д. 203. Л. 38.

²³⁸ Как мы будем проводить восьмую годовщину Октября? // Красноярский рабочий. 1925. 5 нояб.; ГАКК. Ф. П-10. Оп. 1. Д. 541. Л. 81; План проведения демонстрации 7 ноября 1927 г. // Красноярский рабочий. 1927. 4 нояб.; 11 лет борьбы и побед // Там же. 1928. 6 нояб.; Дополнение к плану Октябрьских торжеств // Там же. 1930. 5 нояб.

²³⁹ Как мы будем праздновать годовщину Октября? // Там же. 1925. 5 нояб.

в целом»²⁴⁰. С. Ю. Малышева отмечает, что в 1918–1920 гг. масштабные многочасовые инсценировки на улицах вообще были характерны для празднеств в столичных городах. В начале 1920-х гг. мода на них докатилась и до провинции²⁴¹. Считалось, что инсценировки являются очень действенным средством политической социализации молодежи и укрепления революционной идентичности старшего поколения. Как и выверенные воспоминания, инсценировки, предполагавшие участие зрителей, служили вытеснению и корректировке реальных воспоминаний населения о революции, их подмене «правильным» видением военно-революционных событий.

Шестого ноября 1925 г. в Омске было разыграно взятие Зимнего дворца, «роль» которого исполнил ярко подсвеченный Дом молодой гвардии. Всего в этой игре было задействовано несколько тысяч человек, изображавших с одной стороны большевиков, с другой стороны – юнкеров и женский батальон, защищавших Зимний. Предполагалось, что «старики вспомнят славные дни, а молодежь будет наглядно учиться примеру старших товарищей»²⁴². Печать так описала действо: «Неожиданно взвились, прорезая ярким блеском ночную тьму, синие ракеты. Прогремел орудийный выстрел. В западной части города загрохотали пушки. Послышалась частая ружейная стрельба, показались грузовики с рабочими и красноармейцами, за ними боевые цепи. Послышалась стрельба из орудий, ружей, револьверов. Началось наступление на двери с четырех сторон. С крыши доносилась отчаянная стрельба теряющих почву под ногами юнкеров...»²⁴³. Журналист отмечал живое участие масс в происходившем:

²⁴⁰ ГАТО. Ф. Д-233. Оп. 2. Д. 2667. Л. 17 об.

²⁴¹ *Малышева С.Ю.* Советская праздничная культура в провинции... С. 114–128.

²⁴² ИАОО. Ф. П-7. Оп. 1. Д. 203. Л. 60.

²⁴³ Праздник октября в Омске // Рабочий путь. 1925. 10 нояб.

увлекшись действием, люди прорвали заградительную цепь и «хлынули волной» к участникам инсценировки, «слившись с ними в едином порыве»²⁴⁴. Таковым было официальное видение этого элемента праздничной коммеморации. Данное представление не являлось единственным в Западной Сибири. В 1927 г. в Новосибирске тоже была устроена массовая инсценировка в нескольких сценах, посвященная событиям революции²⁴⁵.

В 1927 г. «Взятие Зимнего» воспроизводили и в Иркутске. В печати сообщалось, что на главной городской площади собралась десятитысячная толпа, ставшая свидетельницей «ареста временного правительства» и «установления советской власти». Устроители инсценировки применяли звуковые эффекты, имитировавшие грохот орудий, пулеметов, выстрел крейсера «Аврора», а также использовали игру света («в красном свете десятка лампочек зажигается звезда – символ революции», фейерверки, огни фабрик и заводов). Главным смыслом представления стала символическая демонстрация экономических успехов, достигнутых в результате Октябрьской революции к 1927 г.²⁴⁶

Массовые праздничные торжества 7 ноября во всех городах обязательно открывались военным парадом. Парад являл собой демонстрацию военного потенциала, а на этапе утверждения окончания Гражданской войны наглядно показывал обывателям, кто реально держит власть в городе. По крайней мере, по масштабам эти парады не должны были уступать тем, что устраивались в период «колчаковщины», когда, к примеру, в Омске 9 декабря 1918 г. по централь-

²⁴⁴ Там же.

²⁴⁵ Памятник В. И. Ленину // Сов. Сибирь. 1927. 29 окт.

²⁴⁶ *Шад А.* «Зимний взят» (массовое действо на площади) // Власть труда. 1927. 10 нояб.

ной площади промаршировало до 25–30 тыс. военных²⁴⁷. В 1920 г. Октябрьская комиссия, работавшая в Москве, так объясняла значение парада: «Пехота, конница, артиллерия – все эти части могут выступить на торжествах как олицетворение силы и мощи республики, как авангардные отряды мировой красной армии». Пристальное внимание уделялось обязательному использованию на парадах советской символики²⁴⁸. Место проведения военных парадов осталось прежним. Например, в Томске военные, как и до революции, маршировали по Новособорной площади (площади Революции)²⁴⁹. Со временем парады становились все зрелищнее. К примеру, в 1935 г. в Новосибирске в военном параде впервые принимала участие авиация²⁵⁰. В 1930-х гг. печать акцентировала внимание на молодости и юной силе сибирских бойцов, а не на связи поколений – молодежи и бойцов времен Гражданской войны.

Как мы уже отметили, организация демонстраций базировалась на опыте крестных ходов. Люди, участвовавшие в дореволюционных крестных ходах, стремились к храму как конечной цели. Томский храм Вознесения Христова, где собрались участники крестного хода 1702 г., находился на кладбище, соответственно, обязательным был и поклон предкам²⁵¹. Дореволюционный крестный ход с иконами звучал как «несение знамени веры, декларация ее идей и символов», воспринимался как средство морального очищения и духовного укрепления²⁵². Он имел также и мистическое

²⁴⁷ Белый Омск: Омск – столица Белой России, 1918–1919 гг. Омск, 2011. С. 16.

²⁴⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 5. Л. 13.

²⁴⁹ Чернов К. А. Военные парады в Томске // Сибирская старина. 2003. № 20. С. 23.

²⁵⁰ Каким будет парад // Сов. Сибирь. 1935. 3 нояб.

²⁵¹ Евтихеева И. А. Крестные ходы по томской земле // Сибирская старина. 2003. № 20. С. 13.

²⁵² Там же.

охранительное значение. «Во дни бед народных» участники крестных ходов испрашивали здоровья и мира. Крестные ходы, приуроченные к государственным праздникам, служили также выражению верноподданных чувств государю. По большому счету, смысл советской демонстрации также состоял в декларации идей и символов, но не религиозных, а политических, они служили усилению политической солидарности большевиков и укреплению в народной среде своеобразной веры в революционные идеалы.

Первая ноябрьская демонстрация прошла в Красноярске в 1922 г., вслед за военным парадом, а в Иркутске – лишь в 1923 г. Изначально эти мероприятия не являлись массовыми. Печать сообщала, что посмотреть на первый иркутский военный парад пришли все, кто сочувствовал советской власти. Участие в демонстрациях изначально должны были принимать лишь члены профсоюзов²⁵³. Первые демонстрации в Омске собирали всего около 2500 человек²⁵⁴. Однако уже в 1924 г. организаторам праздника в Иркутске удалось привлечь на демонстрацию около 30 тыс. участников из числа красноармейцев, рабочих, детдомовцев и пионеров, несших в руках самодельные красные флажки²⁵⁵.

Вплоть до 1924 г. демонстранты двигались к братским могилам жертв революции и Гражданской войны, которые были в каждом городе, как к конечной цели, что всегда акцентировалось местной печатью²⁵⁶. Там устраивался митинг с целью поминовения героев и воодушевления их примером уцелевших в огне войны борцов за идеалы революции. Вообще, посещение могил предков в праздник коренится

²⁵³ План проведения шестой годовщины Октябрьской революции // Власть труда. 1923. 6 нояб.

²⁵⁴ ИАОО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 386. Л. 4.

²⁵⁵ Седьмой Октябрь // Власть труда. 1924. 9 нояб.

²⁵⁶ К годовщине Октябрьской революции // Красноярский рабочий. 1922. 3 нояб.

в недрах языческой культуры. Думается, что для поколения, воспитанного в религиозной среде, эти посещения братских могил в праздничные дни по инерции продолжали ассоциироваться с привычным поминовением предков, которые с точки зрения традиционного мировоззрения оберегают живых, если те выражают почтительное отношение к ним.

В преддверии празднования третьей годовщины Октября Сибревком акцентировал внимание на следующем: «Память павших борцов должна быть отмечена должным образом. Если в городе есть могилы павших борцов, им должно быть уделено наибольшее внимание, и организация шествия должна обязательно не миновать их»²⁵⁷. Сравнение сценариев Октябрьских торжеств, составлявшихся для Москвы и для городов Западной Сибири, позволяет сделать вывод о том, что сибиряки уделяли больше внимания организованному посещению братских могил. Там воспроизводились элементы «красной» похоронно-поминальной обрядности: участники действия традиционно укладывали на могилы новые венки, снимали шапки с голов, опускали знамена. Однако добавились и нововведения: исполнялись «Интернационал» и похоронный марш (эта музыка заменила традиционное пение священника), клялись продолжать дело, начатое погибшими героями. В начале 1920-х гг. обязательно устраивались митинги у братских могил, на которые традиционно возлагались цветы²⁵⁸. Особенно впечатляющим стоит признать поминовение погибших, состоявшееся в 1922 г., когда на братской могиле в Красноярске открыли памятник захороненным в ней лицам, почитавшимся как герои²⁵⁹. Помимо поминовения павших героев, митинг акцентировал внимание и на актуальных политических темах сегодняшнего дня. В 1921 г. общей для страны стала тема

²⁵⁷ ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1252. Л. 17.

²⁵⁸ ГААК. Ф. П-2. Оп. 4. Д. 335. Л. 5.

²⁵⁹ ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 382. Л. 131.

митинга «Завоевания Октябрьской революции и новая экономическая политика»²⁶⁰.

Однако уже скоро выраженная коммеморативная («поминальная») составляющая Октябрьских торжеств утратила актуальность. В 1925 г. продлили маршруты шествия. Демонстранты следовали к трибунам, с которых звучали доклады и выкрикивались политические лозунги, обращенные не в прошлое, а в будущее. Коммеморативный характер демонстрации теперь отражало лишь ее музыкальное сопровождение. Печать свидетельствовала, что участники шествия двигались под песню Гражданской войны «Белая армия, черный барон»²⁶¹. Культурологи Л. А. Шумихина и В. Н. Попова обратили внимание на то, что во время праздничных демонстраций движение было организовано строго вперед, а не по кругу, что отвечало основной идее политического мифа о «светлом будущем» и символизировало прямую дорогу советского народа к нему²⁶². По плану демонстрации 1928 г. в Новосибирске колонны ее участников проходили лишь *мимо* братских могил на пути к Городскому театру, где завершалось шествие²⁶³. Типичной для официальных планов «октторжеств» стала формулировка: «Можно, если будет время, вспомнить участников великого переворота»²⁶⁴.

Исключение составлял Барнаул. В 1927 г. демонстранты этого города сделали остановку у братских могил²⁶⁵. Председатель горсовета выступил с речью: «Этот памятник построен на крови лучших сынов революции, которые сло-

²⁶⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 36. Л. 2а.

²⁶¹ Восьмой Октябрь // Власть труда. 1925. 9 нояб.

²⁶² Шумихина Л. А., Попова В. Н. Эстетика парадов и демонстраций, как праздничных ритуалов советской культуры // Теория и практика общественного развития. 2012. № 5. С. 204.

²⁶³ ГАНО. Ф. П-18. Оп. 1. Д. 1449. Л. 2.

²⁶⁴ ЦДНИТО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 1115. Л. 2.

²⁶⁵ Барнаул в праздник Октября // Красный Алтай. 1927. 3 нояб.

жили головы за великий Октябрь. В память о них склоните знамена!»²⁶⁶. После этого хор политкаторжан в соответствии с советской традицией исполнил «Вы жертвою пали», и шествие двинулось дальше. Примечателен также случай, когда в 1930 г. газета «Красный Алтай» упоминала движение барнаульских демонстрантов к братским могилам с целью им «поклониться»²⁶⁷.

В Томске середины 1920-х гг. внимание к братской могиле на главной городской площади выражалось в декорировании. В 1926 г. к 7 ноября ее украсили флагами, зеленью, красной материей, желтым песком, красными звездами и цветными лампочками²⁶⁸. Вероятно, и это многоцветье уводило мысли горожан от скорби по жертвам революции, канувшей в прошлое, к праздничному ликованию гораздо более благополучного этапа середины и второй половины 1920-х гг.

После Гражданской войны демонстрация «оживлялась» карнавальным шествием. Лишь в 1923 г. было решено не устраивать веселых карнавалов из-за трагических событий в Германии²⁶⁹. Серьезные и драматичные коммеморативные практики начала 1920-х гг. сменялись театрализованными и карнавальными элементами шествия демонстрантов, живыми картинками, выражавшими актуальные политические идеи. Могли быть представлены и «фигуры из прошлого»: царь (обычно в виде чучела), поп (обычно карикатурный), «контрреволюция», «автомобиль Октября» (Барнаул, 1927 г.)²⁷⁰. Новосибирское карнавальное шествие 1929 г. должно было демонстрировать темы: «События на КВЖД», «Пятилетка» и пр.²⁷¹

²⁶⁶ Там же.

²⁶⁷ Демонстрация 7 ноября // Красный Алтай. 1930. 10 нояб.

²⁶⁸ ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1115. Л. 237–238.

²⁶⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 135. Л. 34.

²⁷⁰ Десятый Октябрь в Барнауле // Красный Алтай. 1927. 10 нояб.

²⁷¹ ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1156. Л. 2.

К главному политическому празднику нередко приурочивали закладку и открытие новых революционных памятников, а также мемориальных досок, занимавших иногда старые памятные места. Это соответствовало традиции: до революции городские власти также стремились приурочить к официальным государственным праздникам и памятным датам культурной жизни основание или открытие церквей, часовен, памятников и различных социальных учреждений²⁷².

Седьмого ноября 1921 г. в Барнауле заложили памятник на могиле жертв революции (так началось формирование мемориальной аллеи на проспекте Ленина). Во время закладки все духовые оркестры и певцы исполняли похоронный марш и «Вечную память». Музыкальный фон сближал эти действия опять-таки с «красным» похоронно-поминальным обрядом. Такие действия, как и открытие памятников, разрушали в сознании их участников обычные временные границы между прошлым, настоящим и будущим, условно оживляя павших героев. Церемонии открытия советских памятников базировались на дореволюционном опыте. Открытие памятников «в Бозе почившим» императорам сопровождалось молебствием (пелись «Многие лета» и «Вечная память»), пальбой из пушек Петропавловской крепости, колокольным звоном. В конце протодьякон оптимистично возглашал многолетие всероссийскому воинству и всем верноподданным²⁷³.

Седьмого ноября 1922 г. в Новониколаевске произошло торжественное открытие памятника на братской могиле жертв «колчаковщины». В этот же день омичи открыли па-

²⁷² См. подробнее: Красильникова Е. И. Создание в городах Западной Сибири памятников, посвященных юбилеям ключевых событий в истории дома Романовых (конец XIX – начало XX в.) // Тобольск научный 2012. Тобольск, 2012. С. 347–351.

²⁷³ РГИА. Ф. 473. Оп.1. Д. 886. Л. 2–3 об.

мятник жертвам восстания на станции Куломзино (произошло 22 декабря 1918 г.) и возложили венок к памятнику еще живому Ленину²⁷⁴. Известно также, что 7 ноября 1925 г. в Томске заложили памятник вождю мирового пролетариата²⁷⁵. В 1927 г. был открыт еще один памятник В. И. Ленину около Дворца труда в Новосибирске²⁷⁶. Печать свидетельствует, что при спуске покрывала с памятника рабочие традиционно сняли шапки²⁷⁷. В конце десятилетия перед Октябрьскими торжествами приводили в порядок братские могилы; на зданиях, связанных с революционными событиями, размещали соответствующие таблички²⁷⁸.

В первой половине 1920-х гг. к Октябрьским годовщинам красноярские железнодорожники дважды приурочили выпуск новых и отреставрированных паровозов²⁷⁹. В Иркутске в 1929 г. к годовщине Октябрьской революции состоялось открытие Дома Красной армии²⁸⁰. В преддверии торжеств, посвященных «Великому Октябрю», городские власти были вынуждены думать о том, стройку каких объектов можно будет использовать в целях праздничной пропаганды советских достижений. Примером может послужить Омск, где в 1927 г. Горсовет постановил: «Выявить новое строительство (школы, больницы, промышленность, клубы), которое может быть закончено в текущем году, с тем, чтобы приурочить это к десятой годовщине Октября». Такие стройки «нашлись», но их было немного: «двухэтажный жилой дом в центре и дом под избу-читальню на мельни-

²⁷⁴ ИАОО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 386. Л. 4.

²⁷⁵ ЦДНИТО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 1115. Л. 2.

²⁷⁶ Памятник В. И. Ленину // Сов. Сибирь. 1927. 29 окт.

²⁷⁷ Октябрьский праздник в Новосибирске и в Сибири // Сов. Сибирь. 1927. 10 нояб.

²⁷⁸ ГАНО. Ф. П-18. Оп. 1. Д. 1449. Л. 48.

²⁷⁹ ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 382. Л. 131; Там же. Д. 575. Л. 23.

²⁸⁰ Последнее решение Октябрьской комиссии // Власть труда. 1929. 6 нояб.

це»²⁸¹. Аналогично поступили и красноярцы. В 1927 г. Красноярская окружная комиссия по проведению празднования Октябрьской годовщины решила открыть в честь праздника красный уголок инвалидов, детский клуб и ночлежный дом. Дабы социальные «подарки» населению в честь десятилетия «Великого Октября» не казались слишком скромными, было принято решение о необходимости учесть все, что было построено в городе в последнее время, и приурочить к празднику торжественное открытие наиболее значимых объектов²⁸².

Вечером после демонстрации рабочие и служащие приглашались в клубы для продолжения празднования. Городская администрация, руководящий состав наиболее крупных предприятий и заведений устраивали торжественные заседания. До революции подобные заседания городских дум зачастую предварялись панихидой или божественной литургией. Теперь главное торжественное заседание страны проходило в Колонном зале Дома Союзов. На местах для этих целей обычно использовались театры.

В начале 1920-х гг. торжественные заседания горсоветов и других организаций по аналогии с имеющимся опытом начинались под звуки Интернационала, после чего объявлялась минута памяти о погибших героях революции, во время которой исполнялся похоронный марш²⁸³. Далее зачитывались доклады, посвященные жертвам революционной борьбы и последним достижениям советской власти. Со временем памяти «погибших героев» на торжественных заседаниях уделялось все меньше внимания. Однако смерть В. И. Ленина в 1924 г. и последовавшие за ней смерти М. В. Фрунзе (3 ноября 1925 г.), а также Ф. Э. Дзержинского

²⁸¹ ИАОО. Ф. П-7. Оп. 3. Д. 36. Л. 45.

²⁸² ГАКК. Ф. П-10. Оп. 1. Д. 541. Л. 76.

²⁸³ Торжественное заседание Иркутского совета рабочих и красноармейских депутатов 6 ноября // Власть труда. 1920. 9 нояб.

(20 июля 1926 г.) обязывали сибиряков официально отдать дань их памяти на торжественных заседаниях²⁸⁴. В 1929 г. газета «Власть труда» писала о минуте молчания в память о павших героях и выступлении старого партизана Антипина с воспоминаниями о боях за советскую власть в Сибири. Усиление внимания к этой теме было обусловлено десятилетием «освобождения» региона от «колчаковщины»²⁸⁵.

В последующие годы коммеморативная составляющая торжеств в ряде случаев ослабевала. Уже на примерах празднования десятилетнего юбилея Октябрьской революции заметно внедрение нового идеологического концепта праздника – идеи трансформации. Революция начинала восприниматься как переломный момент, поворотная точка в истории, изменившая коренным образом все сферы жизни общества. Так, 7 ноября 1927 г. на торжественном заседании научных работников томских вузов ректоры Томского государственного университета и Сибирского технологического института «осветили» лишь «достижения советской власти в деле высшего образования», а также тему «Индустриализация и вуз», не углубляясь в историю, и уж тем более не драматизируя ее²⁸⁶. Однако в Барнауле празднование десятилетия Октября еще имело сильную коммеморативную составляющую. В барнаульском Гортеатре вечером 7 ноября прошел торжественный пленум партии, на котором выступали участники Гражданской войны Вахрушев и Долгих с рассказами о подвигах партизан и о барнаульском отряде Красной гвардии²⁸⁷.

²⁸⁴ Восьмая годовщина Октября в Томске // Красное знамя. 1925. 10 нояб.; Торжественное заседание в Гортеатре // Рабочий путь. 1926. 8 нояб.

²⁸⁵ Торжественный пленум горсовета // Власть труда. 1929. 9 нояб.

²⁸⁶ ГАТО. Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 1449. Л. 48 об.

²⁸⁷ Десятый Октябрь в Барнауле (пленум в Гортеатре) // Красный Алтай. 1927. 10 нояб.

Неофициальная часть Октябрьских торжеств 1920-х гг. приходилась преимущественно на вечер 7 ноября. Клубы и театры обязательно приглашали на спектакли и концерты, подготовленные как профессиональными артистами, так и самодеятельными коллективами. В 1920 г. Центральная Октябрьская комиссия рекомендовала ставить на местах пьесы о взятии Бастилии, сцены из «Бориса Годунова» А. С. Пушкина. Обращалось внимание и на такие произведения, как «Мститель» П. Клоделя, «Советы» и «Освобожденный труд» П. А. Арского²⁸⁸.

В Западной Сибири начала 1920-х гг. театральные постановки были разнообразными, обыватели могли пойти как на классическую оперу («Аида», «Тоска» Дж. Верди и др.), привлекавшую и до революции многих жителей сибирских городов, так и на драматические спектакли, некоторые из которых соответствовали праздничной тематике (в Томске в 1920 г. шли идеологические пьесы «Борьба» и «Поп») ²⁸⁹. Однако в начале 1920-х гг. драматургами было написано еще слишком мало революционных сценариев достойного в художественном отношении качества. Важно и то, что до Сибири новые пьесы доходили с опозданием²⁹⁰. Клубы могли предлагать концерты, включавшие в себя песенные, танцевальные и драматические номера. Историческое содержание имели, к примеру, сценки типа «живого календаря».

Интересен и восточносибирский праздничный репертуар. 7 ноября 1921 г. в Красноярске можно было посмотреть первые агитационно-революционные пьесы «Великий коммунарь» В. А. Трахтенберга (1920), либо «Антанта» В. В. Иванова (1920), либо новую постановку классического

²⁸⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 5. Л. 3, 13, 16.

²⁸⁹ Подготовка к празднованию годовщины Октября // Знамя революции. 1920. 26 сент.

²⁹⁰ Литвинова О. А. Указ. соч. С. 133.

произведения «Как мужик двух генералов прокормил» по М. Е. Салтыкову-Щедрину²⁹¹. В последующие годы клубы приглашали на новые спектакли революционного содержания («Великий коммунарь», «Марат», «Гибель империи»)²⁹². Параллельно в первой половине 1920-х гг. 7 ноября могли еще демонстрироваться постановки по сценариям авторов Серебряного века. Так, в Иркутске в 1923 г. поставили пьесу Д. С. Мережковского «Петр Первый и царевич Алексей», содержание которой было коммеморативным, но не революционным.

Спектакли ставили не только профессиональные, но и самодеятельные коллективы. Примечательно, что сценарии могли быть местными, посвященными местным же сюжетам. К примеру, в 1924 г. в Красноярске на заводе «Памяти тринадцати борцов» был поставлен спектакль по сценарию местного автора «Октябрь»²⁹³. В 1927 г. иркутская печать освещала праздничную театральную постановку «Шторм». Сообщалось, что спектакль показывал «кусочек жизни маленького уездного городка в тисках Гражданской войны». В постановке нашли отражение темы эпидемии тифа и злодейств белогвардейских банд. Основой сюжета стало противопоставление «подлинных революционеров» и «бумажных», «тех, кто, прикрываясь партийным билетом ищут материальных благ для себя в то время, как тысячи голодных мрут от сыпняка, отплясывают фокстрот и занимаются выпивками на своих тайных вечеринках»²⁹⁴.

Большевики широко использовали для пропаганды в праздничные дни кино, которое было очень популярно среди масс. Власть расценивала его и как «приманку» для

²⁹¹ ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 945. Л. 31.

²⁹² Там же. Л. 26.

²⁹³ Там же. Д. 575. Л. 16.

²⁹⁴ «Шторм» в Театре! // Власть труда. 1927. 10 нояб.

зрителей, и как средство политического образования²⁹⁵. В начале десятилетия в главный революционный праздник показывали самое разное кино, создававшее праздничную атмосферу. По выводам английского историка П. Кенеца, только в 1923–1924 гг. государство окончательно признало советское кино важным средством агитации и подчинило этим целям, хотя отдельные картины еще содержали спорную с точки зрения власти оценку недавнего исторического прошлого («Аэлита» И. А. Протазанова, снятая по новелле А. К. Толстого).

Для зрелищности и привлекательности фильма сценаристы использовали сатиру и эксплуатировали приключенческий жанр. Художественное кино на исторические темы допускало вымысел и фантазии. Наслаждаясь превосходной игрой молодых актеров и захватывающими сценами битв, зрители не обращали внимания на неправдоподобность событий, представленных в кино, принимая их на веру. Показателен в этом смысле пример фильма «Красные дьяволята» И. Н. Перестиани, где продемонстрирован вымышленный эпизод пленения Н. И. Махно и его передачи войску С. М. Буденного²⁹⁶. Вообще, с 1919 по 1932 г. на экраны страны вышло не менее 114 художественных фильмов, действие которых происходило во время Гражданской войны, что составило около 10% всех снятых картин²⁹⁷. Часть этих фильмов оставалась востребованной в дни Октябрьских торжеств на протяжении нескольких последующих лет.

Однако многие картины, которые демонстрировались в праздничные дни периода нэпа, не были ни исторически, ни серьезными. К примеру, в 1923 г. в Красноярске по-

²⁹⁵ *Kenez P.* Cinema and the soviet society from the revolution to the death of Stalin. P. 27–28.

²⁹⁶ *Kenez P.* The Berthof Propaganda State... P. 205–206.

²⁹⁷ *Волков Е. В.* «Колчаковщина» в советском игровом кино // Новый исторический вестник. 2013. Вып. 35. С. 95.

казывали драму «Молчи, грусть, молчи» с участием звезды немого кино Веры Холодной (реж. П. И. Чардынин, 1918)²⁹⁸, а в 1925 г. – американский боевик «Похождения трех».

В 1925 г. можно было посмотреть и приключенческий фильм о золоте Колчака «Золотой запас» (реж. В. А. Гардин, 1925), и картину о судьбе революционера «На жизнь и смерть» (реж. П. П. Петров-Бытов, Б. В. Чайковский, 1925).

Но событием второй половины 1920-х гг. был выход на экраны знаменитой трилогии С. М. Эйзенштейна «Стачка», «Броненосец Потемкин» и «Октябрь». Фильм «Октябрь» не был готов к десятилетней годовщине революции. Его многократные показы состоялись позже. П. Кенез считает, что зрители воспринимали кино в первую очередь как развлечение, ждали интересной истории и героя, в котором хотели видеть самих себя. Поэтому, подстраиваясь под публику, кино, снятое на исторические темы в 1920-х гг., искало способы вести пропаганду, одновременно развлекая зрителей, что было особенно важно в условиях праздника²⁹⁹.

Каждый год к 7 ноября в города Сибири привозились новые идеологические киноленты. Однако некоторые из них попадали в сибирские города спустя несколько лет после премьеры. Так, жители Иркутска смогли посмотреть фильмы «Жена предревкома» (реж. А. И. Иванов-Гай, 1925) и «Палачи» (реж. А. П. Пантелеев, 1925) лишь в 1928 г. Премьеры других революционных картин, например «Обломок империи» (реж. Ф. М. Эрмлер, 1929), в Восточной Сибири демонстрировали одновременно со столицей. С 1929 г. в дни Октябрьских торжеств стали показывать новые фильмы, связанные с контекстами индустриализации. Такова была производственная драма «Рельсы гудят» (реж. Ю. А. Леонтьев, 1929).

²⁹⁸ В кино с 8 ноября // Красноярский рабочий. 1923. 6 нояб.

²⁹⁹ *Kenez P. Cinema and the soviet society from the revolution to the death of Stalin. P. 57, 214.*

Еще в 1920 г. Центральная Октябрьская комиссия постановила устраивать революционные выставки документов, лубков, карикатур, лозунгов, газетных вырезок и прочих материалов в музеях и библиотеках³⁰⁰. Сибиряки, следуя этому постановлению, уже в 1920-х гг. накапливали опыт в организации подобных выставок. В 1922 г. Красноярский краеведческий музей при помощи Истпарта подготовил и открыл выставку, посвященную истории революционного движения в этом городе. На выставке, которая начала работать 12 ноября, были представлены различные печатные издания, листовки, денежные знаки периода Гражданской войны, агитационные плакаты, дела из архивов суда и жандармского управления, знамена и оружие партизан. Выставку посетили 547 человек, для которых музейщиками и сотрудниками агитпропа организовывалось 18 экскурсий³⁰¹.

2.2. «Демонстрация бодрости и силы»: коммеморации 1930-х гг. в дни Октябрьских торжеств

Великий перелом существенно изменил обстановку в СССР, в том числе в Сибири. Обыватели чувствовали большие перемены на уровне повседневной жизни. Затухала свободная торговля сытых нэповских лет, дорожали продукты питания, уже в начале 1930-х гг. вводилось снабжение по карточкам. Форсированная индустриализация вызвала рост сибирских городов и большой приток населения из сельской местности. В городах остро стояли проблемы жилья и коммунального обслуживания. Повышение внимания к трудовой дисциплине и тяжелые условия труда вызывали нарекания рабочих. На фоне политических разногласий и недовольства социальными неурядицами усиливалась репрессивная политика государства. Одновременно на глазах

³⁰⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 5. Л. 19.

³⁰¹ ГАКК. Ф.Р-795. Оп 1. Д. 1. Л. 26, Д. 795. Л. 8.

у сибиряков воплощались идеи строительства нового мира, где советские ценности претворялись в жизнь: вместе с будущими промышленными гигантами закладывались соцгорода, пускались трамвайные линии, всюду включалось радиовещание, закрывались церкви и старые кладбища, дети и молодежь массово вовлекались в политическую жизнь, поистине массовыми становились государственные праздники в провинции.

По своим формам Октябрьские коммеморации 1930-х гг. в целом отвечали образцам предыдущего десятилетия. В 1930-х гг. вечера воспоминаний (беседы, заседания, митинги) рассматривались как неотъемлемый элемент торжества. К докладам и концертной части мероприятия добавилось угощение собравшихся, целесообразность которого, однако, вызывала споры³⁰². В 1933 г. Крайком ВКП (б) требовал от политруков военных частей Иркутска организовать в преддверии 7 ноября не менее двух вечеров воспоминаний в каждой части с привлечением революционеров и свидетелей Гражданской войны³⁰³. Но живые воспоминания свидетелей революционных событий уже почти не звучали. «Старый большевик», выступавший в роли эксперта, мог быть приглашен в преддверии праздника на встречу с агитаторами и беседчиками, готовившимися к массовым праздничным мероприятиям. На встрече обязательно зачитывался какой-нибудь официальный пропагандистский материал, к примеру воспоминания Н. К. Крупской о революции, после чего проходила «задушевная беседа» революционеров с молодежью, готовившейся к участию в празднике в качестве организаторов и ведущих официальных мероприятий³⁰⁴.

³⁰² Там же. Ф.П-17. Оп. 1. Д. 110. Л. 13.

³⁰³ ИАОО. Ф.П-123. Оп. 5. Д. 69. Л. 21.

³⁰⁴ Беседа со старым большевиком // Восточно-Сибирская правда. 1935. 7 нояб.

В 1930-х гг. вечера воспоминаний и «публичные читки» трудов В.И. Ленина и И.В. Сталина о революции в ходе «летучек» начинались за две-три недели до самого праздника. Чтение трудов вождей, отрывками публиковавшихся в газетах, проходило под лозунгом изучения истории революции. Понятно, что новых сведений о революционном движении в Сибири и Советском Союзе в целом эти труды не добавляли. Хотя есть примеры вечеров воспоминаний, посвященных «поколению, воспитанному революцией»³⁰⁵, все меньше внимания уделялось живым, индивидуальным, не звучавшим ранее рассказам об Октябре и Гражданской войне. К тематике воспоминаний добавились успехи промышленного строительства. Эта тема тенденциозно вытесняла собственно революционную проблематику.

Однако, как мы уже отмечали в первой главе, в «Октябрьские дни» 1930-х гг. Истпарт и отдельные группы Сибирского землячества, куда входили старые большевики, устраивали и более серьезные вечера воспоминаний. Их цель состояла в сборе материала о революции и Гражданской войне. Формально приуроченные к революционным датам, эти мероприятия фактически посвящались периоду с 1917 до 1922 г. Участниками подобных вечеров были старые подпольщики. Они стремились к установлению точности в спорных моментах и предпринимали попытки теоретизации данных, составлявших основу коллективной памяти их группы (предлагали, например, периодизацию истории подпольной работы в Сибири). Складывается впечатление, что участники этих вечеров продолжали в 1930-е гг. жить Гражданской войной. Их доклады и диалоги проходили в атмосфере погружения в прошлое. В докладах часто повторяются одни и те же сюжеты, что свидетельствует

³⁰⁵ Накануне 15-й годовщины революции // Красное знамя. 1932. 5 окт.

о многократных обсуждениях подпольщиками тем, составивших каркас их живой коллективной памяти.

Столь характерное для 1930-х гг. прославление И. В. Сталина и привязка революционного героизма к успехам послевоенного развития страны здесь не акцентировались. Можно даже сказать, что к современности эти люди относились слегка отстраненно, по крайней мере совместно предаваясь воспоминаниям. Они считали свои воспоминания большой ценностью, сетовали на скорое забвение героев и жертв Гражданской войны, старались назвать под запись имена тех, кто не был широко известен в 1930-е гг., понимая, что в противном случае об этих людях, отдавших свою жизнь за революционные идеалы, уже больше никто не вспомнит³⁰⁶. Однако уже на этих вечерах звучала мысль о том, что из-за высокой степени конспирации большевиков и значительных людских потерь более или менее точная реконструкция истории подпольной борьбы вообще невозможна, как невозполнимо утрачены имена многих убитых подпольщиков. Содержание воспоминаний охватывало в целом уже известные историкам и общественности сюжеты, однако новизну этим рассказам придавало освещение деталей и выражение личных переживаний докладчиков³⁰⁷.

При изучении источников складывается такое впечатление: хотя перед Истпартами 1930-х гг. и стояла задача работы с воспоминаниями подпольщиков, рассказы последних особенно не тиражировались. Заслуги сибирского подполья были официально признаны властью как один из важнейших факторов победы большевиков в Гражданской войне³⁰⁸. Но подпольщики, уже спокойно почивавшие на лаврах, жили скорее своим героическим и драматичным прошлым, а не будущим, что не соответствовало идеологическому духу

³⁰⁶ ГАНО. Ф. П-5. Оп. 3. Д. 92. Л. 105.

³⁰⁷ Там же. Л. 229; Оп. 4. Д. 1715. Л. 16–18.

³⁰⁸ Краткий курс истории ВКП (б).

времени. Поэтому можно полагать, что вечера воспоминаний подпольщиков нужны были прежде всего им самим. Встречи и беседы укрепляли их сообщество и морально их поддерживали.

Факельные шествия молодежи перестали устраивать после 1930 г., когда состоялось последнее молодежное факельное шествие в Красноярске³⁰⁹. Возможно, это отторжение было вызвано популярностью аналогичных по форме мероприятий у фашистов.

В 1930-х гг. изменился и характер демонстраций. Шествия становились все более массовыми, атрибутика – более пышной, маршрут демонстрации – более продолжительным. В начале 1930-х гг. иркутская печать еще заостряла внимание на том, что колонна демонстрантов Свердловского района идет до братских могил, где ее приветствует с трибуны секретарь горкома партии³¹⁰. Однако больше братские могилы как конечные пункты демонстраций не упоминались. В 1933 г. иркутская печать сообщала, что перед трибуной прошло 50 тыс. трудящихся³¹¹. Но стоит учитывать, что эти данные могли завышаться. А в Красноярске, по сведениям газет, в 1938 г. демонстрантов было уже вдвое больше³¹². Во второй половине 1930-х гг. движение демонстрантов снимали кинооператоры. Вечером 7 ноября соответствующие кадры можно было увидеть в кинотеатрах наряду с прочей актуальной кинохроникой³¹³.

³⁰⁹ Дополнение к плану Октябрьских торжеств // Красноярский рабочий. 1930. 5 нояб.

³¹⁰ План проведения демонстрации // Восточно-Сибирская правда. 1930. 5 нояб.; 14 Октябрь в Иркутске // Восточно-Сибирская правда. 1931. 10 нояб.

³¹¹ Перед трибуной прошло 50 тыс. трудящихся // Восточно-Сибирская правда. 1933. 10 нояб.

³¹² С большим патриотическим подъемом прошли демонстрации в нашем крае // Красноярский рабочий. 1938. 10 нояб.

³¹³ Новый киножурнал // Восточно-Сибирская правда. 1936. 5 нояб.

Пристальное внимание уделялось праздничному декору городов, который становился все более пышным. Власти не жалели средств на внешние эффекты. Перед уличными торжествами особенно богато украшались главные городские площади. В 1930-х гг. главными декоративными элементами служили огромные портреты И. В. Сталина и действовавших членов правительства. В 1934 г. украшение Новосибирска предполагало размещение фигуры В.И. Ленина на крыше здания Крайкома, а на фасаде – портретов членов Политбюро ЦК ВКП (б). В центре этой композиции предсказуемо красовался огромный портрет И.В. Сталина³¹⁴. В Иркутске в 1934 г. был сооружен макет мавзолея Ленина³¹⁵. Праздничный декор 1936–1937 гг., готовившийся клубами Омска, высвечивал новую актуальную тему сталинской конституции³¹⁶. Как мы уже отмечали, в 1937 г. праздничная визуальная пропаганда подчеркивала преемственность между политикой Ленина и Сталина. Так, в Иркутске здание обкома партии было украшено громадным панно с изображением Ленина в 1917 г. во главе восставших красногвардейцев, а также изображение Сталина на фоне строек века: московского метро и канала Москва – Волга³¹⁷.

Росла популярность карнавальных шествий. В начале 1930-х гг. все клубы предприятий и организаций получали задание подготовить костюмированное шествие по заданной теме. К примеру, в Барнауле в 1930 г. готовились по теме «Выполнение производствами промфинпланов»³¹⁸. Производственники проявляли фантазию, стараясь привлечь внимание на себя, например, изготавливали к празднику огромные

³¹⁴ Как будут украшены здания // Сов. Сибирь. 1934. 1 нояб.

³¹⁵ Город в Октябрьские дни // Восточно-Сибирская правда. 1935. 4 нояб.

³¹⁶ Перед великим праздником // Омская правда. 1937. 2 окт.

³¹⁷ Перед праздником // Восточно-Сибирская правда. 1937. 1 нояб.

³¹⁸ Готовимся к Октябрю // Красный Алтай. 1930. 4 нояб.

бутафорские сосиски, которые могли символизировать достижения колбасников. В таком карнавале было много оригинального, но уже практически ничего коммеморативного.

Обязательным элементом торжества 1930-х гг. оставался митинг демонстрантов на центральной площади, лейтмотивом которого также являлся отчет партийных лидеров города об успехах индустриализации. Тема истории революции становилась все менее актуальной на праздничных митингах, затрагивалась лишь формально. В 1930-х всюду появились технические возможности трансляции митингов по радио³¹⁹.

В годы форсированной индустриализации к 7 ноября открывали преимущественно не мемориальные объекты, а объекты практически полезные, актуальные в контексте промышленного строительства. Например, «подарком к Октябрю» жителям Омска в 1935 г. стал новый мост через Иртыш. Впрочем, можно найти и коммеморативный смысл в этом «подарке». В 1919 г., отступая из Омска, армия А. В. Колчака взорвала мост через Иртыш, и советская власть символически восстанавливала порядок и стабильность, возвращая городу мост. Теперь городские предприятия ежегодно открывали к 7 ноября ясли, бани, пускали по маршрутам новые автобусы и т. п.³²⁰ В 1936 г. в Иркутске был открыт новый мост. Печать сообщала, что люди «ходили смотреть» его «до поздней ночи»³²¹. Однако стоит упомянуть и открытие 1935 г. памятника В. И. Ленину в Томске на площади Революции³²². Уместно вспомнить и о памятнике вождю, открытому в Барнауле на Ленинском проспекте 7 ноября 1938 г.³²³

³¹⁹ ИАОО. Ф. П. –123. Оп. 5. Д. 69. Л. 29.

³²⁰ Подготовка к Октябрю // Красное знамя. 1931. 5 нояб.

³²¹ *Волин Б.* Праздник // Восточно-Сибирская правда. 1936. 10 нояб.

³²² ЦДНИТО. Ф. 80. Оп. 1. Д. 198. Л. 37–38.

³²³ Памятник В. И. Ленину в Барнауле // Алтайская правда. 1938. 11 нояб.

На торжественные заседания городской администрации в 1930-х гг. уже, как правило, не приглашали революционеров и деятелей подполья. С середины третьего десятилетия их сменили стахановцы. Неизменным оставалось присутствие артистов, ученых и журналистов. Технические возможности 1930-х гг. позволяли транслировать такие заседания в прямом эфире по радио³²⁴. Сценарии заседаний расписывались по минутам, регламентация стала особенно жесткой со второй половины 1930-х гг. В начале мероприятия в почетный президиум заочно избирали И. В. Сталина и других членов правительства. Торжественные заседания второй половины 1930-х гг. были невероятно помпезными. Ораторы пользовались любой возможностью прославить вождя в пламенной речи. Каждое упоминание его имени вызывало волну продолжительных рукоплесканий, заканчивалось заседание речами, прославлявшими Сталина.

Главной темой докладов в 1930-е гг. стало подведение итогов экономического и культурного строительства за весь послевоенный период. Особенно актуальной становилась эта тема в 1932 и 1937 гг. (15-летие и 20-летие Октября). Однако к концу 1930-х гг. традиционный коммеморативный элемент сценария заседания вновь тенденциозно усиливался. Но он имел свою, отличную от предыдущего десятилетия специфику. В начале мероприятия обычно вспоминали имя В. И. Ленина, следом называли имена других «борцов, погибших за идеалы большевизма», список которых заметно прирастал именно в 1930-х гг. (Я. М. Свердлов, Ф. Э. Дзержинский, М. В. Фрунзе, С. М. Киров, В. В. Куйбышев, Г. К. Орджоникидзе). После оглашения данного списка звучали траурный марш и призыв почтить память «борцов» вставанием³²⁵. Этот мо-

³²⁴ ИАОО. Ф.П. – 123. Оп. 5. Д. 69. Л. 29.

³²⁵ ГААК. Ф. Р-312. Оп. 3. Д. 28. Л. 19.

мент заседания служил собравшимся напоминанием идеологической формулы: чем существеннее наши экономические достижения, тем острее классовое сопротивление врагов народа, тем дороже жертвы, которые приносит народ, упорно строящий социализм. Как и в дни похорон этих людей, либо повторялась мысль о том, что «борцы» были убиты (умерщвлены) врагами, либо констатировалась их смерть от истощения сил в тяжелой борьбе за социалистические идеалы. Внимание на местных героях заострялась редко. Лишь в 1935 г. омская печать обращала внимание на то, что «заодно» с усопшими членами правительства горсовет на торжественном заседании 7 ноября почтил память «руководителя большевиков Омской области Булатова»³²⁶. Следовавшие за минутой молчания доклады, посвященные колоссальным успехам индустриализации, служили доказательствами оправданности жестокой классовой борьбы, того, что «любимцы советского народа» не напрасно положили жизнь на алтарь большевистских идеалов.

Патриотическая пропаганда конца 1930-х гг. не могла не отразиться на коммеморативной составляющей праздничных речей, наиболее яркие цитаты из которых попадали в печать. В частности, в «Восточно-Сибирской правде» был опубликован фрагмент выступления стахановца Елисеева, построенного на противопоставлении проклятого прошлого и радостного настоящего: «В царской России у трудящихся не было Родины. Была страна – тюрьма народов, была жизнь – мученье. А теперь у нас есть горячо любимая Родина, во славу которой мы по-стахановски работаем»³²⁷.

Программа зрелищных мероприятий включала концерты, театральные постановки, кинопоказы, цирковые пред-

³²⁶ На пленуме Городского совета: вечер радости // Омская правда. 1935. 10 нояб.

³²⁷ Торжественный пленум Иркутского горсовета // Восточно-Сибирская правда. 1937. 10 нояб.

ставления. Концертная программа чаще всего была представлена народным творчеством, за которое, впрочем, могли выдаваться и песни о Сталине³²⁸. Театры по-прежнему нередко приглашали зрителей на спектакли классического репертуара. К примеру, в 1936 г. на театральных подмостках Новосибирска шли пьесы «Не было ни гроша» и «Свои люди – сочтемся» А. Н. Островского, постановки по произведениям А. П. Чехова «Предложение» и «Медведь».

Военно-революционная тематика также была неизменно представлена в праздничном репертуаре театров. В 1936 г. Сибгостеатр (Новосибирск) приглашал зрителей на драму «Любовь Яровая» о самоотверженной женщине, сделавшей выбор между любимым супругом, перешедшим на сторону белых, и красными, в пользу последних. Сценарий к этой пьесе был написан еще в 1926 г. К. А. Тренивым³²⁹. В 1937 г. зрители Красноярска увидели спектакли о Гражданской войне «Нас семеро» и «1919 год». По заверению прессы в театральных кассах образовались очереди³³⁰.

Обращает на себя внимание премьера спектакля о сибирских партизанах «Бронепоезд 14–69» по пьесе В. В. Иванова, которую могли посмотреть красноярские зрители. Газетный анонс характеризовал эту постановку как выражение «гнева и ненависти народа к поработителям – контрреволюционерам», «сердечного тепла и воскрешающей силы интернационального братства». Идеологическая актуальность спектакля была обусловлена Гражданской войной в Испании. Цель представления печать выражала прямолинейно: «Показать молодежи наше славное революционное прошлое и мобилизовать чувства и мысли наших зрителей на борьбу за дальнейшее усиление обороноспособности на-

³²⁸ Что покажут клубы города // Сов. Сибирь. 1936. 5 нояб.

³²⁹ [Объявление] // Сов. Сибирь. 1936. 6 нояб.

³³⁰ Сегодня в Красноярске // Красноярский рабочий. 1937. 7 нояб.

шей прекрасной Родины, на борьбу за солидарность трудящихся всего мира»³³¹.

На советский манер обновлялся оперный репертуар. Если в 1932 г. иркутским театрам предлагалась классическая опера «Аида»³³² Дж. Верди, в 1936 г. – «Евгений Онегин» П. И. Чайковского³³³, то уже в 1937 г. в Иркутске состоялась премьера оперы «Тихий Дон» по мотивам одноименного произведения М. А. Шолохова³³⁴. В оперетте шла «Свадьба в Малиновке» по веселому сценарию Б. А. Александрова³³⁵.

В 1930-х гг. росла популярность кино. Поскольку на рубеже 20-х и 30-х гг. признанные мэтры советского экрана были обвинены в «формализме», критика требовала создания кинолент, доступных для понимания широких масс. Новое кино акцентировало внимание уже не на массовом, обезличенном революционном героизме, а на образах конкретных героев, которые могли бы послужить примерами борьбы за новые достижения, прежде всего в сфере индустриального строительства.

Ежедневные газеты зафиксировали, что в западно-сибирских городах в первой половине 1930-х гг. 7 ноября нередко повторялись показы фильмов прошлого десятилетия. Это фильмы «Красные дьяволята» И. Н. Перестиани (1923), «Броненосец Потемкин» С. М. Эйзенштейна (1925), «Москва в Октябре» Б. В. Барнета (1927), «Герои домны» Е. А. Иванова-Борткова (1928), «Два броневика» С. А. Тимошенко (1928)³³⁶, «Мятеж» С. А. Тимошенко (1928)³³⁷. Также

³³¹ Дальский А. Н. Спектакль о сибирских партизанах // Красноярский рабочий. 1936. 6 нояб.

³³² В оперном театре // Восточно-Сибирская правда. 1932. 6 нояб.

³³³ [Объявление] // Восточно-Сибирская правда. 1936. 7 нояб.

³³⁴ [Объявление] // Восточно-Сибирская правда. 1937. 7 нояб.

³³⁵ Куда пойти? // Там же. 1940. 7 нояб.

³³⁶ Кино в Октябрьские дни // Сов. Сибирь. 1934. 1 нояб.

³³⁷ [Объявление] // Там же. 1937. 6 нояб.

кинотеатры приглашали зрителей на просмотр детских картин, имевших коммеморативное содержание: «Хочу быть летчицей» К. А. Гертеля (1928), «Адрес Ленина» Б. Л. Бродянского (1929)³³⁸ и др.

Однако на экранах Сибири появлялись и новые фильмы. В начале 1930-х гг. в кинотеатрах шла социальная драма о перевоспитании беспризорников в первые годы советской власти «Путевка в жизнь» Н. И. Экка (1931), фильм «Солдатский сын» («Детство большевика») Н. И. Лебедева (1933)³³⁹, «Первый завод» (1933) о партизанской войне в Белоруссии в годы Первой мировой войны³⁴⁰, новый звуковой фильм «Три песни о Ленине» (реж. Д. Ветров, 1934)³⁴¹, революционная картина «Юность Максима» (реж. Г. М. Козинцев, Л. З. Трауберг, 1935), «Летчики» (реж. Ю. Я. Райзман, 1935)³⁴², «За советскую Родину» Р. А. и Ю. А. Музыкантов (1937)³⁴³, «Неустрасимые» (реж. Л. Я. Анци-Половский, 1937)³⁴⁴. В 1937 г. предсказуемо, в духе политики памяти этого времени, на экраны страны вышел фильм «Петр Первый» (реж. В. М. Петров, С. И. Бартенев, 1937–1938), который посмотрели и сибиряки³⁴⁵.

Особым событием стала демонстрация 7 ноября 1934 г. кинофильма «Чапаев», уже упомянутого нами ранее³⁴⁶. Эта картина, показанная во всех городах, очень понравилась вождю и имела ошеломляющий успех у публики, смотревшей

³³⁸ Зрелищные предприятия в Октябрьские дни // Рабочий путь. 1933. 7 нояб.

³³⁹ Кино в Октябрьские дни // Сов. Сибирь. 1934. 1 нояб.

³⁴⁰ Кино к Октябрю // Восточно-Сибирская правда. 1933. 7 нояб.

³⁴¹ [Объявление] // Восточно-Сибирская правда. 1934. 7 нояб.

³⁴² Куда пойти в дни праздника? // Восточно-Сибирская правда. 1935. 7 нояб.

³⁴³ [Объявление] // Сов. Сибирь. 1937. 6 нояб.

³⁴⁴ [Объявление] // Восточно-Сибирская правда. 1937. 7 нояб.

³⁴⁵ Там же.

³⁴⁶ Театры и кино в Октябрьские дни // Сов. Сибирь. 1935. 4 нояб.

фильм по несколько раз. Киноведы отмечают, что события Гражданской войны, представленные в фильме, были сильно искажены, но впервые советский кинематограф представил врага «достойным» – сильным, опытным, убежденно отстаивающим свои идеалы³⁴⁷.

Отдельно стоит сказать о кинопоказах идеологических коммеморативных лент предвоенного времени: «Ленин в Октябре» (1937), «Ленин в 1918 г.» (1939) М. И. Ромма, «Кремлевские куранты» (1940) Н. Ф. Погодина, «Человек с ружьем» (1938) С. И. Юткевича, «Великий гражданин» (1939) Ф. М. Эрмлера и «Великое зарево» (1938) М. И. Чи-аурели. Этим фильмам печать уделяла большое внимание. В частности, о «Человеке с ружьем» газетный анонс сообщал, что это фильм «о первых днях советской власти, о том, как петроградский пролетариат вместе с крестьянством, под руководством большевистской партии, защищая революцию, героически сражался с эсеровско-белогвардейской контрреволюцией. В центре фильма великие вожди революции – Ленин и Сталин...»³⁴⁸.

Кинокартины дублировались спектаклями на театральных подмостках. В 1938 г. пьесу «Человек с ружьем» поставили в Красноярске. Роль В. И. Ленина исполнил актер Г. А. Судьбин, по предсказуемому мнению местной прессы, создавший образ «самого человеческого человека», «просто-го, как правда»³⁴⁹. В 1940 г. к 7 ноября состоялась премьера «Кремлевских курантов» в Иркутске³⁵⁰. В канун войны на иркутской сцене также шел спектакль «Ленин в 1918 г.». Роль вождя мирового пролетариата исполнил 24-летний ак-

³⁴⁷ Волков Е. В. Указ. соч. С. 91.

³⁴⁸ К 21 годовщине Великой Октябрьской социалистической революции // Сов. Сибирь. 1938. 6 нояб.

³⁴⁹ Ведерников К. Как мы ставим пьесу // Красноярский рабочий. 1938. 3 нояб.

³⁵⁰ Куда пойти? // Восточно-Сибирская правда. 1940. 7 нояб.

тер Б. А. Ситко, заслуживший впоследствии звание народного артиста. Ситко вспоминал, что эта ответственная роль далась ему нелегко, как в силу возраста, так и в силу необходимости строгого соответствия замыслу сценариста³⁵¹. В репертуаре Омского театра драмы в 1941 г. появился спектакль «Ленин в 1918 г.», премьера которого состоялась в день рождения Ленина, 10 (22) апреля³⁵². Этот спектакль шел и 7 ноября.

В 1930-х гг. для горожан стали привычными бесплатные выставки в музеях, архивах и библиотеках. Они посвящались не только революционной истории, но также хозяйственным и культурным достижениям последних лет³⁵³. Заметно, что с течением времени экономические выставки становились все более актуальными и даже подавляли тему революции. Если в 1932 г. в праздничные дни архивное бюро Омска выставляло документы лишь дореволюционного периода и 1917–1920 гг.³⁵⁴, то годом позже эти документы были дополнены выставкой материалов по экономическому развитию Сибири с дореволюционных лет до современности³⁵⁵. Популярными в это время были выставки в окнах музеев и учреждений, которые можно было на ходу бегло осмотреть с улицы. Здесь могли быть представлены и фотографии, и документы, и, к примеру, макет шалаша В. И. Ленина, выставлявшийся в витрине универмага в Томске³⁵⁶. Помимо того, что подобные выставки усиливали ощущение праздника и делали музей более доступным, они выступали действенным способом индоктринирования.

³⁵¹ ГАНИИО. Ф.399. Оп. 6 Д. 50 Л. 41.

³⁵² Спектакль «Ленин в 1918 году» в Омском драматическом театре // Омская правда. 1941. 26 апр.

³⁵³ Выставка к празднику // Рабочий путь. 1930. 2 нояб.

³⁵⁴ Хроника Октябрьских дней в Омске // Там же. 1932. 6 нояб.

³⁵⁵ Зрелищные предприятия в Октябрьские дни // Там же. 1933. 7 нояб.

³⁵⁶ Октябрьские огни // Красное знамя. 1935. 10 нояб.

2.3. «Отстоим завоевания Великого Октября!»: праздничные коммеморации военных лет

В годы Великой Отечественной войны сценарии Октябрьских торжеств, устраивавшихся в городах Сибири, мало изменились по сравнению с довоенным периодом. С конца октября по радио выступали писатели с рассказами на темы революции и Гражданской войны: «Боевые традиции в годы Гражданской войны», «Сибирь за 25 лет после Октября» и т. п. Впервые за долгие годы актуализировалась тема истории Новосибирска – в 1930-х гг. ей практически не уделялось внимания ни в СМИ, ни на уровне музейных репрезентаций прошлого. Теперь же по радио шел альманах «Дореволюционный Новониколаевск – современный Новосибирск». Появление темы истории Новосибирска было связано с новой ролью этого города в жизни страны, как тылового центра, куда эвакуировалось несколько крупных предприятий из европейской части СССР³⁵⁷.

Перед праздником, в «ноябрьскую декаду», на предприятиях и колхозах агитаторы обычно читали типовые лекции коммеморативного содержания, не связанные, однако, с темой революции. Посредством этих лекций стимулировался патриотический подъем. В 1941 г. в их числе заявлялись: «Отечественная война 1812 г.», «Великий русский полководец А. Суворов», «Герои Отечественной войны». Ставшая традиционной с 1934 г. беседа, посвященная памяти С. М. Кирова, переносилась с начала декабря, когда отмечалась очередная годовщина его гибели, также на ноябрьскую декаду для усиления эффекта пропаганды³⁵⁸. Агитаторы старались максимально использовать эффект всех возможных героических культов, как сложившихся в последние годы, так и новых, формировавшихся на ос-

³⁵⁷ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 143. Л. 145–145 об.

³⁵⁸ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 5. Д. 323. Л. 84.

нове актуализации и перелицовки фигур российской культурной памяти.

Как и в предвоенные годы, в преддверии 7 ноября Сибирь охватывало Предоктябрьское соцсоревнование, отражавшее теперь колоссальное напряжение сил оборонной промышленности. В 1941 г. положение СССР накануне главной памятной даты страны было критичным. Враг находился на подступах к Москве. От тружеников тыла требовалась максимальная мобилизация усилий для выполнения и перевыполнения производственных планов. Память о «героическом Октябре» в ходе соцсоревнования использовалась, прежде всего, для стимуляции тыловиков на производственные подвиги. Уже перед 7 ноября торжественно подводились достигнутые итоги и ставились новые производственные задачи. Широкое развертывание всесоюзного соцсоревнования в преддверии XXV годовщины Октября (1942 г.) было нацелено на повсеместное выполнение планов. При этом реально далеко не все планы выполнялись. В частности, из стенограмм выступлений первого секретаря Красноярского крайкома КПСС И. Г. Голубева по закрытым проводам следует, что планы хлебозаготовок в крае в период войны выполнялись чуть более чем на 50 %. В 1943 г. Голубев требовал исправить ситуацию к 7 ноября, но реально край сдал на 3,5 млн тонн зерна меньше нормы, несмотря на угрозы арестами саботажников³⁵⁹.

Вопреки газетным заверениям не все сибиряки верили в Победу, наблюдавшие за населением осведомители фиксировали различные страхи и тревоги, связанные с мощью немецкой армии. Некоторые открыто заявляли, что при удобном случае перейдут на сторону фашистов³⁶⁰. Документы военных лет содержат многочисленные свидетельства

³⁵⁹ ГАКК.Ф. П-26. Оп. 4. Д. 58. Л. 505; 507; 514.

³⁶⁰ ГАНО.Ф. П-4. Оп. 5. Д. 335. Л. 7.

о плохих условиях труда на оборонных предприятиях. Регулярно жаловались рабочие эвакуированных предприятий, где подчас отсутствовали самые элементарные бытовые условия. Люди, помнившие Первую мировую войну, сравнивали прошлую и нынешнюю ситуации, констатируя, что теперь стало гораздо хуже: слишком много работы, голодно, низкие заработки³⁶¹. Хотя рабочие были явно переутомлены, многие все-таки с энтузиазмом обещали выполнять и перевыполнять планы. Разумеется, далеко не все обещания и обязательства выполнялись, будучи лишь эмоциональным откликом трудящихся на пропаганду. Так, рабочие новосибирского завода «Большевик» обещали выполнить месячный план к 25 ноября, но уже через десять дней стало ясно, что они не справляются с этой задачей³⁶². Борьба с «болтунами» стала отдельной проблемой. Однако реакции «болтунов», как и ударников, добивавшихся реальных результатов, интересны сами по себе, как отклик на пропаганду.

Действенность праздничной пропаганды может, на наш взгляд, объясняться с точки зрения логики мифологического мышления, некоторые аспекты которого, по словам известного философа и этнолога М. Элиаде, «образуют важную составляющую часть самого человеческого существа»³⁶³. К тому же архаизация сознания и культурных практик является типичной в остро кризисных ситуациях. Практически в любой традиционной культуре огромное значение имеют мифы и ритуалы, связанные с представлением о необходимом обновлении мира в Новый год для его спасения от деградации. Праздничный новогодний ритуал призван «восстановить или утвердить мир на последующий год». М. Элиаде подчеркивал, что «при этом мир не только ста-

³⁶¹ Там же. Ф. П-22. Оп. 3. Д. 1206. Л. 187.

³⁶² Там же. Л. 4–5.

³⁶³ Элиаде М. Указ. соч.

новится обновленным и стабильным, он также освящается символическим присутствием Бессмертных»³⁶⁴.

В официальной советской мемориальной культуре годовщины «Великого октября» уже давно походили на традиционные новогодние торжества, поскольку отмечался еще один год новой «эры», начало которой «Краткий курс истории ВКП (б)» провозглашал, от 7 ноября 1917 г. Не совсем осознанная актуализация мотивов мифологических пластов культуры, происходившая на уровне пропаганды в условиях остро кризисной ситуации в стране, и связанных с ней эсхатологических страхов, видимо, отвечала потребностям населения Сибири. Большой традиционный праздник с подведением итогов ушедшего года, которое ассоциируется с древнейшими ритуалами сбора урожая, с «явлением» квазирелигиозной фигуры вождя, «говорившего» с народом, должен был несколько успокаивать и воодушевлять население, вселять в сердца тыловиков веру в Победу.

В 1941 г. и в последующие военные годы И. В. Сталин «являлся» 6 ноября на торжественное заседание Московского совета депутатов трудящихся и выступал с праздничной речью. Он поздравлял советский народ с годовщиной Октябрьской революции, традиционно характеризовал военные и экономические достижения СССР, как за весь послереволюционный период, так и за последний год, отмечал существовавшие трудности, ставил новые «боевые задачи» для армии и тыла. Сталинские речи отражали главные смыслы пропаганды и политики памяти. На местах, в частности в Сибири, организовывались коллективные слушания этих речей по радио в прямом эфире. Сталина «напряженно слушали» рабочие, инженеры и технологи на заводах, вождю внимали представители местных элит (партийное и советское начальство, руководители промышленных предприя-

³⁶⁴ Там же.

тий, артисты, ученые), специально собиравшиеся на ночные торжественные заседания.

Коллективные слушания речей Сталина по радио в ночь с 6 на 7 ноября заменили в годы войны вечера воспоминаний – коммеморативные мероприятия, традиция организации которых коренилась еще в дореволюционных праздничных практиках и получила значительное развитие с 1920-х гг. Участники этих вечеров, проходивших по рабочим клубам и учреждениям, вспоминали Октябрьскую революцию, Гражданскую войну и героев этого периода. В период Великой Отечественной войны данная практика прекратилась. В канун праздника лишь кое-где устраивались встречи жителей сибирских городов с участниками Великой Отечественной войны, прибывавшими с фронта и рассказывавшими о героических подвигах Красной армии³⁶⁵. Но акцент в преддверие праздника однозначно делался на речи вождя.

Поскольку Сталин выступал с предпраздничной речью в час, когда в Сибири была уже ночь, традиционные праздничные заседания местной администрации, которые до войны устраивались вечером 7 ноября, приходилось переносить: менялись и дата – с 7 на 6 ноября, и время – на более позднее. Создавалось ощущение, что в областных центрах Сибири представители местных элит заседали не просто одновременно, а *вместе с правительством*, стараясь полностью воспроизводить образец главного заседания страны в Колонном зале. Исключительность мероприятия подчеркивалась выбором места. Так, в 1942–1944 г. новосибирцы заседали в еще не открытом официально, хотя и построенном, самом большом театре страны – в театре оперы и балета.

На торжественных заседаниях присутствовали первые секретари обкомов и крайкомов ВКП (б), председатели об-

³⁶⁵ Работники искусства – к годовщине Октября // Сов. Сибирь. 1941. 4 нояб.

лисполкомов и крайисполкомов, а также их заместители, заведующие отделами облисполкомов и крайисполкомов, секретари горкомов партии, заведующие отделами горкомов, представители от горисполкомов, обкомов, крайкомов и горкомов комсомола, председатели горсоветов, начальники областных и краевых управлений НКВД, представители гормилиции, военкоматов, генералы, депутаты верховного совета, директора промышленных предприятий и секретари заводских парткомов, директора театров, заслуженные артисты, композиторы, писатели, профессура, ударники, герои СССР, главные редакторы и корреспонденты местных газет. План мероприятия был прописан по минутам. Торжественное заседание открывал председатель горисполкома. Следом заранее утвержденный народный или заслуженный артист объявлял состав почетного президиума, куда неизменно заочно выбирали И. В. Сталина и членов правительства. Программа мероприятия включала в себя доклад секретаря обкома (крайкома) партии, приветствия пионеров и школьников, зачитывание заранее составленного письма Сталину, трансляцию его доклада по радио и праздничный концерт³⁶⁶.

Речи секретарей обкомов (крайкомов) составлялись по шаблонам. Секретари должны были говорить о том, что страна встречает очередную годовщину Октября в особой военной обстановке, превратившись в «единый боевой лагерь». Далее приводилась официальная трактовка исторического значения революции, сводившаяся к мысли о том, что «благодаря революционному переустройству страны... наша Родина преодолела вековую отсталость, окрепла, усилилась настолько, что в состоянии бороться за свою независимость с любым врагом»³⁶⁷. Показательно, что из торже-

³⁶⁶ ГАНО. Ф. П-22. Оп. 3. Д. 1207. Л. 192–226; ГАКК. Ф. П-17. Оп. 1. Д. 833. Л. 1–16.

³⁶⁷ Там же. Д. 635. Л. 4–6.

ственных речей военных лет исчезло упоминание о крови героев Октября и Гражданской войны, пролитой за идеалы революции. Жертв «колчаковщины» на официальных мероприятиях в годы войны не вспоминали. В 1942 г. речь секретаря новосибирского обкома партии М. В. Кулагина началась призывом почтить память погибших в Великой Отечественной войне вставанием. Далее следовала краткая, формальная коммеморативная часть выступления, посвященная, главным образом, производственной тематике. Кулагин перечислял достижения пятилеток и говорил о том, что «Октябрьская социалистическая революция вывела нашу Родину на путь процветания и обеспечила ее технико-экономическую независимость»³⁶⁸.

Стандартные коллективные письма Сталину также содержали коммеморативные мысли. К примеру, в новосибирском письме 1942 г. говорилось: «Шестнадцать месяцев войны показали, что созданный Октябрьской революцией советский строй рабочих и крестьян, основанный на великой дружбе народов, является самым прочным строем в мире...»³⁶⁹. Сложно понять чувства людей, писавших, принимавших и отправлявших вождю эти высокопарные послания. Источники не отражают комментариев сибиряков. Однако мы можем полагать, что с одной стороны, письма были лишь элементом официозной церемонии, скучной и затянутой. Но неточное исполнение церемонии прочтения, принятия и отправки писем было наказуемо. Поэтому письма, каким бы нелепым ни был стандарт их составления, неизменно готовили заранее, публично зачитывали и отправляли кремлевскому адресату. С другой стороны, в условиях войны население очевидно нуждалось в консолидирующих ритуалах, в текстах, укреплявших веру в Победу, в иллюзии

³⁶⁸ ГАНО. Ф. П-22. Оп. 3. Д. 1207. Л. 225.

³⁶⁹ Там же. Л. 248.

личной, живой коммуникации с вождем. Поэтому письма могли восприниматься со вполне искренними «верноподданническими» чувствами.

Глубокой ночью, после коллективного слушания речи вождя, в которой повторялись мысли, уже кратко озвученные местными докладчиками, начинался концерт. Приведем красноярский пример концертной программы 1943 г. Большинство номеров было музыкальными: звучали песни о Сталине и украинские народные песни, исполнявшиеся хором, а также фрагмент баллады «Александр Невский», озаглавленный в программе как «Слово Александра Невского перед Ледовым побоищем» (сл. Б. Липатова, муз. Е. И. Русинова). Номеров, посвященных теме революции и Гражданской войны, в программе не было³⁷⁰.

В 1941 г., когда методика работы с речами вождя в условиях военного времени еще не была практически отработана, членам Новосибирского горкома партии пришлось провести экстренное ночное совещание с секретарями райкомов, чтобы успеть дать указания, касавшиеся того, как разъяснять населению содержание речи Сталина 7 ноября и в последующие дни (8 и 9 ноября). Для «глубокого изучения» речи вождя требовалось организовать серию митингов, собраний женщин и молодежи, устроить публичные читки газет, лекции, занятия в кружках, даже выставки³⁷¹.

7 ноября речь Сталина уже была опубликована на первой полосе каждой местной газеты. В последующие дни во всех учреждениях и на предприятиях агитаторы, используя газетные публикации, объясняли населению, прежде всего, новые производственные задачи, поставленные вождем. Предполагалось, что усвоить и принять как руководство к действию содержание сталинских речей обязан каждый.

³⁷⁰ ГАКК. Ф. П-17. Оп. 1. Д. 833. Л. 12.

³⁷¹ ГАНО. Ф. П-22. Оп. 3. Д. 1078. Л. 10.

А уже 8 ноября секретари райкомов отчитывались перед горкомаами о результатах агитационной работы. Каждый сообщал о том, какое количество рабочих взяло на себя обязательство о перевыполнении производственных планов. Многие могли с гордостью сообщать, что на вверенных им участках работы звучали обещания перевыполнять планы на 200, 250 и даже на 400%³⁷². Некоторые реальные достижения сибирских стахановцев поражают. На новосибирском авиационном заводе им. В. П. Чкалова ударниками достигалось перевыполнение плана даже на 1000%³⁷³.

Основные торжества проходили в городах Сибири, как и до войны, 7 ноября. Хотя в существовавших условиях приходилось на многом экономить, траты на праздничный декор и визуальную пропаганду считались необходимыми. Сохранилось описание праздничного декора центральной площади Новосибирска в 1942 г., подготовленного к XXV годовщине Октября. Здание Сибкрайсоюза украшалось портретами вождей. Визуальный акцент был сделан на фигуре Сталина – «творца социалистического общества и сталинской конституции, великого полководца Отечественной войны советского народа». Изображение сопровождалось подписью: «Все наши силы на поддержку нашей героической армии, нашего славного красного флота!». Вторым по значению было изображение Ленина на трибуне, которое сопровождалось подписью-цитатой из речи Сталина: «Дух великого Ленина, его победоносное знамя вдохновляет нас теперь на Отечественную войну». В праздничном оформлении присутствовали и изображения бойцов Гражданской войны – на здании госпиталя. Другие здания площади также украшались. Однако все прочие праздничные панно практически не имели коммеморативного смысла, отражая темы

³⁷² Там же. Л. 4.

³⁷³ Там же. Д. 1206. Л. 18.

тыла Отечественной войны, борьбы с врагом и героизма фронтовиков³⁷⁴.

В сибирских городах продолжали устраивать парады и демонстрации. Незадолго до Октябрьских торжеств в газетах публиковали однотипные планы движения колонн демонстрантов. Эти публикации имели прикладное значение и служили упорядочиванию шествия. Из газет видно, что маршруты демонстрантов оставались неизменными. Их конечной целью являлась главная площадь города, где устраивался митинг. Печать дает многочисленные описания демонстраций и военных парадов в городах Сибири. Большое внимание уделялось уличным мероприятиям.

В сибирских архивах сохранились стенограммы речей, звучавших на митингах, которыми заканчивались демонстрации. Примеры таких записей показывают наличие в этих речах коммеморативных разделов. Впрочем, слова и мысли, обращенные к революционному прошлому, были незамысловаты и предсказуемы, к примеру: «Вспомним, как молодая, разоренная, плохо вооруженная республика наша громила полчища белогвардейцев и интервентов... Мы победили потому, что нами руководила великая партия Ленина-Сталина. Вспоминая об этих годах, еще больше проникаемся уверенностью в нашей победе над гитлеровскими разбойничьими полчищами...»³⁷⁵. Новых идеологических формулировок коммеморативного характера не появлялось вплоть до 1945 г.

В канун Октябрьских торжеств 1945 г. политические настроения сибиряков были различными. Население ощущало не только радость Победы, но и высказывало недовольство многими обстоятельствами. Победивший народ явно устал от трудовых подвигов. Однако, поставленные правительством

³⁷⁴ ГАНО. Ф. П-22. Оп. 3. Д. 1207. Л. 183–187.

³⁷⁵ Там же. Л. 230.

задачи восстановления экономики после войны по-прежнему предполагали перенапряжение производственных сил сибиряков. Радость победы вызывала новый подъем трудового энтузиазма, но подобные умонастроения были свойственны далеко не всем. Рабочие эвакуированных предприятий требовали, чтобы им разрешили вернуться домой, проклиная Сибирь, как место ссылки. Другие просили отпусков, установления восьмичасового рабочего дня, многие попросту увольнялись³⁷⁶. Поэтому Октябрьские торжества и в 1945 г. были вновь ориентированы на цели трудовой мобилизации.

Как мы уже отмечали, в довоенные годы 7 ноября населению городов Сибири обычно предлагалась насыщенная зрелищная программа. Эта традиция не прервалась и в военный период. Тем более, что в Сибирь эвакуировались столичные театральные труппы и музыкальные коллективы. В 1941 г. накануне праздника газеты Новосибирска анонсировали выступления артистов Ленинградской филармонии, джазового оркестра под руководством Л. Утесова, комедийных спектаклей ленинградского ТЮЗа. Эти зрелища были ориентированы на то, чтобы поднять «боевой дух» тружеников тыла, украсить их тяжелые будни, отвлечь от переживаний. Также в год начала войны перед праздником были организованы показы довоенных кинолент, ориентированных на массового зрителя: «Ленин в Октябре», «Ленин в 1918 г.», «Оборона Царицына», «Человек с ружьем», «Выборгская сторона», «Александр Невский», «Минин и Пожарский», «Суворов», «Чапаев», «Щорс»³⁷⁷.

Рассказами о героических подвигах полководцев прошлого в преддверии 7 ноября пестрели и сибирские газеты³⁷⁸.

³⁷⁶ ГАНО. Ф. П-22. Оп. 3. Д. 1694. Л. 45–48; Там же. Д. 1698. Л. 26–26 об.

³⁷⁷ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 143. Л. 146.

³⁷⁸ *Бахрушин С.* Минин и Пожарский // Восточно-Сибирская правда. 1943. 3 окт.; Тихомиров М. Дмитрий Донской // Восточно-Сибирская правда. 1943. 4 окт.

Актуализированные в период войны, героические фигуры русской культурной памяти активно и действенно использовались на уровне пропаганды. Эта тенденция усиливалась с 1943 г., что было связано с акцентом пропаганды на противопоставлении русского всему немецкому, как вражескому. В результате и много лет спустя после войны сибиряки вспоминали типичные для военных лет рифмовки и куплеты. В мемуарах иркутянки А. П. Гавриловой приводится сюжет о письмах пионеров, адресованных солдатам. По словам мемуаристки, дети писали: «Часто рассказываем стих, сочиненный про вас: «Бьёмся мы гордо, бьёмся отчаянно, внуки Суворова, дети Чапаева»³⁷⁹. В действительности это четверостишие сочинили не пионеры, а поэт С. Я. Маршак. Оно было взято с популярного военного плаката Кукрыниксов. В памяти мемуаристки отложился не совсем точный плакатный текст. В оригинале звучало: «Бьёмся мы здорово, колем отчаянно – внуки Суворова, дети Чапаева».

В последующие годы 6–8 ноября в кинотеатрах показывали как свежие фильмы на темы текущей войны и революционного содержания, так и фильмы прошлых лет, связанные с темой Октябрьской революции. К примеру, в Новосибирске в 1944 г. кинотеатр им. В. В. Маяковского приглашал зрителей на фильм Л. Арнштама «Зоя» о героически погибшей юной партизанке Зое Космодемьянской, кинотеатр «Октябрь» – на фильм М. Ромма «Ленин в Октябре», «Металлист» – на новую картину А. Файнцимера «Котовский»³⁸⁰. Показательно, что 7 ноября 1945 г. кинотеатры демонстрировали картины на военные темы. Однако фильмов и спектаклей об Октябрьской революции и Гражданской войне в репертуаре почти не было.

³⁷⁹ ГАНИИО. Ф. 393. Оп. 6. Д. 37. Л. 9.

³⁸⁰ [Объявления] // Сов. Сибирь. 1944. 6 нояб.

Глава 3

РЕЦЕПЦИЯ ОКТЯБРЬСКИХ ТОРЖЕСТВ

3.1. «Нам нет дела до ваших демонстраций!»: восприятие Октябрьских торжеств жителями сибирских городов

Как мы убедились в предыдущих разделах, неопубликованные документы и газетная периодика дают возможность представить празднования годовщин Октября в Сибири: увидеть их организаторов, вообразить последовательность мероприятий, понять их идеологический смысл. Сложнее обнаружить реакции населения на эти масштабные торжества. Периодическая печать Сибири неизменно фиксировала единодушие и энтузиазм масс трудящихся в Октябрьские дни. Газеты описывали стройные ряды демонстрантов, их «бодрость и силу», «бывшую ключом радость от одержанных побед», «любовь и преданность Родине». Однако сохранившиеся документальные источники, позволяют узнать рецепцию торжеств и с изнаночной стороны.

Разумеется, нельзя верить во всеобщий восторг от торжеств, который ежегодно описывали газеты. Значительная часть населения воспринимала праздник скептически, особенно в начале 1920-х гг. Это подтверждается множеством фактов. К примеру, в письмах красноармейцев, тщательно вычитывавшихся военной цензурой, нередко фиксировалось недоверие коммунистам и негативное отношение к празднику. Так, после торжества в Омске один из солдат писал: «Как вы там встретили праздник? У нас солдаты спектакль поставили, в часовне на место креста воткнули флаг. Теперь там форменный дом терпимости или просто бардак. Б... дей набирается! Хоть еще десять лет война будет – им ничего»³⁸¹. Звучит в этом отрывке из письма осу-

³⁸¹ ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 29. Л. 35.

ждение или насмешка – не очень понятно, однако очевидно, что к празднику выражено негативное отношение, отнюдь не восторженное. Звучали также критичные оценки в адрес эстетики торжеств, их организации: «У омских организаторов совсем нет никакого вкуса, все тут к черту годятся, город так украшен, что хуже не надо. Оратор говорил только один с балкона театра. Было страшно неорганизованно»³⁸². Со временем качество подготовки праздников повышалось, но недовольные всегда находились.

В начале 1920-х гг. на праздник было еще трудно собрать народ, решить организационные проблемы. Сами агитаторы часто не имели необходимого опыта. Яркие примеры неудачных митингов 1920 г. отражают отчеты иркутских агитаторов. К примеру, Бородин, который должен был выступить в госпитале, зафиксировал в своем отчете: «Прибыв в госпиталь, мы узнали, что о предполагаемом митинге там никто ничего не знает, из ком. ячейки никого нет, политрука нет. Больные ужинают, готовятся спать...». Бородину пришлось уехать, так и не выступив перед пациентами. На другой площадке этому агитатору вновь не повезло: к моменту его прибытия митинг уже состоялся, народ расходился. Он принял решение выступить вечером, когда рабочие начнут собираться к спектаклю. Но и здесь не обошлось без непредвиденных обстоятельств: явилось слишком много зрителей, большую часть собравшихся в зал не пустили. Лишь когда смолкли возмущения недовольных, Бородин смог зачитать доклад перед публикой³⁸³.

Агитатор Померанцева объясняла неудачу своего выступления тем, что собравшиеся пришли прежде всего на спектакль и отвлекались на покупку билетов, не проявляя внимания к ее докладу³⁸⁴. Один из агитаторов получил за-

³⁸² Там же.

³⁸³ Там же. Л. 172–175.

³⁸⁴ ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 29. Л. 183.

дание выступить перед мусульманами, однако столкнулся с проблемой непонимания собравшимися доклада на русском языке³⁸⁵.

Еще хуже дело обстояло в деревенских окрестностях Иркутска. Крестьяне не желали идти на митинг. Агитаторам удалось собрать небольшую группу, лишь сказав местным жителям, что мероприятие будет посвящено продрозверстке. Крестьяне не проявили интереса к содержанию митинга, никто не задавал вопросов, как выяснилось позже, из-за боязни арестов³⁸⁶. Одновременно некоторые агитаторы в 1920 г. уже демонстрировали умение представлять формально-благополучные, складно сочиненные отчеты. Так, агитатор Бетонов докладывал: «В 6 часов вечера депо переполнены. С глубоким вниманием слушает докладчика рабочая аудитория. Шаг за шагом ведет докладчик рабочую массу по пути трехлетия советской власти. Не чувствуется усталости...»³⁸⁷.

Более тщательная подготовка агитаторов в последующие годы давала положительные результаты. Уже в 1922 г. красноярцы могли констатировать массовость мероприятий, «запруженность» улиц народом и «подъем» народного энтузиазма, превысивший первомайский³⁸⁸. В первой половине 1920-х гг. печать информировала читателей о том, что к уличным торжествам не допускались «посторонние». В 1924 г. «Власть труда» сообщала, что людей «спекулянтско-харбинской внешности» детдомовцы оттесняли от трибуны³⁸⁹. Годом позже уже говорилось, что неорганизованных и праздных обывателей оттесняла конная милиция. «Красноярский рабочий» свидетельствовал, что перед на-

³⁸⁵ Там же. Л. 185.

³⁸⁶ Там же. Л. 194.

³⁸⁷ ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 415. Л. 163.

³⁸⁸ ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 382. Л. 131.

³⁸⁹ Седьмой Октябрь // Власть труда. 1924. 9 нояб.

чалом массовых уличных торжеств в 1924 г. с площади Революции спешно уходил священник, явно лишний на этом празднике. Однако сообщалось, что «и посторонней публики набралось на площади немало», любопытные подростки «прорывали заграждение»³⁹⁰.

Можно отметить, что в начале 1920-х гг. отдельные социальные группы реагировали на Октябрьские коммеморации в целом позитивно. Этому способствовали различные факторы: воспроизведение ритуалов поминовения погибших товарищей, память о которых была еще свежа и болезненна, материальные поощрения передовиков производства ценными подарками, организация семейных вечеров с угощением. Нельзя дать однозначной оценки, однако возможно признать положительной тенденцию восприятия официальных мероприятий, связанных с годовщинами Октябрьской революции, среди красноярских рабочих-железнодорожников, организовывавших особенно массовые собрания и торжества.

При этом сводки о политических настроениях, составлявшиеся во второй половине 1920-х гг., отразили недовольство рабочих экономической и социальной политикой большевиков. В частности, были зафиксированы высказывания рабочих, отражавшие их веру в революцию, как в собственное «завоевание». Выходит, пропаганда лишь частично достигала цели. Трудящиеся могли усваивать мысль о решающей роли рабочего класса в революционной борьбе и веру в идеалы пролетарской революции, но не соглашались с текущими действиями властей и, более того, воспринимать их как несправедливые по отношению к «героическому классу», заслуживающему поощрений.

Ситуация в пригородах и деревнях в конце 1920-х гг. была еще сложнее. Случалось, что крестьяне принципи-

³⁹⁰ На площади революции // Красноярский рабочий. 1924. 9 нояб.

ально игнорировали Октябрьские торжества, не признавая 7 ноября за настоящий праздник. В 1928 г. из Иркутска приехали агитаторы в село Бархатово. Неприятности начались с того, что они никого не застали в сельсовете. При этом в каждом доме селяне праздновали, о чем свидетельствовали песни, слышные и на улице. Оказалось, что отмечалась не годовщина революции, а «Казанская – престольный праздник». Только в школе накануне праздника учителя совместно с театральным кружком готовили революционную постановку. Агитаторы предложили учителям объединить усилия и выступить с манифестацией и докладами перед школьной постановкой 7 ноября. Однако педагоги не выразили энтузиазма, сообщив, что на праздник мало кто явится. Лишь утром 7 ноября агитатору удалось найти председателя сельсовета и потребовать от него собрать людей на празднование годовщины революции. В итоге собрались лишь дети, женщины и подростки. Торжественное заседание с участием председателя сельсовета, представителей райкома ВКП (б), шефа кредитного товарищества, батрачка и учителей прошло вяло, крестьяне торопились уйти. В заключение присутствовавшая «кулачка» потребовала от агитаторов, как от представителей власти, объяснить ей, почему ее сыну не разрешили бесплатно учиться и почему повысились налоги.

В середине 1920-х гг. организаторы демонстраций неоднократно обращали внимание населения на необходимость совершенствования «культуры демонстраций». Очевидно, что их массовость обеспечивалась не только за счет добровольного участия рабочих в шествиях, но и за счет принуждения. Перспектива участвовать в демонстрациях многих отпугивала. В 1925 г. на омскую демонстрацию 7 ноября явилась лишь половина запланированных участников шествия. Многие воспринимали демонстрацию как «обяза-

ловку», сбегали, не дойдя до конца, кое-кто говорил: «А ну их к черту с их праздником, пошел домой». Некоторые покидали торжество, как только начинался скучный для них митинг, тем более что речи агитаторов было плохо слышно. Печать объясняла, что демонстрация должна отражать праздничный исторический день и закреплять революционные завоевания масс, но по факту она едва ли добивалась этих целей³⁹¹. В демонстрациях отказывались участвовать преподаватели вузов и рабочие частных предприятий, заявляя: «Нам нет дела до ваших демонстраций». Отмечалась и несерьезность отношения к содержательной стороне праздника. Многие демонстранты, идя в колоннах, обсуждали грядущее застолье, прикидывали, «хватит ли водки и закуски»³⁹².

Источники отражают также неоднозначное восприятие отдельных коммеморативных элементов торжеств. К примеру, относительно масштабной омской инсценировки 1925 г. прозвучало немало осуждающих высказываний. Инсценировка действительно вызвала массовое столпотворение. Среди собравшихся преобладали молодежь и люди среднего возраста. Однако случайно оказались здесь и те, кто совершенно не желал смотреть постановку. Сами постановщики «Взятия Зимнего дворца» запомнили женщину, сетовавшую на то, что сквозь эту толпу невозможно протиснуться, а дома ее ждет голодный ребенок. Также звучало много критических замечаний о бесполезной трате денег на инсценировку. Старики ворчали: «Не позаботились нам повышенную пенсию дать, а вот тратят порох, который стоит наших денег»; «Лучше бы потратили деньги на матпомощь безработным, меньше было бы проституток»; «Лучше тратить деньги на армию и беспризорников». Выражались

³⁹¹ *Пикуров Н.* Культура демонстраций // Рабочий путь. 1926. 27 апр.

³⁹² ИАОО. Ф. П-7. Оп. 1. Д. 204. Л. 3.

и мнения совершенно «контрреволюционные», к примеру: «Как бы через год-другой не пришлось смотреть нам инсценировку о падении большевиков»³⁹³. Такие высказывания были ожидаемы в бывшей «столице колчаковщины».

Безусловно, власть настораживали подобные реакции на торжества. Видимо, отчасти поэтому в дальнейшем формы торжеств и коммемораций становились все более стандартными и однозначными, их организаторы стремились к большей управляемости, акцент делался не на воспоминаниях о прошлом, которые могли восприниматься неоднозначно, а на экономических и социальных достижениях современности и на обещаниях экономического процветания в будущем.

Неоднозначно воспринимались и карнавалы. Подчас праздничный карнавал вызывал насмешки. В Омске в 1925 г. организаторами торжеств было зафиксировано высказывание сотрудника «Сибсельхозсоюза»: «Нынче большевики поубавили дурости, а то нарядят чучел буржуев и попов и носят по городу, как маленькие ребятишки»³⁹⁴.

Десятилетие Октябрьской революции обернулось для Сталина эксцессом в Москве и Ленинграде – выступлением троцкистов. В обеих столицах были разогнаны троцкистские «контрдемонстрации». Их участники использовали ленинские цитаты для обоснования своей политической позиции. За разгоном демонстраций последовали высылки троцкистов в Сибирь. Однако в самой Сибири организованных выступлений троцкистов в 1927 г. не случилось. При этом, разумеется, сочувствующие сталинской оппозиции, воспринимавшие 7 ноября как *свой* праздник, в Сибири были.

Современниками отмечался тот факт, что уже в начале 1930-х гг. праздник Октября многими стал восприниматься

³⁹³ Там же. Л. 2–3.

³⁹⁴ Там же. Л. 3 об.

«как обыденное явление: пришли, посидели на заседании, попили чай, потанцевали, и всё»³⁹⁵. К Октябрьским торжествам народ начинал привыкать. Уровень жизни в эти годы был выше, чем в начале 1920-х гг., когда достать красную материю для декорирования и отопить помещение для торжественного вечера было трудно, когда не было возможности угощать собравшихся, а само торжество в идеале воспринималось серьезно, не как время для отдыха. Теперь же, несмотря на помпезность и официоз, для большинства происходило дальнейшее «обмирщение» торжеств, которые уже были встроены в привычный для народа календарь.

Документы, относящиеся к 1930-м гг., позволяют судить о некоторых организационных и бытовых проблемах проведения Октябрьских торжеств, которые неизбежно отвлекали собравшихся от основной темы мероприятия. Это – теснота клубных помещений, «хождения» и шум в зале, алкоголь и пьяные драки. В 1931 г. художественная часть праздника, устроенного в одном из томских вузов, привлекла такое количество желающих насладиться зрелищем, что возникла настоящая давка. Пожарный, которому было поручено следить за порядком, разогнал «давившихся» студентов и рабфаковцев струей воды из пожарного рукава. История этого «торжества» окончилась судебным разбирательством. Когда партийное руководство призвало к ответу за пьянство пролетариев в революционный праздник, те разводили руками со словами: «Почему была пьянка? Потому, что рабочий класс пьет, а вы не пьете?»³⁹⁶.

Среди иркутян звучали прозаические оценки дня 7 ноября: «Эти праздники все население ждет потому, что магазины выбрасывают товары, дают зарплату и рабочие проводят эти дни в пьянстве»³⁹⁷. На «ноябрьскую» пьян-

³⁹⁵ Там же. Ф. П-80. Оп. 1. Д. 121. Л. 44.

³⁹⁶ ЦДНИТО. Ф. 80. Оп. 1. Д. 121. Л. 35–45.

³⁹⁷ ИАОО. Ф.123. Оп. 15. Д. 334. Л. 263.

ствовали и организаторы торжеств. Так, председателя управления Восточно-Сибирской железной дороги соратники обвинили в том, что накануне праздника он напился и сорвал подготовку. В итоге на торжественное собрание железнодорожников явилось только 30 % рабочих. 7 ноября неизбежно дебоширили нетрезвые трудящиеся. Подчас доходило до драк и даже убийств³⁹⁸. Алкоголь развязывал языки. В итоге только в 1935 г. в Восточно-Сибирском крае было арестовано 72 человека за антисоветскую пропаганду в праздничные дни³⁹⁹.

В середине 1930-х гг. участие городских жителей в Октябрьских торжествах рассматривалось властями как обязательное. Однако население нередко демонстрировало пренебрежение к праздничным коммеморациям. Очевидное недовольство внутренней политикой и экономической ситуацией отражалось на желании масс участвовать в демонстрациях, на их восприятии «как повинности». В 1935 г. ожидалось, что на демонстрацию в Иркутске выйдет около 50 тысяч человек, фактически в ней приняло участие не более 20 тысяч. В наилучшем случае от коллектива являлось 75 % трудящихся, в худшем – не более 45 %.

Рабочие демонстрировали равнодушие, даже пренебрежение к политической символической. После 7 ноября партийные органы получали информации, в которых содержались сведения, о том, что, к примеру, кто-то из рабочих, неся бюст вождя, ругал его матом. Одна из справок управления НКВД сообщала, что некто из участников демонстрации отказывался нести красный флажок, пытался отдать его идущим рядом, но и они флажок не брали. В итоге этот флажок упал и остался валяться на дороге, по нему прошли несколько рядов демонстрантов. Аналогичная ситуация сложилась с на-

³⁹⁸ Там же. Л. 260–264.

³⁹⁹ Там же. Л. 266.

градным переходящим красным знаменем, которое получил коллектив литографского цеха ОГИЗа. Никто не хотел нести это знамя. В итоге оно упало и какое-то время валялось на мостовой, пока его не поднял председатель профкома, очевидно опасавшийся санкций⁴⁰⁰. Эти примеры выглядят как антиподы шаблонного мотива дискурса пропаганды – красного знамени, уроненного в бою одним, смертельно раненым героем-жертвой, и поднятого другим героем, выжившим в бою и победившим.

Сводки свидетельствуют, что многие горожане воспринимали праздничную риторику как лживый поток пропаганды. Фиксировались высказывания: «Этот праздник не для нас, а для начальства и трепачей с длинными языками. Они говорить будут и премии получают, а рабочий постоит на площади и пойдет домой». Звучала и негромкая критика праздничной пропаганды стахановского движения, как призыва работать на износ.

7 ноября демонстранты, вместо того чтобы воодушевляться на борьбу за выполнение досрочных планов пятилеток, могли, идя в строю, рассказывать друг другу политические анекдоты. В иркутские сводки попал один из них: «Сталин придумывал, как дешевле и эффективнее провести праздник Октябрьской революции. Позвал своего секретаря и тот посоветовал ему застрелиться, мол это будет дешево, произведет много шума и рабочие будут довольны»⁴⁰¹.

Помпезные празднования 7 ноября в период Большого террора на всю жизнь остались в памяти тех, кто пострадал от репрессий, как мучительное моральное испытание. Воспоминания, собранные активистами общества «Мемориал», обнаруживают память о страхе показать на людях неверное отношение к празднику. В 1937 г. многим людям

⁴⁰⁰ ИАОО. Ф. 123. Оп. 15. Д. 334. Л. 260–263.

⁴⁰¹ ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 15. Д. 334. Л. 263.

приходилось изображать восторг по поводу 20-й годовщины Октября, скрывая собственные разочарование, страх и боль.

Например, жительница Новосибирска А.Т. Ильина вспоминала, что 5 ноября 1937 г. был арестован ее супруг, 6 ноября ее саму исключили из партии, а 7 ноября несчастная беременная женщина, на руках у которой осталась еще и малолетняя девочка, «была на демонстрации, стояла и пела песни». Ей приходилось имитировать праздничное настроение. Судя по рассказу, «иначе было нельзя», рабочие фабрики показывали на нее пальцем, рассказывая о том, что она оказалась женой врага народа, и осуждая ее. После пережитого позора женщина, остро чувствовавшая несправедливость и разочарование в партии, «не хотела жить, хотела покончить с собой и убить детей»⁴⁰². Двадцатилетие Октября стало для нее первым тяжелым испытанием в череде несчастий жены, а вскоре и вдовы «врага народа».

Однако показательно, что многие люди, разочарованные в вожде, проклинаявшие в застенках НКВД и лагерях Сталина и его окружение, даже в 1990-х гг. демонстрировали веру в светлые революционные идеалы. Так, новосибирец Г.М. Медведев, за плечами которого было 20 лет сталинских лагерей, писал: «Даже в условиях жесткого сталинизма люди, кажется, лишённые всех человеческих возможностей, умели находить силы, чтобы добросовестно работать и добиваться успехов. Они верили в идеи социализма и коммунизма, несли в душе ленинские идеи, они работали ради интересов Родины, не благодаря Сталину, а вопреки Сталину»⁴⁰³. Эта вера в революционные идеалы, несомненно, была воспитана в политруке Медведеве в годы его юности, пришедшейся на рубеж 1920–1930-х гг.

⁴⁰² ГАНО. Ф. Р-600. Оп. 1. Д. 168. Л. 4–5.

⁴⁰³ ГАНО. Ф. Р-600. Оп. 1. Д. 177. Л. 74.

В текстах воспоминаний репрессированных Октябрьская революция часто остается «Великой». Характерны и примеры таких мемуаров, где излагаются судьбы старых большевиков, самоотверженно служивших революции еще с 1905 г., не разочаровавшихся в Октябре, вокруг культа которого выстраивалась советская идентичность, но арестованных и «без вины расстрелянных в годы сталинщины»⁴⁰⁴.

Очевидно, что праздничные торжества сыграли важнейшую роль в сакрализации Октября. Даже лица, жестоко пострадавшие от большевистской репрессивной машины, часто не были склонны обобщать революцию, Гражданскую войну и террор 1930-х гг., не видели ничего общего между силовым захватом власти большевиками, советской контрреволюционной политикой начала 20-х гг. и террором второй половины 30-х гг. Даже для множества жертв сталинизма «Великий Октябрь» оставался символом восторжествовавшей социальной справедливости и исторического прогресса. С Октябрем ассоциировалось понятие «Родина», столь актуальное для консервативной идеологии второй половины 1930-х гг. В значительной степени именно Октябрь объединял в это противоречивое время юных пионеров и старых подпольщиков, признанных героев социалистического строительства и репрессированных, считавших себя честными коммунистами и не понимавших, в чем их вина.

При этом многие люди, уже пострадавшие от репрессивной машины к началу Великой Отечественной войны, окончательно теряли доверие к государству и пропаганде. Никакие Октябрьские торжества, устраивавшиеся в канун битвы за Москву, не вселяли им веры в победу. Дочь репрессированных родителей Н.Г. Бардина, сама попавшая под арест

⁴⁰⁴ Там же. Д. 87 и др.

в 1941 г., так описывала свое восприятие военной обстановки незадолго до 7 ноября: «В течение многих лет нас воспитывали в понятии, что воинская сила нашей страны крепнет из года в год. Мы были лишены самых необходимых жизненных вещей. Вся страна жила в коммунальных квартирах. Не только семья, но порою, два, а то и три поколения жили в одной комнате. В течение всех лет, сколько помню себя, мы выплачивали огромные суммы государственного займа для укрепления обороны страны. Заставляли подписываться на эти займы людей очень бедных, стоявших за чертой бедности. Отказ от «помощи государству» приравнивался к государственной измене. Никто даже не помышлял об отказе, иначе таких людей наказывали вплоть до тюрьмы. И вдруг теперь, когда наступил этот страшный час, оказывалось, что у нас нет никакой обороны, враг идет победоносным маршем по нашей земле, и вот уже занял полстраны. Несмотря на успокаивающий тон сводок с фронтов, нам становилось страшно. Впервые появилась у многих людей мысль о том, что нас обманывали в течение всей нашей жизни. Или неправильно использовали наши деньги, шли они вовсе не на оборону, так куда же? Вот такие вопросы задавали мы себе тогда. Теперь об этом нигде и услышать нельзя, как будто этого никогда и не было, а все только не сомневались, что «победа будет за нами». И слово «победа»-то тогда вовсе не произносилась. Конечно, вслух этого никто тогда не произносил – ведь совсем недавно минул тридцать седьмой год, но думали тогда так все. Как ни старалась пропаганда оправдать отступление, все видели истинное положение, да и с фронта появлялись военные, рассказывали одними главами»⁴⁰⁵.

⁴⁰⁵ Бардина Н.Г. Моя жизнь // Красноярское общество «Мемориал». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.memorial.krsk.ru/> (дата обращения: 22.08.2017).

3.2. «Бесконечная радость охватила сердца!»: Октябрьские торжества военных лет в зеркале газетной прессы Сибири

Источников, которые могли бы пролить свет на восприятие Октябрьских торжеств сибиряками в годы Великой Отечественной войны, сохранилось мало. Регулярные реакции на ежегодный праздник выдавала, как мы уже отметили, лишь периодическая печать. Эти обстоятельства послужили для нас основанием обратиться в завершении этого сочинения к специфике газетных репрезентаций Октябрьских торжеств в Сибири. Безусловно, выступая рупором пропаганды, периодическая печать отражала не реальное, а должное, политически корректное восприятие праздника, рисуя идеализированные картины народного единения. При этом мы все-таки не можем утверждать, что никто из сибиряков не верил пропаганде. Многие наши земляки действительно совершали трудовые подвиги и отправлялись добровольцами на фронт, следуя призывам агитаторов. В этом параграфе мы рассмотрим особенности газетного нарратива, связанного с празднованиями годовщин Октябрьской революции, попытавшись деконструировать его внутреннее устройство – механизм, стимулировавший сибиряков к участию в помощи фронту.

Мобилизационная нацеленность задавала специфику внутренней структуре газетных материалов, жанрам и языку публикаций. В изданиях доминировали сводки Совинформбюро и ТАСС, печатавшиеся на первой полосе. Крайне мало места выделялось для местных новостей. Публикации были однообразны в жанровом смысле (репортажи, заметки, редко очерки). Материал излагался кратко, в официально-деловом стиле. Эмоции, отраженные газетными материалами, строго соответствовали направленности пропаганды.

Особенности работы журналистов в военное время в некоторой степени проясняют документальные источники. Так, сохранились постановления обкомов ВКП (б), содержащие прямые указания газетчикам, вовлеченным в различные мобилизационные кампании. Типичным примером может послужить требование Иркутского обкома партии от 26 октября 1943 г. обязать редакторов газет широко освещать предоктябрьские соцсоревнования⁴⁰⁶.

Требования выполнять партийные предписания резко ограничивали свободу журналистов. Трудовые будни и профессиональные проблемы газетчиков в годы войны описаны в воспоминаниях иркутского журналиста С. М. Бройдо, работавшего в редакции «Восточно-Сибирской правды»⁴⁰⁷. Эти мемуары были созданы в 1970-х гг. Их автор не подвергал критике идеологическую составляющую в работе журналистов военного времени, расценивая служение целям пропаганды как норму.

Мемуарист свидетельствует, что в газеты попадала лишь незначительная часть материалов, поступавших в редакцию от читателей и собранных журналистами. Даже рассказы о трудовых подвигах сибиряков, которых было немало, редакторы сильно сокращали. В годы войны существовали жесткие нормы бумаги. С ноября 1941 г. «Восточно-Сибирская правда» стала выходить на двух полосах против четырех довоенных. Лишь в праздники она выходила в прежнем объеме. С первых дней войны редакция получала детальные установки по темам. От журналистов требовалась «высокая идейность», «непримиримость к недостаткам» и «правдивость». При этом в печать не должны были просачиваться сюжеты, отражавшие военную повседневность такой, как ее запомнили сибиряки, в частности журналист С. М. Бройдо.

⁴⁰⁶ ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 821. Л. 3 об.

⁴⁰⁷ Там же. Ф. 393. Оп. 6. Д. 34.

В своих мемуарах он описывает недоедание сибиряков, изможденных трудом женщин, детей, плакавших от усталости у станков на военных заводах, бесконечные очереди за хлебом, перебои со светом, ненормированные рабочие дни, проблемы с радиосвязью...

Важным ключом к пониманию газетных описаний праздников является охарактеризованная этим мемуаристом кадровая ситуация в редакции. Многие журналисты были мобилизованы на фронт. Им на смену приходили новички, не имевшие профессионального опыта. По мнению Бройдо, эта молодежь, как и начинающие журналисты 1920-х гг., в своем большинстве не умела писать, но была готова к большим нагрузкам и свято верила в советские идеалы. Так или иначе, обстоятельство «обучения» по образцам старых публикаций в иркутской газете «Власть труда» во многом объясняет шаблонность текстов военных лет. Еще одним образцом для подражания служила газета «Правда». Важно и то, что, по воспоминаниям Бройдо, «самодеятельность» в работе журналиста не допускалась. Любой материал проходил коллективный разбор, нацеленный на его подгон под единые стандарты.

В связи с годовщинами Октябрьской революции в газетах публиковались разнообразные материалы. 7 ноября на первой полосе любой региональной городской газеты перепечатывался текст праздничной речи И.В. Сталина (В.М. Молотова в 1945 г.), отражавший главные смыслы пропаганды и политики памяти. Наиболее значительные цитаты речей вождя печатались отдельно в виде лозунгов 7 ноября и в последующие дни. Некоторые лозунги, соответствовавшие общему смыслу доклада Сталина, появлялись в печати уже в предпраздничные дни.

Печать каждый раз акцентировала, что праздничные доклады Сталина, делавшиеся им ежегодно 6 ноября на

торжественных заседаниях Московского совета депутатов трудящихся, рабочие Сибири «слушали с напряжением» по радио в прямом эфире. Неизменно отмечалось и то, что во всех учреждениях и на предприятиях агитаторы, используя газетные публикации, вели работу над «глубоким изучением» этих докладов, разъясняя населению новые производственные задачи, поставленные вождем. Сложно судить о реальном качестве этого «изучения»: газеты никогда не высказывали критики на этот счет.

Далее рассмотрим публикации, посвящённые празднованиям годовщин Октябрьской революции в Сибири, которые имели нарративный характер. С конца октября до 7 ноября в газетах появлялись заметки и небольшие репортажи (в один-два абзаца) о подготовке к празднику на предприятиях и в отдельно взятых учреждениях, о предварительных итогах социалистических соревнований, приуроченных к Октябрю, отмечались трудовые успехи. Остановимся на нарративных особенностях подобных публикаций. Основная суть сообщения, его привязка ко времени и месту формулировались в заголовке. Далее кратко говорилось о том, как проходит подготовка к празднику, подчеркивались производственные достижения. В конце сообщалось о всеобщем оптимизме, вере в грядущую победу, о готовности к самоотверженному труду. Обратим внимание на специфику предпраздничных публикаций, присущих именно военному времени. Газеты обычно уделяли внимание подготовке к празднику в детских учреждениях, подчеркивая, что дети, как и взрослые, верят в победу и оказывают родителям моральную поддержку. Продолжая довоенную традицию, печать информировала сибиряков о готовившихся к празднику зрелищных мероприятиях.

Если в 1930-х гг. в основном печатались заметки об украшении городов к празднику, то в годы войны подобные

материалы исчезли из газет, что было обусловлено дефицитом газетной бумаги и невозможностью отвлекаться на второстепенные темы. Также исчезли репортажи о стандартных для довоенных десятилетий предпраздничных вечерах воспоминаний о революции и Гражданской войне, которые действительно перестали устраивать.

В первом номере газеты, выходявшем после праздничных дней (обычно 10 ноября), содержались однотипные репортажи о торжественном заседании горсовета, о военном параде и демонстрации. Отдельные публикации освещали агитационно-пропагандистскую работу с праздничными докладами Сталина в трудовых коллективах после 7 ноября. Все эти материалы размещались как вторичные по отношению к репортажам, посвященным празднику в Москве, и по сути повторяли их содержание. Повторы были обусловлены неумением и невозможностью писать по-своему, оригинально. Но, как нам представляется, они также давали полезный с точки зрения пропаганды эффект, способствуя утверждению газетчиками консолидации советского народа по всей стране.

Очевидны контуры шаблонов описания торжественных заседаний и массовых уличных торжеств. Главное праздничное заседание страны обычно устраивалось в Москве, в Колонном зале. Сибиряки узнавали об этом ежегодном событии прежде всего из региональных газет. Обычно сообщалось, что на таком заседании присутствовали: вождь, Ставка Верховного Главнокомандования и члены правительства. Газетные же публикации позволяют увидеть то, что в областных центрах Сибири местные партийные лидеры и управленцы старались воспроизводить столичные образцы праздничных мероприятий. Тексты о заседаниях, написанные разными журналистами в разных городах и в разные годы, практически одинаковы, практически каноничны.

Сложившийся нарратив нетрудно деконструировать. Типичный репортаж не содержал никаких вводных фраз о сути произошедшего события. Эта суть выносилась в заголовок (к примеру, «Торжественное заседание в театре им. А. С. Пушкина»⁴⁰⁸). Далее сразу сообщалось, какого числа и в каком помещении проходило заседание, кто на нем присутствовал, какой по счету годовщине Октября посвящалось заседание. Иногда описывался праздничный декор помещения. После этого кратко излагалась последовательность действий: сообщалось, кто открывал заседание, была ли минута молчания и чьей памяти она посвящалась. Показательно, что на торжественных заседаниях обычно поминали бойцов, павших на фронтах Великой Отечественной войны, но уже вовсе не вспоминали о героях и жертвах революции и Гражданской войны в Сибири, что было типично для прошлых лет. Обязательно назывался состав президиума, описывалось избрание в почетный президиум «под бурные аплодисменты» И. В. Сталина и членов правительства. Сообщалось о докладе секретаря обкома ВКП (б), посвященном очередной годовщине революции, кратко излагалось содержание доклада. Передавался оптимизм докладчика, обычно сообщавшего о преодоленных трудностях и грядущей победе, воспроизводились озвученные им задачи по обеспечению фронта сибирским продовольствием и вооружением. Стандартно описывались эмоции собравшихся, как воодушевление, единодушие, «бесконечная радость».

В подобном описании содержалась оценка смысла мероприятия и его мобилизационного значения. Репортаж стандартно свидетельствовал о достигнутой консолидации, о непоколебимой вере участников мероприятия в победу, об их готовности рудиться изо всех сил. В конце сообщалось

⁴⁰⁸ Торжественное заседание в театре им. А. С. Пушкина // Красноярский рабочий. 1943. 7 нояб.

о коллективном составлении письма Сталину и письма на фронт. Если мероприятие завершилось концертом, говорилось и об этом, но содержание концерта не раскрывалось, видимо во избежание создания впечатления «пира во время чумы». В завершении репортажа отсутствовало возвращение к революционной теме, которая в тексте практически не упоминалась.

Иногда репортажи содержали нетипичные дополнения. Именно из них можно узнать, что нового и оригинального все-таки происходило на заседаниях в сибирских городах. К примеру, становится ясным, что торжественные заседания устраивались ночью.

Описание демонстраций и военных парадов в газетных репортажах также отвечало шаблонам. Как и в довоенные годы, репортаж начинался описанием погодных условий. Обычно отмечалось, что 7 ноября было холодно (ветрено, снежно), но это не помешало массовым уличным мероприятиям, в которых приняли участие десятки тысяч горожан. Большое внимание уделялось параду, описанию шествия доблестных воинов, готовых отправиться на фронт и уже вернувшихся. Стандартно характеризовалась последовательность шествия колонн, которая соответствовала публиковавшемуся 4–5 ноября плану демонстрации. Обычно подчеркивалось, что демонстрацию открывали дети. Кратко сообщалось о митинге на центральной городской площади. Приводились основные тезисы из речей выступавших. При этом опускались фразы, имевшие отношение к революционной тематике, акцент делался на частных успехах и победах в текущей войне. Из репортажей подобного рода также известно, что в годы войны некоторые предприятия Сибири отказывались от участия в демонстрациях и продолжали работать 7 ноября, максимально мобилизуя силы для помощи фронту.

Отдельного внимания заслуживают описания парадов и демонстраций 7 ноября 1945 г. Все газеты Сибири преподносили эти уличные торжества как особенно грандиозные и долгожданные. Так, «Советская Сибирь» вещала: «Мы все ждали этого четыре года. Мы знали, что он будет! Первый праздник Великого Октября после победы!»⁴⁰⁹. «Алтайская правда» назвала праздничную демонстрацию «демонстрацией преданности великому делу Ленина и Сталина»⁴¹⁰. В этой публикации подчеркивалась преемственность между завоеваниями Октябрьской революции и Великой Победой: «В жестоких схватках мы отстояли завоеванные кровью наших отцов свободу нашу, счастье наше». В печати воспроизводились слова В. М. Молотова о том, что народ воевал за государство, созданное Октябрьской революцией. Победу в Великой Отечественной войне газеты преподносили как доказательство того, что новое поколение советских людей достойно памяти поколения отцов, основавших справедливый социалистический мир, во всем превосходящий капиталистический. Неоднократно подчеркивалось, что «Россия в который раз спасла Европу от варваров». Описание торжеств в Сибири содержало формулировки о «колоннах демонстрантов – тружеников тыла», которые рассматривались как основные герои местного масштаба. Газеты уже не заостряли внимания на истории революции в Сибири, на героях-революционерах, на Гражданской войне. Судя по газетным источникам, сибиряки прежде всего праздновали свою Победу в Великой Отечественной войне, на которую их так активно настраивала пропаганда последних четырех лет, в том числе используя Октябрьские торжества как повод для пропаганды.

⁴⁰⁹ В Новосибирске // Сов. Сибирь. 1945. 10 нояб.

⁴¹⁰ Демонстрация преданности великому делу Ленина-Сталина // Алтайская правда. 1945. 10 нояб.

К публикациям нарративного характера, связанным с Октябрьской тематикой, мы также относим статьи на исторические темы, публиковавшиеся в предпраздничные и праздничные дни. Ранее отмечалось, что пресса концентрировала внимание на задачах политики памяти незадолго до очередной годовщины революции. В годы войны актуализировались героические образы Дмитрия Донского, Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского. Интересен язык газетных статей об этих героях. К примеру, о смерти Дмитрия Донского говорилось словно в типичном советском некрологе: «Труды и военные подвиги подорвали силы Дмитрия. Он умер 19 мая, так и не достигнув 40-летнего возраста»⁴¹¹. Против правды публикация о Минине и Пожарском сообщала: «Память о великих русских патриотах, свыше 300 лет тому назад отстоявших независимость нашей страны, никогда не умирала в русском сердце»⁴¹². При этом широко известно, что несколькими годами ранее могила Дмитрия Пожарского в суздальском Спасо-Ефимиевом монастыре подверглась осквернению.

Образы героев Новейшего времени также использовались для стимуляции патриотического подъема. К примеру, 7 ноября 1941 г., незадолго до битвы за Москву статья генерал-майора М. Захарова «Красная армия отстоит завоевания Октября» напоминала о том, как 23 февраля 1918 г. было остановлено наступление «немецких империалистов»⁴¹³.

В годы войны изменились газетные репрезентации истории сибирских городов. В первую очередь, как было отмечено выше, это заметно на примере Новосибирска. 3 ноября 1943 г. в «Советской Сибири» была опубликована статья из-

⁴¹¹ *Тихомиров М.* Дмитрий Донской // Восточно-Сибирская правда. 1943. 4 окт.

⁴¹² *Бахрушин С.* Минин и Пожарский // Там же. 1943. 3 окт.

⁴¹³ *Захаров М.* Красная армия отстоит завоевания Октября // Сов. Сибирь. 1941. 7 нояб.

вестного журналиста и писателя С. Е. Кожевникова под заголовком «Город на Оби»⁴¹⁴. На протяжении всего межвоенного периода дореволюционное прошлое городов Западной Сибири изображалось как мрачное и бесперспективное. Теперь же эта дореволюционная история героизировалась через рассказ о покорителях Сибири. Если прежде начало прогрессивного развития региона связывалось исключительно с Октябрьской революцией, то теперь фиксировалась свежая мысль: «И вот в сонную Сибирь, в таежную глухомань вдруг ворвался гудок», который издавал поезд, ехавший по Транссибирской магистрали. Кожевников использовал прием стилизации текста под эпос, а также былинные образы («Обь-матушка», «город-богатырь», «каменные пояса домов»). В его трактовке Новосибирск еще до революции олицетворял тип нового русского города, «вольный» и «самочинный», появление этого города открыло новую страницу в истории Сибири. Автор статьи сформулировал понимание роли Новосибирска в борьбе за победу в Великой Отечественной войне, которое было официально поддержано: «Здесь в глубине страны, на берегу многоводной Оби создана и работает крепость огромной несокрушимой силы».

Аналогичные мысли были высказаны в докладе секретаря Новосибирского обкома ВКП (б) М. В. Кулагина, прознесенном на торжественном заседании горкома партии в честь двадцать шестой годовщины Октябрьской революции и кратко представленном в печати⁴¹⁵. Таким образом, согласимся, что именно в 1943 г. родилась политизированная позитивная оценка роли войны в истории Новосибирска, которая укоренилась в историографии последующих лет и в коллективной памяти новосибирцев. В те годы мысль о войне как о двигателе прогресса должна была успокаивать

⁴¹⁴ Кожевников С. Город на Оби // Там же. 1943. 3 нояб.

⁴¹⁵ Торжественное заседание в театре им. А. С. Пушкина // Красноярский рабочий. 1943. 7 нояб.

истощенное тяжелым трудом население и укреплять веру в победу.

Итак, приходится признать, что газеты не дают возможности судить об эмоциональном отклике сибиряков на годовщины Октября во время войны, об их реакции на отсутствие внимания к памяти о героях и жертвах военно-революционных событий. При этом печать позволяет увидеть устойчивость и однотипность коммеморативных ритуалов, воспроизводившихся в 1941–1945 гг. по всей стране и внушивших населению новое понимание значения «завоеваний Октября», «благодаря которым советский народ выстоял в войне». К слову, это убеждение распространено и в современной России. Многие и сегодня не сомневаются в спорных и примитивных идеологических формулах советской пропаганды, согласно которой Октябрьская революция, сталинская модернизация и Великая Победа – звенья одной цепи прогрессивного и даже спасительного для народа России пути исторического развития нашей страны, якобы достигшей в первой половине XX в. подлинного величия.

«ПЕТЛИ, УЗЛЫ – КОЛЕИ ИСТОРИЧЕСКОЙ...» (ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ)

До 1917 г. государственные праздники в Сибири отвечали общим коммеморативным стандартам Российской империи. Формы организации и сценарии торжеств были однотипными и привычными для сибиряков, на памяти которых устраивались юбилеи дома Романовых, присоединения Сибири к России и другие массовые официальные празднования. Праздничный календарь в Сибири преображался вместе с изменениями, происходившими в стране, охваченной революциями и Гражданской войной. Вслед за окончательным утверждением большевиков у власти в начале 1920-х гг. годовщины Октябрьской революции стали главным праздником страны. Ежегодный акцент на дне 7 ноября выражал государственную политику памяти, направленную на унификацию коллективной памяти населения о военно-революционных событиях. Поскольку память является основой социальных идентичностей, «правильной» организации Октябрьских торжеств и привлечению к участию в них большинства населения страны власти уделяли самое пристальное внимание.

Советская практика празднования годовщин Октября утверждалась под воздействием различных факторов, среди которых стоит особенно отметить политические процессы в стране (развитие тоталитарного политического режима, борьба с инакомыслием, постановка новых задач социальной мобилизации населения), антирелигиозную пропаганду и борьбу с религией, а также развитие советской историографии, основанной на марксизме.

Официальное отношение властей к Октябрьской революции зависело от магистральных направлений советской внутренней и внешней политики, а значит, и постоянно менялось на протяжении изучаемого нами периода. Это отра-

жалось в коммеморациях (в самих торжествах, средствах визуальной пропаганды, историческом кино и т. п.), смысловые доминанты которых хорошо просматриваются в динамике. Уже в 1920 г. Октябрьский переворот, который еще не называли «революцией», тем более «Великой», расценивался как прогрессивный и радикальный разрыв с «мрачным» историческим прошлым России. Поскольку для государства оставалась актуальной идея мировой революции, российские события октября 1917 г. считались ее начальным этапом. В 1920–1922 гг. продолжала полыхать Гражданская война, именно поэтому и население, и носители власти не разделяли память о революции и о контрреволюции, воспринимая их целостно. Логично, что для многих день 7 ноября был, помимо прочего, днем скорбного и торжественного поминовения товарищей, погибших за революционные идеалы. Однако очень быстро внимание государства к памяти о погибших героях, не говоря уж о жертвах, снизилось. Из дня поминовения эта дата фактически превратилась в день учета достижений в области советского строительства, когда официально подводились итоги, прежде всего, экономического развития за весь послевоенный период.

С середины 1920-х гг. революция уже превозносилась и прославлялась. Во взаимосвязи с культом Октября стремительно развивался политический культ В. И. Ленина как «творца революции» и ее главного символа. Символы Октября и Ленина, использовавшиеся одновременно, стали основой всей советской политической символики. С началом индустриализации годовщины Октябрьской революции использовались для пропаганды форсированной индустриализации, промежуточные итоги которой подводились в праздник. В середине 1930-х гг. интерес к реальной истории революции со стороны государства практически отсутствовал. При этом сформировался еще один значимый

героический культ – культ В. И. Чапаева, утвердивший новый, соцреалистический стандарт героизма революционной эпохи.

Двадцатая годовщина Октябрьской революции пришлась на тяжелый для страны 1937 г. Именно в это время официально возродилась память об избранных героях до-революционной истории России, заслуги которых были признаны и отмечены в ходе ряда праздничных кампаний. За счет использования этих фигур памяти советское государство «продляло» свою историю, повышая собственную значимость в глазах общества. Равновеликим культу Ленина стал культ Сталина, который отныне также символизировал «Великий Октябрь». В конце 1930-х гг. и в период Великой Отечественной войны празднования годовщин Октябрьской революции были направлены главным образом на стимуляцию патриотического подъема. В Сибири в годы войны посредством Октябрьских коммемораций решалась прежде всего задача помощи труженников тыла фронту. Для этого изыскивались самые разнообразные исторические примеры не только воинского, но и трудового героизма, которыми пропагандисты вдохновляли сибиряков.

В подготовку и организацию Октябрьских торжеств в Сибири включались практически все партийные и советские властные структуры региона, выполнявшие свои строго определённые функции. Некоторая региональная специфика празднований имела место лишь в начале 1920-х гг., в дальнейшем же партийные функционеры играли роль исполнителей предписаний центра. Наиболее сложные организационные задачи возлагались на низовые партийные организации, которые одновременно оказывались ответственными за реальное проведение праздников и виноватыми за все организационные недостатки. С начала 1930-х гг. возросла не только степень централизации управления

организацией революционных годовщин, но и повысился контроль за проведением праздников. Торжества становились все более пышными, затратными и стандартными. В конце 1930-х – первой половине 1940-х сибиряки могли отразить в торжествах региональную специфику лишь в той мере, в которой это допускала Москва, смотревшая на Сибирь, прежде всего, как на источник ресурсов, необходимых фронту.

Праздничные кампании, приуроченные к годовщинам Октябрьской революции, должны были сопровождаться на местах «напоминанием» событий, происходивших в военно-революционный период, как в столицах, так и в конкретном регионе. Большую работу над увековечиванием памяти сибиряков о революции и Гражданской войне играли местные отделения Истпарта. Именно они насыщали фактическим содержанием мемориальные каркасы, возводимые государством. Истпарты отвечали за сбор и хранение историко-революционных материалов, за праздничные публикации на исторические темы, за музейные репрезентации истории революции, за разнообразные агитационно-зрелищные мероприятия. Деятели Истпарта уверенно и активно работали над структурированием памяти сибиряков о революции, отфильтровывая лишь нужные им факты и оценки событий, фиксируя их в источниках, создававшихся «по горячим следам» и претендовавших на достоверность, а также широко тиражируя свои наработки в праздничные дни. В итоге при активном участии Истпарта формировалась официальная, большевистская и единственно допустимая в условиях того времени версия военно-революционной истории в Сибири, пересмотр и переоценка которой до сих пор вызывает определенные источниковедческие затруднения, поскольку альтернативные нарративы революции утрачивались в процессе жесткой идеологизации прошлого. Активный деятель

Истпарта В. Д. Вегман и его соратники занимались историей революции с искренней убежденностью в своей правоте и в пользу этого труда. Однако результаты их деятельности резко обесценились уже во второй половине 1930-х гг., когда сменились акценты политики памяти и государство стала мало занимать история революции на местах.

День 7 ноября преподносился населению как праздник новой эпохи, соответственно, новый и по формам проводимых мероприятий, и по смыслу. Однако при всей внешней непохожести на торжества царских времен, в глубинной сущности политического коммеморативного торжества изменений было мало. Уже замечено, что, с одной стороны, разработчики сценариев советских праздников стремились использовать сильно действующую на эмоции человека эстетику христианских ритуалов, с другой – не были способны ее преодолеть⁴¹⁶. На традиционной культурной основе власть использовала отдельные коммеморативные практики для формирования выгодного ей метанарратива революции.

Формы торжественных коммемораций оставались устойчивыми, сохраняя преемственность с праздничными сценариями имперского периода. Набор и последовательность мероприятий, традиционно устраивавшихся в дни государственных праздников, сохранились. На примере Октябрьских торжеств видно, что большевики не пытались «изобретать» и даже закладывать традиции. Они осторожно использовали уже сложившиеся традиции, меняя лишь символику и смещая смысловые акценты. Так, в советское время получила развитие практика вечеров воспоминаний, применявшаяся до революции, по-прежнему устраивались военные парады, торжественные заседания, зрелищные мероприятия, выставки и народные гуляния. Очевидным новшеством был отказ от мероприятий религиозного ха-

⁴¹⁶ *Ральф М. Указ. соч. С. 87.*

рактера, которые, однако, заменялись на светские, сохранявшие внешнее и функциональное сходство с религиозными. По всей Сибири, как и по всей стране, торжества проходили практически одинаково. Акцент на местной революционной истории в дни празднований был актуален лишь в первой половине 1920-х гг., далее постепенно уменьшался. Сценарный шаблон праздника сложился быстро и оставался почти неизменным вплоть до начала Великой Отечественной войны.

В военные годы коммеморативная составляющая Октябрьских торжеств еще заметнее ослабла. Практически исчезли отдельные коммеморативные практики, популярные до войны. Так, в городах Сибири перестали устраивать вечера воспоминаний, которые раньше повсеместно проходили 6 ноября. Центральное место в праздничных сценариях заняли речи И. В. Сталина, в них подводились промежуточные итоги войны и ставились новые боевые задачи. Речь партийных функционеров, звучавшие на местах, были шаблонными и повторяли содержание речи Сталина. Если до войны кульминацией праздника являлись уличные демонстрации 7 ноября, то в военный период ритуал слушания речи Сталина в прямом эфире рассматривался как более массовое и важное мероприятие. Вечером 7 ноября по-прежнему показывали революционные фильмы, как старые, так и новые. Однако в репертуаре кинотеатров доминировали картины на актуальные темы текущей войны. Воспоминания об Октябрьской революции теперь практически не звучали. Память о «Великом Октябре» стала лишь фоном торжеств. Прекратились чествования героев революции, в ходе празднований уже не уделялось внимание местной истории революции и Гражданской войны.

Восприятие Октябрьских коммемораций всегда было неоднозначным у разных групп населения сибирских горо-

дов. Разнообразие оценок революции, свободно бытовавших в конце и сразу после Гражданской войны, не могло не сказываться на рецепции торжеств. Веер оценок праздника включал его горячее одобрение, равнодушие, праздное любопытство, раздражение, отторжение, враждебное неприятие. Однако посредством официальных Октябрьских коммемораций коллективная память сибиряков о военно-революционном периоде неустанно прорабатывалась. Со временем у многих людей реальные воспоминания подменялись искусственно сконструированным нарративом, который постепенно видоизменялся. У молодежи 1930-х гг. коллективная память об Октябре уже не усложнялась личными воспоминаниями. Поэтому к концу изучаемого нами периода эта память, отраженная в различных нарративах, обрела относительно четкие очертания. При том что нельзя не отметить факты, свидетельствующие о недоверии сибиряков официальной пропаганде, об открытом и латентном неприятии праздничного официоза, реализацию советской политики памяти посредством Октябрьских торжеств можно признать довольно эффективной, поскольку в целом она обеспечивала высокую степень консолидации общественных связей и настраивала социум на оптимистичное отношение к будущему.

В рамках этого исследования мы намеренно остановились на специфичной группе источников – сибирских ежедневных газетах периода Великой Отечественной войны. Военная проблематика дискуссионна в современной историографии и очевидно болезненна для общества при ее вынесении на широкое публичное обсуждение. Было трудно не обратить внимание на слияние ангажированных тем Великой Отечественной войны и памяти о «Великом Октябре» в отражении дискурса пропаганды именно сегодня, в сотую годовщину Октябрьской революции, когда, как может быть

никогда ранее, ощущается потребность беспристрастного научного исследования советской политики памяти, которая не могла полностью совпадать с коллективной памятью сибиряков, но внешне ее подменяла и подменяет до сих пор при поверхностном взгляде на прошлое.

Приходится признать, что в годы Великой Отечественной войны газеты отражали Октябрьские торжества, следуя строго установленным шаблонам. Хотя газетчики и были обязаны посещать праздничные мероприятия, получая предварительно особые пропуска, по большому счету они могли бы описать торжественное заседание горкома партии или демонстрацию и не присутствуя на этих торжествах, поскольку очевидно знали наперед, что именно нужно писать. Праздники освещались печатью однообразно, если в их сценариях что-то и менялось на практике, эти изменения обычно практически не фиксировались газетчиками. Журналисты не могли отступать от четко определявшейся партией во главе с вождем политики памяти и от нарративных стандартов. Печать, будучи средством пропаганды, использовала день 7 ноября в качестве повода для мобилизации масс на победу в Великой Отечественной войне. О революции, годовщины которой праздновались, газеты упоминали формально и вскользь. Хотя революционное прошлое репрезентировалось печатью как великое и героическое, но деконкретизированное, лишенное самих героев. Тема революции практически исчезла из газетных репрезентаций Октябрьских торжеств в 1945 г. Печать стремилась установить в коллективной памяти новую концептуальную рамку: русский народ является героическим и победоносным, что подтверждает его история и современность; победа в войне доказала верность того пути исторического развития, на который страна встала после революции. Героический газетный нарратив не допускал обращения к темам жертв,

ошибок, потерь и трудностей, с которыми связана реальная память сибиряков о войне.

Главный праздник Страны Советов исчез из календаря после распада СССР. Однако Октябрьские коммеморации сыграли значимую роль в формировании коллективной памяти наших земляков и соотечественников о России XX в. Заложенные в советское время оценки прошлого нашей страны и ее исторического пути актуализируются до сих пор, определяя ценностное отношение многих россиян к Отечеству. Живы и коммеморативные практики, которым власти нашли новое применение: современный день Победы, в сущности, очень похож на день 7 ноября и по сценариям торжеств, и по патриотическим смыслам коммемораций. Остаётся надеяться, что в современности все-таки останется место беспристрастному, критичному и честному взгляду на наше революционное и советское прошлое, а государственная политика памяти не станет претендовать на искоренение вариативности и разнообразия в сфере коллективной памяти, выступающей значимым фактором самоопределения и ценностного ориентирования общества.

БИБЛИОГРАФИЯ

Неопубликованные источники

Государственный архив Алтайского края (ГААК)

Ф. Р-312 (Барнаульский городской совет народных депутатов, 1917–1993).

Ф. П-1 (Алтайский краевой комитет КПСС, 1937–1962).

Ф. П-2 (Алтайский губернский комитет РКП (б), 1917–1925).

Ф. П-4 (Барнаульский окружной комитет ВКП (б), 1921–1930).

Ф. П-6 (Барнаульский уездный комитет РКП (б), 1920–1925).

Государственный архив Красноярского края (ГАКК)

Ф. Р-795 (Красноярский краевой краеведческий музей, 1917–1964).

Ф. П-1 (Енисейский губком РКП (б), г. Красноярск, Красноярский край, 1920–1929).

Ф. П-10 (Енисейский губернский комитет РКП (б), г. Красноярск, Красноярский край, 1920–1929).

Ф. П-17 (Красноярский городской комитет КПСС, г. Красноярск, Красноярский край, 1930–1991).

Ф. П-26 (Красноярский краевой комитет КПСС, г. Красноярск, Красноярский край, 1934–1991).

Государственный архив новейшей истории Иркутской области

Ф. 1 (Иркутский губернский комитет ВКП (б) (Губком), 1920–1926).

Ф. 16 (Иркутский окружной комитет ВКП (б) (Окружком), 1926–1930).

Ф. 27 (Иркутский областной комитет партии, 1937–1962; 1964–1991).

Ф. 123 (Восточно-Сибирский краевой комитет ВКП (б), г. Иркутск, 1930–1937).

Ф. 393 (Областное государственное учреждение и государственный архив Новейшей истории Иркутской области, г. Иркутск, 1931 – по наст. время).

Государственный архив Новосибирской области (ГАНО)

Ф. Р-1 (Сибирский революционный комитет (Сибревком), 1919–1925).

Ф. Р-217 (Общество изучения Сибири и ее производительных сил, 1925–1931).

Ф. Р-1376 (Отдел по делам искусств Новосибирского облисполкома, 1937–1953).

Ф. Р-1813 (Новосибирский областной краеведческий музей, 1920 – по наст. время).

Ф. П-1 (Сибирское бюро ЦК РКП (б), 1918–1924).

Ф. П-2 (Сибирский краевой комитет ВКП (б), 1924–1930).

Ф. П-3 (Западно-Сибирский краевой комитет ВКП (б), 1930–1937).

Ф. П-5 (Сибирская Комиссия по изучению истории Коммунистической партии (Истпарт), 1921–1940).

Ф. П-10 (Новониколаевский губернский комитет РКП (б), 1921–1925).

Ф. П-13 (Новониколаевский уездный комитет РКП (б), 1920–1925).

Ф. П-18 (Новосибирский окружной комитет ВКП (б), 1925–1930).

Государственный архив Томской области (ГАТО)

Ф. Д-233 (Томская городская управа, г. Томск, 1822–1818).

Ф. Р-53 (Томский губернский революционный комитет (Губревком), 1919–1920).

Ф. Р-430 (Томский городской совет народных депутатов и его исполнительный комитет (горсовет, горисполком), 1920–1933).

Ф. Р-1313 (Татауров Н. В., 1864–1966).

Ф. Р-1612 (Воспоминания томичей, коллекция, 1955–1973).

Исторический архив Омской области (ИАОО)

Ф. Р-235 (Исполнительный комитет Омского городского совета народных депутатов, 1920–1978).

Ф. П-1 (Омский губернский комитет РКП (б), 1917–1927).

Ф. П-7 (Омский окружком ВКП (б), 1920–1930).

Ф. П-19 (Омская Комиссия по изучению истории Коммунистической партии (Омский Истпарт), 1896–1990).

Новосибирский городской архив (НГА)

Ф. 33 (Новосибирский горисполком, 1920–1991).

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)

Ф. 17 (Центральный комитет КПСС (ЦК КПСС), 1898, 1903–1991).

Ф. 70 (Комиссия по истории Октябрьской революции и Российской коммунистической партии (большевиков) (Истпарт), 1920–1928).

Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИТО)

Ф. 1 (Томский губернский комитет РКП (б), 1920–1925).

Ф. 4 (Томский уездный комитет РКП (б), 1920–1925).

Ф. 76 (Томский окружной комитет ВКП (б), 1921–1930).

Ф. 80 (Томский городской комитет КПСС, 1930–1990).

Ф. 4204 (Документы о борьбе за установление советской власти и социалистическом строительстве, 1900–1991).

Опубликованные источники

Бардина Н. Г. Моя жизнь // Красноярское общество «Мемориал». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.memorial.krsk.ru/> (дата обращения: 22.08.2017).

Вениамин Вегман: государственная, научная и общественная деятельность: сб. документов к 90-летию Сибархива / сост.: Л. С. Пашенко, Е. А. Мамонтова, С. Г. Петров, Л. И. Пыстина. Новосибирск: ООО «Альфа-Порте», 2010. 450 с.

Весь Омск: справ. – указ. на 1911 г. Омск: Н. П. Иванов, 1911. 329 с.

Как мы боролись за власть советов в Иркутской губернии: (воспоминания активных участников Великой Октябрьской социалистической революции) / сост. Г. А. Вендрих. Иркутск: Иркутск. кн. изд-во, 1957. 558 с.

Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1954). 7-е изд., доп. и испр. М.: Госполитиздат, 1954. Т. 1: 1898–1924 гг. 831 с.; Т. 2: 1924–1930 гг. 676 с.; Т. 3: 1930–1954 гг. 691 с.

Периодические издания

Алтайская правда: газ. Барнаул. 1937–1945.

Власть труда: газ. Иркутск, 1920–1930.

Восточно-Сибирская правда: газ. Иркутск, 1930–1945.

Красное знамя: газ. Томск, 1921–1945.

Красноярский рабочий: газ. Красноярск, 1920–1945.

Красный Алтай: газ. Барнаул. 1920–1937.

Новосибирский рабочий: газ. Новосибирск. 1932–1933.

Омская правда: газ. Омск. 1937–1941.

Рабочий путь: газ.: 1921–1925 гг. Омск. 1921–1934.

Сибирские огни: лит. – худож. и науч. – публ. журн. Новониколаевск (Новосибирск). 1923–1945.

Советская Сибирь: газ. Новосибирск, 1922–1945.

Исследовательская литература

1. *Агурский С.* Борьба за Октябрь в Москве / С. Агурский. М.: Моспартиздат, 1933. 96 с.

2. *Адорно Т.* Что означает «проработка прошлого» / Т. Адорно // Память о войне 60 лет спустя: Россия. Германия. Европа: сб. статей / ред. М. Габович. М.: НЛЮ, 2005. С. 64–80.

3. *Аксёнов В.С.* Организация массовых праздников трудящихся (1918–1920): учеб. пособие по курсу «История массовых праздников» / В.С. Аксенов. Л.: [б. и.], 1974. 76 с.

4. *Ассман А.* Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / А. Ассман; пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: НЛЮ, 2014. 324 с.

5. *Ассман А.* Новое недовольство мемориальной культурой / А. Ассман; пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: НЛЮ, 2016. 232 с.

6. *Ассман Я.* Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман; пер. с нем. М.М. Сокольской. М.: Языки славян. культуры, 2004. 363 с.

7. *Ачкасов В.А.* «Политика памяти» как инструмент строительства постсоциалистических наций // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. № 4. С. 106–123.

8. *Баберовски Й.* Красный террор: история сталинизма / Й. Баберовски; пер. с нем. А. Г. Гаджикурбанова. М.: Фонд первого Президента России Б.И. Ельцина: РОССПЭН, 2007. 277 с.

9. Белый Омск: Омск – столица «Белой России», 1918–1919 гг. / сост. А.М. Лосунов, А.П. Сорокин; галерея коллекционного искусства «Лошадь Пржевальского». Омск: Правое дело, 2008.– 42 с.

10. *Байбурова Р.М.* Праздники в Москве 100 лет назад / Р.М. Байбурова // Развлекательная культура России XVIII–

XIX вв.: очерки истории и теории / [ред.-сост. Е. В. Дуков]. СПб.: Д. Буланин, 2000. С. 258–280.

11. *Бонелл В.* Репрезентация женщины в ранних советских плакатах / В. Бонелл // Визуальная антропология. Режимы видимости при социализме / под ред.: Е.Р. Ярской-Смирновой, П.В. Романова. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2009. С. 245–271.

12. *Бордюгов Г.А.* Октябрь. Сталин. Победа: культ юбилеев в пространстве памяти / Г.А. Бордюгов. М.: АИРО-XXI, 2010. 256 с.

13. *Бибикова И.М.* Как праздновали десятилетие Октября / И.М. Бибикова // Декоративное искусство. 1966. № 11. С. 5–10.

14. *Булдаков В.П.* Революция и историческая память: российские параметры клиотравматизма / В.П. Булдаков // Россия и современный мир. 2008. № 2. С. 5–27.

15. *Васильев А. Г.* Современные memory studies и трансформация классического наследия / А. Г. Васильев // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / под ред. Л. П. Репиной. Москва, 2008. С. 20–21.

16. *Вегман В.Д.* Как и почему пала в 1918 г. советская власть в Томске / В.Д. Вегман // Сибирские огни. 1923. № 1–2. С. 127–147.

17. *Вегман В.Д.* От победы к победе: к пятилетию Великой Октябрьской революции / В.Д. Вегман // Известия омского губернского комитета РКП(б). Омск, 1922. № 4. С. 5–13.

18. *Вегман В.Д.* От февраля к Октябрю / В.Д. Вегман // Большевик. Новониколаевск. 1924. № 3. С. 13–23.

19. *Волков Е.В.* «Колчаковщина» в советском игровом кино / Е.В. Волков // Новый исторический вестник. 2013. Вып. 35. С. 84–108.

20. *Ворошилова М.Б.* Креолизованный текст: аспекты изучения / М.Б. Ворошилова // Политическая социология. 2006. С. 180–189.

21. *Ворошилова М.Б.* Политический креолизованный текст: ключи к прочтению: моногр. / М.Б. Ворошилова. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2013. 194 с.

22. *Генкин Д.М.* Массовые праздники: учеб. пособие для институтов культуры / Д. М. Генкин. М.: Просвещение, 1975. 140 с.

23. *Герасимов С.* Первое празднество Октябрьской революции / С. Герасимов // Искусство. 1957. № 7. С. 44–45.

24. *Глебкин В.В.* Ритуал в советской культуре / В.В. Глебкин. Москва: Янус-К, 1998. 167 с.

25. *Голубев А.В.* Тоталитаризм как феномен истории XX в. / А.В. Голубев // Власть и общество в СССР: политика репрессий (20–40–е гг.) / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории; [редкол.: В.П. Дмитренко и др.]. Москва, 1997. С. 7–33.

26. *Гончаров Ю.М.* Городские праздники в Западной Сибири в середине XIX – начале XX века / Ю.М. Гончаров // Вестн. Томск. гос. пед. ун-та. 2004. № 4. С. 9–15.

27. *Дмитриенко Н.М.* День за днем, год за годом: хроника жизни Томска / Н.М. Дмитриенко. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2003. 346 с.

28. *Добренко Е.А.* Музей революции: советское кино и сталинский исторический нарратив / Е.А. Добренко. М.: НЛО, 2008. 416 с.

29. *Добренко Е.А.* Политэкономия соцреализма / Е.А. Добренко. М.: НЛО, 2007. 587 с.

30. *Добренко Е.М.* Сталинская культура: вслушиваясь в письмо, читая голос [Электронный ресурс] / Е.М. Добренко // Новое литературное обозрение. 2012. № 117. URL: <http://www.nlobooks.ru/node/2642> (дата обращения: 09.02.2016).

31. *Дэвис С.* Мнение народа в сталинской России: террор, пропаганда и инакомыслие, 1934–1941 гг. / С. Дэвис; [пер. с англ. В. Н. Морозова]. Москва : РОССПЭН, 2011. 229 с.

32. *Евтихиева И.А.* Крестные ходы по томской земле / И.А. Евтихиева // Сибирская старина. 2003. № 20. С. 13–17.
33. *Елина Е.А.* Семиотика рекламы: учеб. пособие. / Е.А. Елина. М.: Дашков и Ко, 2009. 136 с.
34. *Исаев В.И.* Необычные судьбы обычных людей: советская повседневность в 1920–1930-е гг. / В.И. Исаев; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т истории. Новосибирск: Параллель, 2008. 187 с.
35. Историческая политика в XXI в. / науч. ред.: А. Миллер, М. Липман. М.: НЛО, 2012. 647 с.
36. Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. / гл. ред. В.А. Ламин; отв. ред. П.И. Клименко. Новосибирск: Ист. наследие Сибири, 2010.
37. *Кокоулин В.Г.* Новониколаевск в годы революции, гражданской войны и «военного коммунизма» (февр. 1917 – март 1921 г.) / В.Г. Кокоулин. Новосибирск: [б. и.], 2010. 323 с.
38. *Колоницкий Б.И.* Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 г. / Б.И. Колоницкий. СПб.: Д. Буланин, 2011. 347 с.
39. *Копосов Е.Н.* Память строгого режима: история и политика в России / Е.Н. Копосов. М.: НЛО, 2011. 320 с.
40. *Красильников, С.А.* Социальная мобилизация как системная характеристика сталинского режима: природа, формы, функции // История сталинизма: итоги и проблемы изучения: материалы Междунар. науч. конф. / под ред. Й. Баберовски. М.: РОСПЭН, 2011. С. 150–159.
41. *Красильникова Е.И.* Жизнь в городе-акселерате: обеспечение потребностей новосибирцев в межвоенное время (конец 1919 – первая половина 1941 г.): монография / Е.И. Красильникова. Новосибирск: Наука, 2008. 256 с.
42. *Красильникова Е.И.* Коммеморативный аспект Октябрьских торжеств в западносибирских городах 1920-х гг. /

Е. И. Красильникова // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 3. С. 68–71.

43. *Красильникова Е.И.* Октябрьские торжества в городах Западной Сибири 1930-х гг.: коммеморативный аспект / Е.И. Красильникова // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 1. С. 49–52.

44. *Красильникова Е.И.* Помнить нельзя забыть? Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 – середина 1941 г.): моногр. / Е.И. Красильникова. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2015. 572 с.

45. *Красильникова Е.И.* Создание в городах Западной Сибири памятников, посвященных юбилеям событий истории Дома Романовых (конец XIX – начало XX в.) / Е.И. Красильникова // Тобольск научный – 2012: материалы IX Всерос. конф. с междунар. участием. Тюмень: Тюмен. изд. дом, 2012. С. 347–351.

46. Краткий курс истории ВКП(б) [Электронный ресурс] / под. ред. Комиссии ЦК ВКП(б). М.: ОГИЗ, 1938. 351 с. URL: http://www.lib.ru/DIALEKTIKA/kr_vkpd.txt (дата обращения: 18.02.2016).

47. *Кудрявцев Ф.А.* Иркутск: Очерки по истории города / Ф.А. Кудрявцев, Г.А. Вендрих. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1958. 515 с.

48. *Леонтьева О.Б.* «Мемориальный поворот» в современной российской исторической науке / О.Б. Леонтьева // Диалог со временем. 2015. Вып. 50. С. 59–96.

49. *Лившиц А.Я.* Настроения и политические эмоции в Советской России, 1917–1932 гг. / А.Я. Лившиц. М.: РОССПЭН: Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2010. 341 с.

50. *Малинова О.Ю.* Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности / О.Ю. Малинова. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 207 с.

51. *Малинова О.Ю.* Официальный исторический нарратив как элемент политики идентичности в России: от 1990-х к 2010-м годам / О.Ю. Малинова // Полис. Политические исследования. 2016. №6. С. 139–156.

52. *Малинова О.Ю.* Политика социальных проекций прошлого / О.Ю. Малинова. [Электронный ресурс] // Постнаука. 2014. 30 октября. URL: <https://postnauka.ru/video/34948> (дата обращения: 13.09.2017).

53. *Мальшева С.Ю.* «Еженедельные праздники, дни господские и царские»: время отдыха российского горожанина второй половины XIX – начала XX в. / С.Ю. Мальшева // Abimperio. 2009. № 2. С. 225–269.

54. *Мальшева С.Ю.* Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, мифы (1917–1927) / С.Ю. Мальшева. Казань: Рутен, 2005. 400 с.

55. *Мегилл А.* Историческая эпистемология / А. Мегилл. М.: Канон+, 2007. 480 с.

56. *Медушевский А.Н.* Сталинизм как модель социального конструирования. К завершению научно-исследовательского проекта / А.Н. Медушевский // Российская история. 2010. № 6. С. 3–29.

57. *Меньков С.В.* Процесс организации советских государственных праздников на Алтае (1930-е гг.) / С.В. Меньков // Вестник Томск. гос. ун-та. 2016. № 411. С. 84–87.

58. *Некрылова А.Ф.* Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища конца XVIII – начала XX в. / А.Ф. Некрылова. Ленинград: Искусство, 1984. 89 с.

59. Хроника событий в Новониколаевске 1917 г. / сост. Е.В. Бердникова, А.В. Высоцкий, Н.Н. Лебедев, Н.М. Сюмакова; Новосиб. обком КПСС. Партархив. Новосибирск: [б. и.], 1967. 151 с.

60. Новосибирск, 100 лет: События. Люди / отв. ред. Л.М. Горюшкин. Новосибирск: Наука, 1993. 472 с.

61. Новосибирск: энциклопедия / гл. ред. В.А. Ламин. Новосибирск: Кн. изд-во, 2003. 1072 с.

62. *Озуф М.* Революционный праздник, 1789–1799 / М. Озуф; пер. с фр. Е.Э. Ляминой. М.: Языки славян. культуры, 2003. 416 с.

63. *Олик Дж.* Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии / Дж. Олик // Социологическое обозрение. 2012. Т. 1, № 1. С. 40–74.

64. *Оснос Ю.* Октябрьская революция и памятники художественной культуры / Ю. Оснос // Искусство. 1940. № 6. С. 62–66.

65. Очерки истории города Омска: в 2 т. Т. 2. Омск. XX в. / под ред. А.П. Толочко. Омск: Омский гос. ун-т, 2005. 400 с.

66. *Папков С.А.* Городское самоуправление Новониколаевска (Новосибирска) в 1920-е годы / С.А. Папков // Власть и общество в Сибири в XX в.: сб. науч. статей / науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск: Параллель, Институт истории СО РАН, 2015. Вып. 6. С. 133–153.

67. *Папков С.А.* Сталинский террор в Сибири, 1928–1941 / С.А. Папков. Новосибирск: Сиб. отд-ние РАН, 1997. 272 с.

68. *Пастуро М.* Синий. История цвета / М. Пастуро; пер. с фр. Н. Кулиш. М.: НЛЮ, 2015. 144 с.

69. *Плампер Я.* Алхимия власти: культ Сталина в изобразительном искусстве / Я. Плампер; пер. с англ. Н. Эдельмана. М.: НЛЮ, 2010. 495 с.

70. *Плампер Я.* Пространственная поэтика культа личности: «круги вокруг Сталина» / Я. Плампер // Очевидная история: проблемы визуальной истории России XX столетия: сб. ст. / под ред. И.В. Нарского. Челябинск: Камен. пояс, 2008. С. 339–364.

71. Победа Великого Октября в Сибири: В 2 ч. / под ред. И.М. Разгона; Том. гос. ун-т им. В.В. Куйбышева. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1987.

72. Ч. 1: Февральская революция и двоевластие / под ред. И.М. Разгона, Л.А. Голишевой, Л.М. Горюшкина и др.]. Томск: изд-во Том. гос. ун-та. 254 с.

73. Ч. 2: Социалистическая революция и установление Советской власти / под ред. Е.Н. Бабиковой, Д.М. Зольникова, Е.Н. Косых и др. Томск: изд-во Том. гос. ун-та. 319 с.

74. *Познанский В.С.* Социальные катаклизмы в Сибири: голод и эпидемии, 20–30-е гг. XX в.: моногр. / В.С. Познанский. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007. 306 с.

75. *Покровский М.Н.* Октябрьская революция: сб. ст. (1917–1927 гг.) / М.Н. Покровский; Коммунист. акад.; О-во марксистов. М.: Изд-во Коммунист. акад., 1929. 418 с.

76. Политология: словарь-справочник / авт.-сост. А.П. Угроватов. Новосибирск: ЮКЭА, 2006. 488 с.

77. *Полищук Н.С.* У истоков советских праздников / Н.С. Полищук // Советская этнография. 1987. № 6. С. 3–15.

78. *Полонский В.П.* Русский революционный плакат / В.П. Полонский. М.: Госиздат, 1925. 129 с.

79. *Разгон И.М.* Расстановка классовых сил в Сибири накануне и в период Великой Октябрьской социалистической революции // Вопросы истории Сибири / под ред. И.М. Разгона, Л.И. Боженко, И.П. Бородавкина. Вып. 4. Томск: изд-во Томск. гос. ун-та, 1969. С. 3 С. 3–28.

80. *Репина Л.П.* Историческая память и современная историография / Л.П. Репина // Новая и новейшая история. 2004. № 5. С. 33–45.

81. *Репина Л.П.* Концепции социальной и культурной памяти в современной историографии / Л.П. Репина // Феномен прошлого / под ред. И.М. Савельевой, А.В. Полетаева. М.: ГУ ВШЭ, 2005. С. 122–169.

82. *Репина Л.П.* Культурная память и проблемы историописания: (историографические заметки) / Л.П. Репина. М.: ГУ ВШЭ, 2003. 44 с.

83. *Репина Л.П.* Память о прошлом в пространстве культуры / Л.П. Репина // Диалог со временем: альм. интеллектуальной истории. М.: Изд-во Ин-та всеобщей истории (ИВИ) РАН, 2012. № 43. С. 190–198.

84. *Рикёр П.* Память, история, забвение / П. Рикёр; пер. с фр. М.: Изд-во гуманитар. лит., 2004. 728 с.

85. *Рожанский М.Я.* Сибирь как пространство памяти: моногр. / М.Я. Рожанский. Иркутск: Отгиск, 2014. 180 с.

86. *Рольф М.* Советские массовые праздники / М. Рольф; пер. с нем. В.Т. Алтухова. М.: РОССПЭН, 2009. 440 с.

87. *Романов Н.С.* Летопись города Иркутска за 1902–1924 г. / Н.С. Романов; предисл. и примеч. Н. В. Куликаускаене. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1994. 559 с.

88. *Савельева И.М.* «Историческая память»: к вопросу о границах понятия / И. М. Савельева // Феномен прошлого / под ред.: И.М. Савельевой, А.В. Полетаева. М.: ГУ ВШЭ, 2005. С. 170–220.

89. *Савельева И.М.* Социальные представления о прошлом: типы и механизмы формирования / И.М. Савельева, А.В. Полетаев. М.: ГУ ВШЭ, 2004. 56 с.

90. *Сафронов В.П.* Большевики Сибири в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции (февраль 1917 – март 1918 г.) / В.П. Сафронов. Красноярск: Красноярск. кн. изд-во, 1962. 719 с.

91. *Святославский А.В.* История России в зеркале памяти: механизмы формирования исторических образов / А.В. Святославский. М.: Древлехранилище, 2013. 588 с.

92. *Синявский А.Д.* Основы советской цивилизации / А.Д. Синявский. М.: Аграф, 2002. 464 с.

93. *Снегирев И.М.* Русские простонародные праздники и суеверные обряды [Электронный ресурс] / И.М. Снегирев. Москва: Университетская тип., 1837–1839. Вып. 1–4. URL:

<http://www.rodnovery.ru/knizhnaya-polka/200-russkie-prostonarodnye-prazdniki-i-suevernye-obryady> (дата обращения: 01.10.2015).

94. Советская культурная политика и практика ее реализации в Сибирском регионе: очерки истории / В.Л. Соскин, С.А. Красильников, Е.Г. Водичев [и др.]. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2006. 214 с.

95. Советский политический плакат 1917–1967: Комплект плакатов / сост. Е.Я. Зазерский. Ленинград: Лениздат, 1967. 52 пл. в папке.

96. Советские плакаты Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: [Изоматериал]: Эксклюзивные почтовые карточки с изображениями плакатов Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: из коллекции Государственного центрального музея современной истории России: [Комплект открыток]. М., 2016. 10 л.

97. *Соскин В.Л.* Российская советская культура (1917–1927 гг.): очерки социальной истории / В.Л. Соскин. Новосибирск: Изд-во СОРАН, 2004. 455 с.

98. Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х – 1930-е гг.): коллект. моногр. / Н.Б. Арнаутов, С.А. Красильников, И.С. Кузнецов и др. Новосибирск: НГУ, 2013. 419 с.

99. Сталинизм в российской провинции, 1937–1938 гг.: массовая операция на основе приказа № 00447 / [Уполномоченный по правам человека в Рос. Федерации и др.; сост. М. Юнге и др.]. М.: РОССПЭН [и др.], 2009. 926 с.

100. *Страхов А.И.* Азбука революции. 1917–1921: комплект плакатов А.И. Страхова / вступ. статья С. Раевского. 3-е изд. Киев: Мистецтво, 1969. - 1 л. в слож. виде.

101. *Тихонов В.В.* Революция 1917 года в коммеморативных практиках и исторической политике советской эпохи / В.В. Тихонов // Российская история. 2017. № 2. С. 92–112.

102. *Тихонов В.В.* Революция повторяется (образ революции 1917 г. в эпоху перестройки) / В.В. Тихонов // Новое прошлое. 2016. №2. С. 205–216.

103. *Турнов А.Н.* Революция и Гражданская война в Сибири / А.Н. Турнов, В.Д. Вегман. Новосибирск: Кн. изд-во, 1928. 150 с.

104. *Тяжелникова В.С.* «Вы жертвою пали в борьбе роковой...»: генезис и эволюция революционной жертвенности коммунистов / В. С. Тяжелникова // Социальная история: ежегод., 1998–1999 / под ред. Л.И. Бородкина. М.: РОССПЭН, 1999. С. 411–433.

105. *Уйманов В.Н.* Ликвидация и реабилитация: Политические репрессии в Западной Сибири в системе большевистской власти (конец 1919 – 1941 г.) / В.Н. Уйманов. Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 2012. 586 с.

106. *Ушакова С.Н.* Идеолого-пропагандистские кампании как способ социальной мобилизации советского общества в конце 1920-х – начале 1940-х гг. / С. Н. Ушакова. Новосибирск: Сова, 2009. 241 с.

107. *Фельдман М.А.* Была ли Октябрьская революция 1917 года пролетарской? (Проблемы истории и историографии) / М.А. Фельдман [Электронный ресурс]. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/2014/12/15/1251141669/8_Feldman_.pdf. (дата обращения: 14.06.2017).

108. *Фицпатрик Ш.* Срывайте маски!: идентичность и самозванство в России XX в. / Ш. Фицпатрик; пер. с англ. М.: Фонд «Президент. центр Б. Н. Ельцина», 2011. 373 с.

109. Франция – память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок; пер. с фр. Д. Хапаевой. СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. гос. ун-та, 1999. 328 с.

110. *Хальбвакс М.* Коллективная и историческая память / М. Хальбвакс // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа / ред. М. Габович. М.: НЛЮ, 2005. С. 16–50.

111. *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс; пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкина. М.: Нов. изд-во, 2007. 348 с.

112. *Хаттон П.Х.* История как искусство памяти / П.Х. Хаттон; пер. с англ. В. Ю. Быстрова; предисл. И. М. Савельевой. СПб.: Владимир Даль, 2003. 422 с.

113. *Хлевнюк О.В.* Сталин. Жизнь одного вождя: биография / О.В. Хлевнюк. М.: Издательство АСТ: Corpus, 2016. 464 с.

114. *Хлевнюк О.В.* Хозяин: Сталин и утверждение сталинской диктатуры / О. В. Хлевнюк. М.: РОССПЭН, 2010. 478 с.

115. *Шаповалов С.Н.* Праздник и война: опыт проведения праздников в 1941–1942 гг. (по материалам Краснодарского края и Ростовской области) / С.Н. Шаповалов // Общество, философия, история, культура. 2014. № 1. С. 45–49.

116. *Шаповалов С.Н.* Праздник и война: опыт проведения праздников в 1943–1945 гг. (по материалам Краснодарского края и Ростовской области) / С.Н. Шаповалов // Общество, философия, история, культура. 2014. № 2. С. 36–39.

117. *Шумихина Л.А.* Эстетика парадов и демонстраций, как праздничных ритуалов советской культуры / Л.А. Шумихина, В.Н. Попова // Теория и практика общественного развития. 2012. №5. С. 205–208.

118. *Шилин С.А.* Общественные праздники в Барнауле (конец XIX – начало XX в.) / С.А. Шилин. Барнаул: Изд-во АГУ, 2008. 54 с.

119. *Шиловский М.В.* Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920 гг. / М.В. Шиловский; отв. ред. В.А. Ламин; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т истории. Новосибирск: Сиб. Хронограф, 2003. 427 с.

120. *Шишкин В.И.* Гражданская война в Сибири (1920 г.) [Электронный ресурс] / В.И. Шишкин // Сибирская

займка. 2000. № 7. URL: <http://zaimka.ru/soviet/shishkin2.shtml> (дата обращения: 13.10.2015).

121. *Шишкин В.И.* Государственное управление Сибирью в конце XIX – первой трети XX в. / В.И. Шишкин // Власть и общество в Сибири в XX веке. Сб. науч. статей / науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск: Параллель, Институт истории СО РАН. 2010. Вып. 1. С. 153.

122. *Ширяева П.Г.* Из истории становления революционных пролетарских традиций / П.Г. Ширяева // Советская этнография. 1970. № 3. С. 38–48.

123. *Шорников М.М.* Большевики Новониколаевска в период подготовки и проведения Октябрьской революции (март 1917 – февраль 1918 гг.). Новосибирск: Зап-Сиб. кн. изд-во, 1963. 79 с.

124. *Шорников М.М.* Большевики Сибири в борьбе за Октябрь / М.М. Шорников. Новосибирск: Новосибгиз, 1947. 87 с.

125. *Шорников М.М.* Год семнадцатый. Большевики Сибири в борьбе за победу Октябрьской соц. революции. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1967. 235 с.

126. *Щербинин А.И.* «Красный день календаря»: формирование матрицы восприятия политического времени в России / А.И. Щербинин // Вестн. Томск. гос. ун-та: сер.: «Философия. Социология. Политология». 2008. № 2. С. 52–69.

127. *Щербинин А.И.* Тоталитарная индоктринация: у истоков системы: политические праздники и игры / А.И. Щербинин // Полис. 1998. № 5. С. 79–96.

128. *Щербинин А.И.* Тоталитарная индоктринация как управление сознанием: учеб. пособие / А.И. Щербинин. Томск: Изд-во ТГУ, 2012. 271 с.

129. *Щербинина Н.Г.* Тоталитарный миф о вождях / Н.Г. Щербинина // Тоталитаризм и тоталитарное сознание. Томск: Томск. обл. антифашист. ком., 1998. Вып. 2. С. 119–124.

130. *Элиаде М.* Аспекты мифа / М. Элиаде, пер. с франц. М.: Академический Проект; Парадигма, 2005. 222 с.
131. *Bonnell V. E.* Iconography of Power: Soviet Political Posters under Lenin and Stalin / V. E. Bonnell. Berkley; Los Angeles; L.: University of California press, 1997. 385 p.
132. *Bown M.* Art under Stalin / M. Bown. N. Y.: Holmes and Meir, 1991. 256 p.
133. *Brandenberger D.* Propaganda state in crisis: Soviet ideology, indoctrination and terror under Stalin, 1927–1941 / D. Brandenberger. New Haven; London: Yale University Press, 2011. 357 p.
134. *Brooks J.* Thank You, Comrade Stalin!: Soviet Public Culture from Revolution to Cold War / J. Brooks. Princeton: Princeton university press, 2000. 344 p.
135. *Corney F.C.* Telling October: Memory and the Making of the Bolshevik Revolution / F.C. Corney. Ithaca, N. Y.: Cornell University press, 2004. 266 p.
136. *Hoffman D.L.* Stalinist Values: the Cultural Norms of Soviet Modernity / D.L. Hoffman. Ithaca; L.: Cornell University Press, 2003. 247 p.
137. *Kenez P.* Cinema and the Soviet Society forms the Revolution to the Death of Stalin / P. Kenrz. L.; N. Y.: Tauris, 2001. 252 p.
138. *King D.* Russian Revolutionary Posters: from Civil War to Socialist Realism, from Bolshevism to the end of Stalin: from the David King Collection at Tale Modern / D. King. L.: Tale publ., 2012. 144 p.
139. *Lenoe M.E.* Closer to the Masses: Stalinist Culture, Social Revolution, and Soviet Newspapers / M.E. Lenoe. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2004. 315 p.
140. *Petrone K.* Life Has Become More Joyous, Comrade: Celebrations in the Time of Stalin / K. Petrone. Bloomington: Indiana University Press, 2000. 266 p.

141. *Pristland D.* Stalinism and the Politics of Mobilization: Ideas, Power and Terror in Inter-War Russia / D. Priestland. Oxford; N. Y.: Oxford University Press, 2007. 487 p.

Диссертации и авторефераты диссертаций

142. *Дашинимаева М.Ю.* История создания и деятельности Истпартов на территории Байкальского региона (1921–1939 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / М.Ю. Дашинимаева. Улан-Удэ, 2009. 24 с.

143. *Дементьев А.П.* Общественно-политическая жизнь в Енисейской губернии: март 1917 – ноябрь 1918 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / А.П. Дементьев. Иркутск, 2015. 24 с.

144. *Деканова М.К.* Трансформация российской праздничной культуры в конце XIX – первой трети XX в.: центр и провинция: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / М.К. Деканова. Самара, 2009. 19 с.

145. *Курас Л.В.* Октябрьская революция в Сибири 1917 – середины 1918 в отечественной исторической литературе и источниках: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09 / Л.В. Курас. Иркутск, 1995. 36 с.

146. *Лиманова С.А.* Официальные церемонии в городском пространстве Петербурга и Москвы в царствование Николая II: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / С.А. Лиманова. М., 2013. 30 с.

147. *Макашова А.С.* Государственные праздники в современной культуре России. Рецепция исторического наследия.: автореф. дис. ... канд. культурол.: 24.00.01 / А.С. Макашова. СПб., 2014. 21 с.

148. *Мордасова М.А.* Праздничная культура Южного Урала в 1917–1941 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / М.А. Мордасова. Челябинск, 2005. 26 с.

149. *Сливко С.В.* Деятельность дальневосточного Истпарта по изучению истории революционного движения,

гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке России (1922–1939 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Хабаровск, 2014. 267 с.

150. *Шаповалов С.Н.* Историческая трансформация российских (советских) государственных праздников в 1917–1991 гг. (на материалах Краснодарского края и Ростовской области): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / С.Н. Шаповалов. Краснодар, 2011. 27 с.

151. *Шишкин В.И.* Советское государственное строительство в Сибири в августе 1919 – марте 1921 гг. (период революционных комитетов): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / В.И. Шишкин. Новосибирск, 1974. 28 с.

152. *Штейнман Р.Ш.* Сибирский революционный комитет: автореф. дис. ... канд. юр наук: 12.00.01. Свердловск, 1975. 29 с.

153. *Шумилов А.И.* Организация и деятельность Истпартов Сибири (1920–1939): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.01. Томск, 1987. 20 с.

154. *Щегорцов В.А.* Эволюция политической культуры советского общества: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 23.00.03 / В.А. Щегорцов. Москва, 1991. 54 с.

155. *Hartzok J.G.* Children of Чапаев: the Russian Civil War cult and the creation of Soviet identity, 1918–1941 [Electronic resource]: theses and PhD diss. / J. G. Hartzok; University of Iowa. Iowa, 2009. Available at: <http://ir.uiowa.edu/etd/1227> (accessed: 14.10.2015).

Рис. 3. Плакат «Октябрьская революция – мост к светлому будущему», неизвестный художник, 1921 г.

Рис. 4. Плакат «Рождество», худож. – Д. С. Моор, 1921 г.

Рис. 5. Украинский плакат из серии «Азбука революции» к 4-й годовщине Октябрьской революции, худож. – А. Страхов, 1921 г.

Рис. 6. Праздничный плакат к 10-летию Октябрьской революции, худож. А. Л. Старчевский, 1927 г.

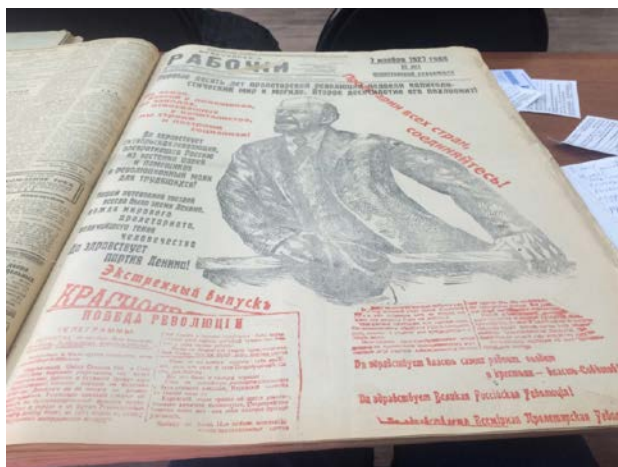

Рис. 7. Праздничный выпуск газеты «Красноярский рабочий» от 7 ноября 1927 г.

573. Стенберг В., Стенберг Г., Руклевский Я.
Октябрь. Реж. С.Эйзенштейн. 1927

Рис. 8. Афиша к художественному фильму «Октябрь».
Худож. – В. Стенберг, Г. Стенберг, Я. Руклевский, 1927 г.

Рис. 9. Праздничный плакат к 15-й годовщине Октябрьской революции, 1932 г.

Рис. 10. Передовица праздничного выпуска газеты «Красноярский рабочий» от 7 ноября 1937 г.

Рис. 11. Праздничный плакат к 20-летию Октябрьской революции, худож. – И. Тоидзе, 1937 г.

Рис. 12. Сувенирный платок, выпущенный к 20-летию Октябрьской революции, 1937.

Рис. 13. Страница праздничного выпуска газеты «Советская Сибирь» от 7 ноября 1938 г.

Рис. 14. Плакат к 3-летию Октябрьской революции, Худож. Д. С. Моор, 1920 г.

Рис. 14. Праздничный плакат к 7 ноября периода Великой Отечественной войны, худож. – Н. Аввакумов, В. Щеглов, 1941 г.

Рис. 15. Плакат к 7 ноября, худож. – В. А. Серов, 1941 г.

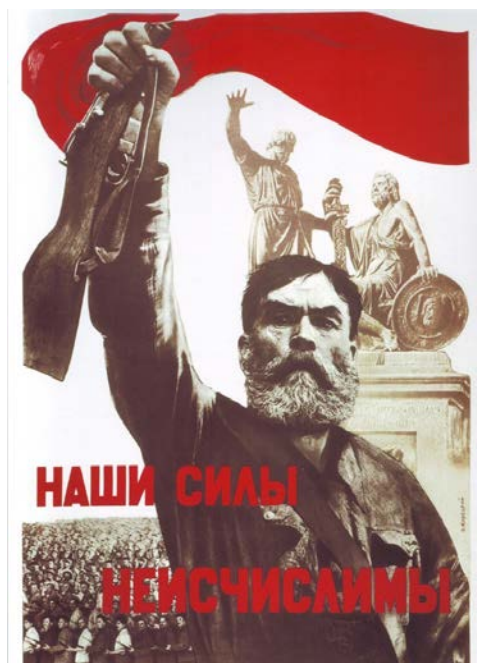

Рис. 16. Коммеморативный плакат, худож. В. Корецкий, 1941 г.

Рис. 17. Плакат к 7 ноября, худож. – Куекрыниксы, 1941 г.

Рис. 18. Плакат к 27-й годовщине Октябрьской революции, худож. В. Дени, 1944 г.

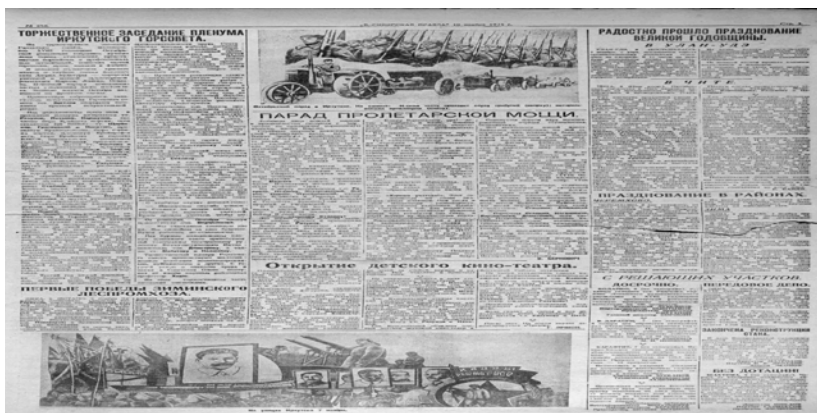

Рис. 19. Фото Октябрьской демонстрации в Иркутске из газеты «Восточно-Сибирская правда», 1935 г.

Рис. 20. Страница газеты «Красноярский рабочий», содержащая статью о театральной постановке пьесы «Человек с ружьем», 1938 г.

Рис. 21. Полоса газеты «Восточно-Сибирская правда», содержащая репертуар зрелищ в день 7 ноября, 1935 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. ОКТЯБРЬСКИЕ ТОРЖЕСТВА В 1920–1945 гг.: ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ СМЫСЛЫ И ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПРАЗДНИКА В СИБИРСКИХ ГОРОДАХ.....	43
1.1. «Октябрьская революция – мост к светлому будущему!»: советская политика памяти об Октябре, содержание дискурсов пропаганды	43
1.2. «Поменьше трескотни – побольше дела!» Организация Октябрьских торжеств в Сибири: роль партийных и советских органов.....	65
1.3. «Уловить, зафиксировать, разбираться беспристрастно в фактах»: работа Истпарта над «организацией» памяти о «Великом Октябре» в Сибири	80
Глава 2. КОММЕМОРАЦИИ В ПРАЗДНИЧНЫХ РИТУАЛАХ.	102
2.1. «Пять часов проходили колонны»: Октябрьские коммеморации 1920-х гг.	102
2.2. «Демонстрация бодрости и силы»: коммеморации 1930-х гг. в дни Октябрьских торжеств.....	134
2.3. «Отстоим завоевания Великого Октября!»: праздничные коммеморации военных лет.....	148
Глава 3. РЕЦЕПЦИЯ ОКТЯБРЬСКИХ ТОРЖЕСТВ	160
3.1. «Нам нет дела до ваших демонстраций!»: восприятие Октябрьских торжеств жителями сибирских городов ..	160
3.2. «Бесконечная радость охватила сердца!»: Октябрьские торжества военных лет в зеркале газетной прессы Сибири.....	173
«ПЕТЛИ, УЗЛЫ – КОЛЕИ ИСТОРИЧЕСКОЙ...» (ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ).....	184
БИБЛИОГРАФИЯ	193
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	213

Красильникова Е. И.

**«МЫ ПОМНИМ ДЕНЬ 7 НОЯБРЯ».
ОКТАБРЬСКИЕ ТОРЖЕСТВА В СИБИРИ:
КОММЕМОРАТИВНЫЙ АСПЕКТ (1920–1945)**

Монография

В авторской редакции

Компьютерная верстка *В. Н. Зенина*

Подписано в печать 25 июня 2018 г. Формат 60×84^{1/16}.
Объем 11,3 уч.-изд. л., 14,1 усл. печ. л. Тираж 500 экз.
Заказ № 2094.

Отпечатано в Издательском центре НГАУ «Золотой колос»
630039, Новосибирск, ул. Добролюбова, 160, каб. 106.
Тел. (383) 267-09-10. E-mail: 2134539@mail.ru